

ЛИЦО
ПОД
МАСКОЙ

ХЕЛЕН ФАЙФЕР

Величайшее шоу страны может представлять огромную опасность...

1950-е годы: Клоун Тафти — любимец цирка, и его выступления собирают поклонников за много миль вокруг. Но за накрашенным белым лицом, вздернутыми красными губами и пышным париком скрывается нечто гораздо более зловещее...

День сегодняшней: Когда Уолтер находит старый клоунский костюм, его необъяснимо к нему тянет. Надев костюм, Уолтер чувствует, что его как будто ударило током. В этот момент голоса в его голове становятся громче, и внезапно он обнаруживает, что действует так, как никогда не мог себе представить.

Офицер полиции Энни Эшворт наслаждается своим декретным отпуском, проводя время с малышом Альфи. И только появление в Барроу нового серийного убийцы может объяснить холодное присутствие, которое она ощущает в своем доме. Энни уверена, что дух должен обрести покой, и в прошлом она всегда оказывалась права. Но кто этот человек в маске, который преследует ее в кошмарах? И почему он одет в костюм клоуна... Величайшее шоу на земле может представлять большую опасность...

Хелен Файфер

«ЛИЦО ПОД МАСКОЙ»

«Детектив Энни Грэм — 6»

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексану

Переведено специально для группы: vk.com/monaburumba

Пролог

Лето 1950 года

Двадцатилетний Горди Маршалл стоял посреди душного чердака двухэтажного дома своих родителей и любовался своим отражением в единственном зеркале в полный рост. Он нашел зеркало спрятанным здесь, когда был подростком. Горди понятия не имел, почему его отец ненавидел зеркала. Он их просто на дух не переносил, и во всем доме, кроме этого зеркала, имелось только два: одно в ванной и одно в прихожей. В спальне Горди никогда не разрешалось иметь зеркало, что он считал просто абсурдом.

Это зеркало он обнаружил спрятанным под простыней, когда однажды пришел сюда в поисках материалов для костюма клоуна. Горди знал, что его мать хранит на темном пыльном чердаке старый сундук, полный костюмов, которые она носила, работая танцовщицей в цирке. Он отыскал этот сундук и просидел наверху несколько часов, рассматривая блестящий шелк и сверкающие платья. Среди нарядов лежал фотоальбом, полный фотографий, запечатлевших, как его мать выступала в цирке. Она позировала рядом со львами, слонами, акробатами и клоунами.

Клоуны очаровали Горди больше всего. Он собирался устроиться в цирк и стать клоуном. Он не мог рассказать матери о своих мечтах, потому что у нее, казалось, больше не осталось своих собственных. Она превратилась в подавленную, злобную женщину, безропотно выполнявшую все, что говорил ей муж. Горди не мог вспомнить, когда она в последний раз смеялась или шутила.

В детстве он с трепетом слушал ее рассказы о цирковой жизни. Однажды его отец пришел домой и услышал, как она рассказывает ему о красивых акробатах на трапеции, и на этом все закончилось. На следующее утро отец отвез его в школу, а когда Горди вернулся домой, мать стояла на кухне и готовила чай в темных очках и с шарфом на шее — несмотря на теплый осенний день.

После этого дня она перестала смеяться и шутить. Больше не укладывала Горди спать, и прекратила рассказывать истории.

Сегодня он любовался костюмом, который сшил сам, держа его в руках и стоя перед зеркалом. Он взял в руки старую атласную косметичку, которую мать выбросила несколько месяцев назад, и достал из нее белую жирную краску. Горди не спеша нанес ее на лицо. Все должно получиться как надо. Он закончил толстый слой белой краски и взял красную,

нарисовав большую, фальшивую, красную улыбку. Добавив толстые линии вокруг глаз, Горди улыбнулся, стоя как можно ближе к стеклу.

Поворачивая голову то влево, то вправо, он восхищался своей искусной работой. Он даже не услышал, как открылась входная дверь, настолько его заворожил вид самого себя в первый раз в полном гриме. Он облачился в костюм, который сшил из черно-белой полосатой атласной ткани, найденной им на дне сундука. Надев комбинезон, Горди улыбнулся. Посреди груди у него висели три черных помпона, на изготовление которых ушла целая вечность.

Он достал большой черный воротник, застегивающийся на шею, и поднял его вверх. Когда все было готово, Горди вытащил парик из чемодана, стоявшего рядом с сундуком. Ярко-оранжевый кудрявый парик из галантерейного магазина не выглядел особенно эффектно, пока он не отрезал кудри, оставив только три пучка ярко-оранжевых волос, торчащих вверх. Натянув его на голову, он усмехнулся своему зеркальному отражению. Отныне его будут звать клоуном Тафти.

Громкий удар, а затем пронзительный визг заставили его подпрыгнуть.

— Гор-р-р-ди Маршалл, какого черта ты тут устроил?

Он поморщился, услышав, как мать прокричала его имя. Ради Бога, она должна запомнить, что он уже не сопливый мальчишка, а взрослый мужчина. Шум доносился прямо под ним, а значит, она сейчас в его комнате. Снова копается в его личных вещах. В последний раз она делала это под предлогом смены постельного белья.

Гнев наполнил его грудь, и он повернулся, чтобы сбежать вниз и посмотреть, из-за чего она кричит. Он заскочил в свою комнату в тот самый момент, когда его отец поднимался по лестнице. Мать держала в руках его старую жестянку из-под конфет и смотрела на содержимое.

Горди выругался себе под нос:

— Черт.

Протягивая к нему открытую жестянку, мать пронзительно закричала.

— Что это, черт возьми, такое? Мне плохо. Я даже не уверена, хочу ли знать вообще.

Он пожал плечами на подборку мелких костей от животных, которых убил за эти годы и хранил там на память.

— Вещи, мои вещи, в которых ты не имеешь права копаться, любопытная корова.

Его отец вошел в комнату и прикрикнул на него:

— Не смей так разговаривать с матерью — и какого черта ты вырядился как цирковой урод? Ты знаешь, как по-идиотски выглядишь? А если бы тебя увидели соседи?

Горди почувствовал раскаленный до бела гнев, скрытый внутри него с того дня в лесу, когда в двенадцать лет он чуть не убил своего друга Эндрю. Горди так сильно ударил его веткой по голове, что тот потерял сознание. В тот день его гнев вырвался наружу, потому что Эндрю рассмеялся, когда Горди признался ему, что хочет стать клоуном в цирке.

К счастью для Горди, Эндрю не успел заметить, как он разъярился. Его друг провел три недели в коме, а когда очнулся, то понятия не имел, что произошло, так что Горди избежал ответственности. Потом была еще его учительница, когда ему исполнилось пятнадцать: Миссис Голдсмит, сделавшая его своей целью для издевок в школе. Ей стало не до смеха, когда он подстерег ее у дома однажды холодной, темной январской ночью. Она снова заставила его задержаться в школе, и Горди знал, что отец рассердится на него за опоздание.

Горди нашел в кустах в парке старый ржавый топор и взял его. После спрятал его за

низкой стеной парка, который находился напротив дома миссис Голдсмит. Достав топор, он стал ждать в тени на задворках улицы, по которой она ходила, чтобы добраться до своего дома. Она даже не успела закричать, как гнев наполнил его грудь, стоило ей появиться в поле зрения. Топор обрушился на ее затылок. Она упала, а Горди бросился бежать.

Он не испытывал никаких сожалений, оставив ее лежать на холодной земле, истекая кровью, в полном одиночестве. Всю дорогу домой он смеялся про себя, радуясь, что показал ей. Она больше не будет смеяться над ним в классе. Она не умерла, но в школу так и не вернулась. Он слышал, как его мать рассказывала, что миссис Голдсмит едва могла говорить и кормить себя.

Теперь Горди смотрел на своего отца. Гнев снова наполнил его грудь. Его не беспокоило, что мать увидит его в таком виде. Она знала, что такое цирк, но он не ожидал, что отец окажется дома. Отец был таким фанатиком, и все, о чем заботился, это чтобы у Горди появилась нормальная работа, с перспективами, и чтобы он стал уважаемым человеком. Его работа на отца в компании «Маршалл и Маршалл Бухгалтерс» увлекала так же, как наблюдение за высыханием краски, и Горди знал, что не сможет заниматься этим ни дня. Пришло время уволиться, и он ничуть не жалел об этом.

— Я уйду, чтобы стать клоуном. Мне предложили место в цирке.

Лицо его отца стало свекольного цвета. Пытаясь найти нужные слова, он брызгал слюной.

— Если ты уйдешь из этого дома в таком виде, то можешь больше никогда не возвращаться!

Мать начала плакать, а затем с криком бросилась на него. Ее маленькие кулачки били его в грудь. Горди схватил их в свои огромные руки, чтобы ее остановить. Отец рывкнул на него, чтобы он отпустил мать, и Горди вышел из себя. Разве ему не разрешалось защищаться? Его отец мог бить и пинать ее, но это запрещено? Просто смешно!

Отпихнув мать в сторону, Горди прошел через комнату, протискиваясь мимо отца. Ему нужно выбраться из этого душающего дома страданий. В шкафу в прихожей у него уже стоял собранный чемодан; на нем были его самые дорогие вещи. Сбежав по лестнице, он схватил чемодан и прошел на кухню, где оставил бумажник.

Мать, обретшая второе дыхание, теперь бежала по лестнице, крича на него. Не раздумывая, Горди поднял с решетки камина острый топор, которым его отец колот дрова. Размахнувшись с полной силой, он наблюдал, как в замедленной съемке топор ударил мать по шее, и из нее брызнул фонтан красного цвета. Ее глаза начали стекленеть, и она упала на пол.

Отец набросился на него, выкрикивая имя матери Горди. Горди понял, что другого выбора нет, и замахнулся на отца топором. Он смотрел, как сила покидает здорового амбала, и тот рухнул на пол рядом со своей женой. Растекающаяся лужа густой, красной крови начала собираться вокруг голов обоих.

Горди бросил топор в открытый огонь, и рукоятка начала тлеть и гореть. Пламя вырвалось наружу, когда деревянное древко загорелось. Он ожидал услышать сирены вдалеке, но в доме стояла тишина. Впервые в жизни в доме стало по-настоящему тихо. Вымыв руки в раковине, он вытер их о чайное полотенце и взял в чемодан.

В первый раз за все это время он почувствовал себя расслабленным. Горди почувствовал себя свободным. Он повернулся, чтобы в последний раз взглянуть на обмякших, истекающих кровью, мертвых родителей, что он оставил позади — родителей, которых он когда-то

любил. Очень давно. Он пожал плечами. Он мог бы переодеться, но для этого нет причин. Цирк находился всего в миле отсюда, на пустыре рядом с парком. Горди мог спокойно отправиться туда. Никто не узнает его, и он наконец-то сможет быть самим собой после всего этого времени.

Глава 1

Черно-белое море расступилось, словно по приказу самого Моисея, при появлении катафалка, запряженного лошадьми. Две шеренги аккуратных полицейских стояли со склоненными головами, все в нарядных черных форменных кителях номер один. Черные ботинки начищены настолько, что в них можно было увидеть собственное отражение. Отглаженные, чистые белые рубашки и безупречные складки на брюках.

Энни Эшворт стояла в конце толпы скорбящих. Рядом с ней держался ее друг и отставной сержант полиции Кав. Она все еще находилась в декретном отпуске и порадовалась, что ей не пришлось столкнуться с унижением, пытаясь втиснуться в свою слишком тесную форму. Она очень сомневалась, что ее китель застегнется, как и брюки.

Энни не хотела приходить на похороны Стюарта, но заставила себя выйти из дома сегодня утром, потому что чувствовала себя отчасти виноватой в его смерти. Нет, неверно. Она чувствовала полную ответственность за его смерть. Если бы он не появился в ее доме той ночью, пьяный в стельку и агрессивный, ничего бы этого не случилось. Она бы сейчас не стояла здесь, не смотрела на своего мужа Уилла, возглавляющего почетный караул и пытающегося держать себя в руках, выглядя при этом подавленным.

Энни видела его плачущим только дважды: один раз, когда он думал, что она погибла от рук серийного убийцы Генри Смита, и второй — когда родился их сын Альфи.

«Думай об Альфи и о том, какой он замечательный. Не смотри на...» Слишком поздно. Ее взгляд упал на массивный дубовый гроб с накинутым на него флагом «Юнион Джек». Сверху его украшала шляпа Стью и красивая композиция из белых роз, лилий и гипсофил. Энни почувствовала, что у нее дрожат ноги, но Кав сильной рукой схватил ее за локоть. Он наклонился и прошептал:

— Даже не начинай, это не твоя вина.

Глаза Энни наполнились слезами, потому что, сколько бы раз ей ни говорили, что это не так, она всегда — каждый день до конца жизни — будет винить себя. Когда офицеры отдали честь по случаю кончины своего коллеги, она моргнула и отвернулась. Она пришла сюда ради Уилла, который работал со Стью и был его другом последние пять лет. Уилл так много поддерживал ее, и теперь настала ее очередь. Энни знала, что Уиллу нужно попрощаться окончательно со Стюартом, а потом пойти в паб и надраться до чертиков с остальными членами своей команды в уголовном розыске. Он мог бы вспомнить старые добрые времена, попытаться забыть плохое и вообще выкинуть все это из головы.

Она прошептала в ответ:

— Мне не стоило приходить.

Кав пожал плечами. Энни знала, что он чувствует себя так же неловко, как и она, потому что именно он подвозил Стью домой в тот вечер. Стюарт выскочил из машины Кэти и побежал в кромешной тьме по ветреной, пустынной прибрежной дороге. Кав организовал его поиски, которые закончились тем, что Стью бросился под колеса быстро мчащейся полицейской машины.

Дебс, несостоявшаяся жена Стью, прошла между родителями Стью, держа их за руки. Энни восхитилась ее силой. Сомневалась, что смогла бы сама так поступить. Хорошо, что

его родители не винили ни Дебс, ни Энни. На самом деле они никого не винили и смирились с тем, что их единственный сын принял безрассудное, пьяное решение, в результате которого не мог ни питаться, ни говорить, ни открыть глаза. Как бы жестоко это ни звучало, его смерть принесла облегчение. Так нельзя было жить. Энни подумала, что Стью от всей души согласился бы с ней.

Скорбящих собралось так много, что Энни с облегчением почувствовала, что они не помещаются в маленькой церкви, и с радостью заняла место снаружи. Стоял теплый летний день, такой, когда хочется устроить пикник и пойти посидеть на пляже на одеяле. Слишком хороший день для похорон. Солнце определенно светило Стюарту сегодня. Она просто надеялась, что он наконец-то обрел покой.

Он не был плохим человеком. Просто очень сильно облажался и заплатил за это самую высокую цену. Такое может случиться с каждым. На протяжении всей прощальной службы внимание Энни привлекало одно из старых надгробий в церковном дворе. Она не видела никого, кто стоял бы рядом, но у нее возникло четкое ощущение, что кто-то прячется и наблюдает.

Зазвучала песня Elbow «*One Day Like This*», и гроб вынесли из церкви. Энни склонила голову, ожидая, пока все пройдут. Она не собиралась идти на кремацию. Они с Кавом решили вернуться в дом Джейка. Друг Джейка Алекс сидел с Альфи. Её пятнадцатимесячная дочка Элис так же, как и Энни, любила восьмимесячного малыша Альфи.

Уилл прошел мимо нее, его глаза опухли и покраснели. Он улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ. Джейк, который выходил одним из последних, подошел прямо к ним. Наклонившись, он поцеловал ее в щеку. Посмотрев на Каву, Джейк усмехнулся.

— Может, я и люблю тебя, сержант, но целовать на людях точно не буду. Хотя рад видеть, что ты побрился по такому случаю.

Энни хихикнула. Джейк так хорошо умел вести себя неприлично, даже не замечая этого, и ему всегда удавалось поднять ей настроение, каким бы мрачным ни выдался день.

Кав закатил глаза.

— Премного, черт возьми, благодарен.

— Я не пойду в крематорий. Я уже весь извелся в этих штанах, от них жуткий зуд и мне безумно хочется почесаться. Мои яйца как будто горят. Может, вернемся и выпьем?

Энни и Кав кивнули. Кэти подошла к ним.

— Что вы трое задумали?

— Ничего. Я просто спрашивал этих двух негодяев, придут ли они ко мне домой. Ненавижу похороны.

Энни улыбнулась.

— Скажи ей настоящую причину, по которой ты хочешь уйти, Джейк.

Он ткнул ее в бок.

— Да ладно, кто меня подвезет?

Кав указал на Энни.

— Она сегодня шофер.

— Это хорошо. Мисс Дейзи доставит меня домой с шиком. Поехали.

Они вчетвером пошли к небольшой дорожке, где Энни припарковалась. Мимо проехала машина с Уиллом на пассажирском сиденье. Он послал ей поцелуй. Сколько бы раз она ни видела его, ее сердце всегда делало маленькое сальто. Она подняла руку, чтобы помахать.

Они сели в ее «Мерседес»: Кав и Кэти сзади, Джейк спереди. Энни подождала, пока длинная вереница машин отъедет и последует за похоронной процессией, прежде чем отправиться в путь. Джейк повернулся, чтобы посмотреть на Кава.

— Не вздумайте затевать всякие глупости на заднем сиденье. Вы оба слишком взрослые для таких вещей.

Энни засмеялась, когда Кав огромной рукой ударил Джейка по голове.

— Ты никогда не учишься, Джейк? Всегда уважай старших, особенно когда они могут надрать тебе задницу.

— Ай, насилие — это невыход.

Энни вырулила на дорогу вслед за последними скорбящими и начала короткий путь к дому Джейка. Ей не терпелось обнять Альфи как можно крепче. Она ненавидела похороны. Слишком болезненное напоминание о том, что никто не живет вечно, несмотря на желание. Особенно потому, что за последние пару лет она сама несколько раз оказывалась близка к смерти. От одной мысли об этом ее бросало в дрожь.

Припарковавшись у дома Джейка, она не успела выйти из машины, как Алекс открыл переднюю дверь с ее ребенком на руках. Альфи рос так быстро, что недолго оставался младенцем. Последние восемь месяцев пролетели так стремительно. Энни не приходилось думать ни о чем, кроме ухода за Альфи, и ей это нравилось. Хотя без взрослых разговоров приходилось скучать, она виделась с Джейком пару раз в неделю, и Кэти поддерживала с ней связь, как и Кав.

Джо — ее новая подруга — даже заглядывала к Энни, когда бывала не занята. Пережив почти смертельное нападение своего мужа Хита в их коттедже, Джо хорошо восстановилась и устроилась на работу в деревенское кафе, где подавали огромные торты. Энни особенно нравились визиты Джо, потому что она обычно приносила с собой торт.

Энни нужно всерьез подумать о том, стоит ли ей в ближайшее время возвращаться на работу в общественную полицию. Не успела она оглянуться, как двенадцатимесячный отпуск по беременности и родам подходил к концу. Альфи протянул к ней свои пухлые ручки, и его маленькое личико засветилось, когда Энни улыбнулась ему. Она забрала его у Алекса.

— Он хорошо себя вел?

— Он просто ангелочек, совсем не доставляет проблем.

Джейк хихикнул.

— Слава богу, он не похож на свою мать.

— Ты сегодня в прекрасной форме, Джейк.

Джейк похлопал Энни по спине.

— Извини, обещаю, что впредь буду вести себя хорошо. Наверное, это нервное состояние из-за похорон. От них мне хочется смеяться и шутить, чтобы вспомнить, что я еще жив.

Все последовали за Алексом на кухню, где Элис качалась в своих детских ходунках и запихивала в рот сырные слойки. Кав покачал головой.

— Черт меня побери, здесь повсюду дети. Как это случилось?

Кэти рассмеялась.

— Наверняка в твоём возрасте ты точно знаешь, как это происходит.

Элис взглянула на него и направила в его сторону, перебирая в ходунках своими маленькими ножками. В итоге она врезалась прямо в его голени. Кав наклонился и вытащил ее из ходунков.

— Хорошо, что ты мне нравишься, малышка; твоему отцу я бы не спустил с рук такое поведение.

Он подмигнул ей, и она начала хихикать. Джейк поцеловал в щеки и Альфи, и свою дочь, а затем побежал наверх переодеваться. Энни посмотрела на Алекса.

— Судя по всему, его яйца пылают.

Смех Алекса наполнил комнату.

— Что ж, это меняет дело. — Он достал несколько бутылок пива из холодильника и предложил их всем. Энни покачала головой. Кав и Кэти взяли по одной, открыли их и выпили по паре глотков. Положив Альфи в манеж, она занялась приготовлением кофе.

— Это было ужасно?

Энни кивнула.

— Очень тяжело — я ненавижу похороны. Почему люди должны умирать?

Кав взял ее за руку.

— Что я тебе говорил? Это не твоя вина, что Стью решил поиграть в дурака и сделал ужасный выбор.

Алекс взял ее за другую руку.

— Как Уилл?

— Я не знаю. Он поехал в крематорий, а потом немного побудет на поминках. Я договорилась встретиться с ним здесь, чтобы отвезти его домой. Так ему будет легче.

Джейк спустился вниз в обрезанных джинсовых шортах и белом жилете.

Кав начал смеяться.

— Черт возьми, прямо Джордж Майкл во плоти.

Джейк показал Каву два пальца, взял у Алекса бутылку пива и поднял ее вверх.

— За Стюарта: будем надеяться, что там, наверху, ты будешь намного счастливее, чем здесь.

Все подняли свои бутылки; Энни подняла свою кружку, и все в унисон сказали:

— За Стюарта.

Глава 2

Громкий стук в дверь заставил Джейка вскочить со стула. Он умудрился пролить пиво на себя и испачкать свой безупречный белый жилет. Выглянув в окно гостиной, он рассмеялся.

— Осторожно, к нам копы. Это облава.

Энни выглянула из окна и задыхнулась, увидев, как Уиллу помогают выбраться из задней части запертой клетки полицейского фургона, обычно предназначенной для преступников.

— Ох, черт.

Двое молодых полицейских, стоявших у задней стенки клетки, протянули руки, готовые подхватить Уилла. И хорошо, потому что он споткнулся, потерял опору и упал в их объятия. Он изо всех сил попытался выпрямиться и отдал честь им обоим. Джейк, стоявший у входной двери, наблюдал за происходящим с огромной ухмылкой на лице. Полицейские подхватили Уилла с двух сторон и повели по дорожке, ведущей к дому Джейка. Они оба покраснелись. Джейк покачал головой.

— Итак, Уильям, мы даем тебе пару часов свободы от привычной жизни, и посмотри, что получается! Ты надрался в хлам.

Уилл кивнул в знак согласия.

— Не могу с этим поспорить.

Джейк взял Уилла под руку, чтобы полицейские могли его отпустить. Когда они это сделали, Уилл пошатнулся и чуть не повалил Джейка. Энни, которая стояла позади Джейка и держала Альфи, отодвинулась с дороги.

— Я лучше отвезу его домой. Помоги мне затащить его в машину, пожалуйста, Джейк.

— Не лучше ли позволить ему зайти и попить воды? Вы могли бы остановиться здесь на ночь.

Уилл захихикал.

— Чертова вода — смеешься? Я хочу виски со льдом, вы, сборище слабаков.

Энни поразила его состоянием. Ей хотелось вылить на мужа ведро холодной воды, чтобы он протрезвел. Она давно не видела его таким пьяным, и ей это не нравилось. Один из полицейских кашлянул.

— Вы в порядке, сержант? Вам еще что-нибудь нужно или мы можем ехать дальше?

— Конечно, спасибо, что подвезли. — Уилл снова отдал честь, заставив их обоих улыбнуться. Они кивнули Джейку, который помахал им рукой.

Энни передала Альфи Алексу.

— Я хочу отвезти его домой. У меня недостаточно вещей для Альфи, чтобы оставаться у вас, и я хочу спать в своей собственной кровати. Спасибо за предложение, Джейк.

— Ну, оставь Уилла здесь. Мы с Кавом можем положить его на свободную кровать, а ты можешь забрать его утром или я подброшу его по пути на работу в двенадцать.

Выражение ужаса, промелькнувшее на ее лице, должно быть, заставило Джейка задуматься, не случилось ли чего.

— Я не могу. Мне не нравится, когда я остаюсь одна, теперь еще и с Альфи. Пожалуйста, просто помогите ему сесть на переднее сиденье. Я прекрасно доберусь с ним до дома. Я справлюсь.

— Дело твое. А что если его стошнит на эти прекрасные кожаные сиденья?

— Тогда он уберет это, когда протрезвеет. Дерьмо. Как ты дошел до такого состояния, Уилл?

— Не завтракал; чувствовал себя больным. Много-много виски.

— Ты даже не любишь виски.

Она покачала головой. Энни не злилась на мужа за то, что он впал в такое состояние, потому что полностью его понимала; просто ей это не нравилось. Уилл хотел забыть все случившееся, и кто мог его винить? Джейк и Кав повели его к ее машине. Она забежала внутрь, чтобы взять ключи, с которыми играла Элис. Открыв машину, она наблюдала из окна, как Джейк и Кав затаскивают Уилла на переднее сиденье и пристегивают его ремнями. Джейк повернулся и помахал рукой перед своим носом. Он вернулся в дом

— Опустит окна, потому что ты, скорее всего, опьянеешь от его испарений. От него воняет, как от пивоварни.

— Спасибо, Джейк.

Она схватила сумку с вещами Альфи и понесла его в машину. Кав, который наблюдал за Уиллом, чтобы убедиться, что его не стошнит и он не захлебнется собственной рвотой, отступил назад. Он забрал у нее сумку и открыл дверь, чтобы она могла посадить Альфи в автокресло. Когда она пристегнула его, Кав закрыл дверь.

— Хочешь, я пойду за тобой и помогу уложить его в постель?

— Нет, спасибо; в любом случае, ты уже выпил. Если я не смогу вытащить его из

машины, то наброшу на него одеяло, пока он не проспится.

— Ты уверена?

Она кивнула, и он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Не будь к нему слишком строга. Иногда мужчине нужно выпустить пар, а он терзается чувством вины из-за Стью с той ночи, когда это случилось. Может быть, теперь он сможет оставить это в прошлом и перестать корить себя.

— Я не злюсь на Уилла. Знаю, что он винит себя. Господи, я и сама себя виню. Я просто потрясена, увидев его в парадной форме и пьяным как скунс за такой короткий промежуток времени. Спасибо, Кав.

Он отошел и вернулся в дом Джейка. Джейк и Кэти помахали ей вслед, Джейк сказал:

— Ты знаешь, где меня найти, если я тебе понадобится.

Энни кивнула и подняла руку, чтобы помахать на прощание.

Она посмотрела на своего мужа.

— Уилл, если тебе станет плохо, обязательно дай мне знать, чтобы я могла остановиться.

— Ургх.

Пятнадцать минут спустя, выезжая из Ульверстона, она услышала, что его начинает тошнить.

— Подожди, не смей.

Притормозив на обочине, Энни выскочила из машины и побежала к нему, открыв его дверь, как раз в тот момент, когда на нее хлынул поток рвоты. Она не могла вытащить его из машины. Они стояли на оживленной дороге, и если бы представители общественности увидели Уилла в полицейской форме, блюющего повсюду, жалоба поступила бы еще до того, как они добрались до дома.

Она подождала, пока он вытер рукавом рот и показал ей большой палец, а затем захлопнула дверь. Доставить его по извилистым дорожкам к их дому в Хоксхеде похоже будет весьма непросто. К счастью, к тому времени, как Энни вернулась на свою сторону машины, Уилл уже храпел. Она оглянулась через плечо на Альфи, который тоже крепко спал, засунув большой палец в рот и натянув одеяло до подбородка. Энни почувствовала, как ее сердце екнуло. Нет большей любви, чем любовь матери к своему ребенку. Каждый раз, когда она видела его, ее сердце наполнялось радостью.

Она смотрела на Уилла — своего красивого рыцаря в сияющих доспехах — и бесконечно радовалась тому, что у нее такая замечательная семья, даже если сейчас ее и раздражал муж. Остаток пути до дома она ехала, слушая легкий храп Уилла. Когда остановилась возле их уединенного коттеджа, он открыл глаза и посмотрел на нее.

— Прости.

— Не будь дураком. Я люблю тебя.

Альфи все еще крепко спал, поэтому Энни открыла переднюю дверь дома и вернулась, чтобы помочь Уиллу выйти из машины. Ему стало немного лучше, чем когда Джейк сажал его в машину. Обхватив за талию, она помогла ему войти в дом и подвела к огромному угловому дивану в гостиной. Уилл споткнулся, но она его удержала.

— Нам нужно раздеть тебя, Уилл. Ты испортишь свой китель, если заснешь в нем.

Он подмигнул ей.

— Любой предлог, чтобы увидеть меня голым — признайся, ты не можешь устоять передо мной.

Уилл завозился с пуговицами, но безуспешно. Энни ловко расстегнула их и стянула с него китель. Она стащила через голову его галстук и расстегнула рубашку. Он упал на диван и остался лежать.

Энни выбежала на улицу, чтобы занести Альфи в дом, закрыла за собой машину, а затем и входную дверь. Альфи все еще спал. Ей очень повезло, что он не проснулся, когда она переносила его из машины.

Она вернулась к Уиллу, который теперь громко храпел. Развязав шнурки, она стянула с него ботинки, а затем брюки. Его мускулистые, загорелые ноги хорошо смотрелись в одних белых боксерах. Несмотря на то, что на улице стоял теплый день, в доме гораздо прохладнее. Так было всегда, поэтому она побежала наверх за одеялом из свободной комнаты, и накинула его на Уилла. Альфи открыл глаза и начал плакать. Она взяла его на руки и стала укачивать.

— Ш-ш-ш, не разбуди папу. Пойдем, перекусим. Только я и ты...

Энни отнесла сына на кухню и усадила в детский стульчик. Покормив Альфи и сделав себе сэндвич и кружку кофе, она включила телевизор и увидела на экране заголовки новостей: «Тело найдено в доме на улице Руз, в Барроу-ин-Фернесс».

Камера переместилась на фасад свежеекрашенного белого дома. Энни почувствовала, как у нее похолодела кровь, когда изображение увеличилось до ярко-синей входной двери с белыми горшками для растений по обе стороны, наполненными сиреневыми и фиолетовыми анютиными глазками. Кружка с кофе выскользнула из ее пальцев. Она разбилась вдребезги о барную стойку, расплескав повсюду горячую жидкость.

Энни приостановила трансляцию и посмотрела на беспорядок, который устроила, радуясь, что кофе попал на столешницу, а не на сына. Прошлой ночью ей приснился страшный сон про этот дом. Она ворочалась во сне, а потом проснулась в холодном поту, чувствуя себя больной и задыхающейся. Альфи начал плакать, что, в свою очередь, заставило ее забыть об этом до сих пор.

Конечно, это просто совпадение. Здесь наверняка сотни белых домов с синими дверями. «Но сколько из них имеют одинаковые горшки с растениями и цветами из твоего сна по обе стороны двери?» Убирая беспорядок, Энни задумалась о том, что все это значит. Через окно дом изнутри выглядел очень мило, в стиле «шебби шик», где все было белым с оттенками цвета. Это слегка походило на этот дом — ее дом — и она вздрогнула.

Энни оставила телевизор на паузе, не в силах смотреть, что там за ужасные подробности. Она не желала знать, а если не интересовалась, то это не должно иметь к ней никакого отношения, верно? Просто совпадение, и ничего больше. Энни проверила, надежно ли закрыты все двери и окна. Она собиралась уложить Альфи в кровать, а потом долго отмывать в горячей ванне. Ранняя ночь в одиночестве пойдет ей на пользу, если только Альфи проспит несколько часов. В последнее время он плохо укладывался спать, и она не знала, прорезываются ли у него зубы или это просто такой период. Она взяла его на руки и отнесла наверх, где положила в кроватку, а сама набрала ванну.

Уилл открыл один глаз и повернул голову, чтобы посмотреть, где находится, потому что не мог вспомнить. От этого движения он застонал. Голова раскалывалась, и от перемещения ее ему снова стало плохо. На минуту он запаниковал. В последний раз, когда он проснулся в таком состоянии, то чуть не потерял Энни. Тогда Уилл очнулся рядом с Лорой — одной из

своих коллег — после пьяного загула. Энни нашла их вместе.

Он вытянул руки, радуясь, что рядом с ним никого нет. Грязно-серого света, проникавшего сквозь жалюзи, хватило, чтобы его глаза привыкли к окружающей обстановке. Он дома, на диване, слава богу. Уилл вспомнил похороны Стью. Он чувствовал себя чертовски виноватым за все случившееся. Он вернулся на поминки, где они с Дебс выпили по стакану виски в баре, оба признавая свою вину: Дебс — потому что Стью застал ее за изменой, а Уилл — потому что, придя вечером домой, обнаружил пьяного, разъяренного Стью, сидящим на его беременной жене.

Уилл задавался вопросом, злится ли на него Энни и как, черт возьми, ей удалось затащить его сюда, потому что сам он ничего не помнил, кроме виски в баре. Господи, он, должно быть, здорово надрался. Уилл поднял руку с одеяла и увидел, что его рубашка исчезла. Из рта несло как из канализации. Ему нужна вода.

Заставив себя медленно сесть, он почувствовал, что его желудок забурчал. Он больше никогда не будет пить. Уилл встал и наткнулся на журнальный столик, ударившись голенью. Стакан с водой, который Энни оставила для него, опрокинулся, и он выругался, когда холодная жидкость потекла по его ногам и ступням. Держась за голову, Уилл добрался до кухни, где достал из холодильника бутылку воды и нашел три таблетки парацетамола.

Телевизор все еще работал, и он удивился, почему Энни поставила его на паузу, а потом легла спать. Взяв в руки пульт, он нажал кнопку «воспроизведение» и увидел новостной ролик, его сердце зануло. Черт, еще одно убийство. В Барроу уже давно не совершалось убийств, и ему даже нравился этот перерыв. Последние убийства произошли в Хоксхеде.

Уилл задумался, где его телефон и звонил ли ему кто-нибудь с работы. Вчера он взял отгул, так что формально его должны оставить в покое и позвонить дежурному сержанту. Часы на кухне показывали, что уже четыре утра. Слава богу, у него еще есть время, чтобы поспать несколько часов, прежде чем вставать на работу. Если он будет чувствовать себя так, как сейчас, то день превратится в сплошную муку, не говоря уже о том, что он не сможет сам доехать до работы. В такие моменты ему больше всего не хватало Стью. Уилл бы просто позвонил ему, чтобы тот приехал и забрал его. Черт, полный отстой.

Поднявшись наверх, он изо всех сил старался не врезаться в стены или двери и не потревожить ни жену, ни их ребенка. Он зашел в ванную, где побрызгал холодной водой на лицо и почистил зубы, затем нанес немного лосьона после бритья, чтобы от него не воняло виски. Альфи начал плакать, и Уилл пошел в спальню, чтобы взять его на руки. На лестничной площадке его встретила обеспокоенная Энни.

— Прости, не знаю, как я дошел до такого состояния. — Он притянул ее к себе и обнял. — Ты на меня сильно злишься?

Потирая глаза, она рассмеялась.

— Нет, не злюсь, хотя если бы тебя стошнило внутри машины, а не снаружи, этот эпизод имел бы другой конец.

Уилл застонал.

— Какой позор.

Она кивнула в знак согласия.

— Да, это так, но теперь ты пахнешь гораздо лучше, и мне одиноко в этой большой кровати одной, поэтому я прощаю тебя.

Он поцеловал ее, и Альфи закричал.

— Клянусь, наш ребенок знает, когда я хочу побыть с тобой наедине.

Они оба вошли в его спальню, где погас ночник. Энни подошла к кровати и взяла сына на руки. Альфи сразу же перестал плакать, прижавшись к ней. Уилл прошел в их спальню, где лег в кровать и вздохнул. Энни села в большое мягкое кресло, которое служило ей и для чтения, и для кормления. Она начала кормить Альфи. Схватив с радиатора одеяло, обернула его вокруг них, чтобы согреться.

Уилл снова заснул, как только его голова коснулась подушки, и Энни немного позавидовала ему. Настояв на грудном вскармливании, она не подумала о ночных кормлениях. Впрочем, Уилл работал, а она сидела дома, так что это не имело значения. Да и Альфи теперь кормили реже, потому что он переходил на твердую пищу. Пока Альфи сосал, она закрыла глаза и начала дремать. Прошло совсем немного времени, и ей приснился сон.

Она снова оказалась в доме с ярко-синей дверью и удивилась, почему. На этот раз Энни позволила себе войти внутрь. Казалось, что она — первый офицер на месте преступления. Ее охватил страх перед тем, что предстояло найти. Внизу все выглядело нетронутым. В воздухе витал запах лимонной полироли для мебели, но он сочетался с чем-то гораздо более темным. Скрытый запах меди присутствовал в доме. По мере приближения к лестнице медный запах становился все сильнее.

Энни знала, как пахнет кровь. Она не раз попадала в жестокие переделки. Из всех звуков в доме доносился только звук капающего крана. Он шел сверху. Энни посмотрела вниз, чтобы убедиться, что на ней форма, дубинка и газовый баллончик, но оказалась в пижаме. Поднявшись на первую ступеньку, она поняла, что должна попытаться проснуться. Что если это не сон и здесь опасно? Ей нечем защищаться.

Ноги игнорировали мозг и продолжали идти вверх, пока она не добралась до верхней ступеньки. Энни услышала, как хлопнула дверь и тяжелые шаги направились в ее сторону. Прижавшись к стене и стараясь слиться с ней, она затаила дыхание, когда кто-то направился в ее сторону. Потребовались все ее силы, чтобы не закричать на клоуна, который приближался к ней. Энни никогда не любила клоунов, а увидеть такого в этом странном доме, где пахло кровью, вообще не сулило ничего хорошего.

Он был одет в черно-белый полосатый наряд и самую страшную клоунскую маску, которую она когда-либо видела. Поблагодарив судьбу за то, что он не заметил ее, она смотрела, как клоун сбегает по лестнице и выходит через заднюю дверь. Энни растерялась. Она не знала, следовать ли ей за страшным клоуном или направиться к открытой двери спальни, откуда доносился запах.

Когда ее ноги начали двигаться к двери, а не в ту сторону, куда ушел клоун, Энни с ужасом обнаружила, что смотрит прямо на сцену из одного из своих самых страшных кошмаров. Повсюду была кровь, и именно отсюда исходил ужасный запах. Подняв глаза к потолку, она увидела, что кровь попала даже на некогда белый светильник. Она опустила взгляд на пол и увидела ногу, торчащую с другой стороны кровати.

Крик заставил ее подскочить, и Энни с ужасом поняла, что тот, кто лежал там, все еще жив после потери такого количества крови. Когда она пыталась заставить себя подойти и помочь, ее сон прервал гораздо более громкий вопль. Ее глаза открылись, и на минуту она не поняла, где находится. Затем Энни почувствовала тяжесть Альфи на своих руках и вздохнула с облегчением, поняв, что дома. Она моргнула, оглядела комнату, чтобы убедиться, что в углу не стоит страшный клоун и не наблюдает за ней. Облегчение разлилось по ее телу,

когда она увидела, что все так же, как и всегда. Раннее утреннее солнце разгоралось, и ей пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Почему ей снился этот дом? В новостях уже сообщили, что найдено тело. Полиция занималась этим делом. Уилл, вероятно, будет расследовать его, когда придет на работу утром. Она задавалась вопросом, просто ли это сон и предположение о том, что произошло, или все случилось именно так, и она каким-то образом стала свидетелем того, как убийца скрылся с места преступления.

Уилл очень рассердится если она попытается вмешаться или даже упомянет об этом, поэтому Энни не станет его расспрашивать. Всё просто. Если она захочет или должна будет узнать, то попросит Джейка рассказать ей все в мельчайших подробностях. Ее друга это не беспокоит; он процветал среди мрака, уныния и драмы.

Энни подняла Альфи на плечо, чтобы укутать его, и он перестал плакать. Уилл тихонько похрапывал, и ей захотелось забраться к нему в постель. Она понятия не имела почему, но Альфи совсем не успокаивался в своей спальне. Каждую ночь он просыпался почти в одно и то же время. Может быть, ей стоит перенести его кровать сюда, к ним. По крайней мере, он будет рядом с ней, и она сможет немного поспать. Собственно, она собиралась сделать это первым делом утром.

Альфи снова крепко спал на ее руках, поэтому Энни встала и пошла в его спальню за переноской. Здесь отчего-то было намного холоднее, чем должно быть, и ей в голову пришла ужасная мысль. Что, если он не может успокоиться, потому что к нему приходят призраки? Ладно она видела видения и мертвых людей, но ребенок-то, конечно, не должен видеть ничего подобного?

Энни не хотела произносить ее имя, в доме это запрещалось, но что, если это она? Что, если Бетси Бейкер вернулась? При жизни она без стеснения убивала детей. Почему Бетси должна беспокоиться о том, что напугает их, после смерти? Энни отчаянно надеялась, что ее нет рядом.

Утром она позвонит отцу Джону, чтобы убедиться, что ее могилу не потревожили. При одной мысли о Бетси ее желудок наполнялся тяжелым, тошнотворным чувством. Поставив переноску на подставку рядом со своей кроватью, она положила Альфи, поцеловав его в лоб, и забралась в постель. Устроившись на матрасе, Энни подумала о том, каким ужасным выдался этот день. Похороны всегда вызывали неприятные ощущения; они высасывали жизнь из души.

Лежа и наблюдая за сыном, прижавшись спиной к Уиллу и впитывая тепло его тела, Энни пыталась очистить свой разум от всего. Сначала она отодвинула в сторону похороны, потом сон о белом доме, пока в голове не остался только образ Альфи. Ее глаза начали закрываться. Засыпая, она молилась о том, чтобы Бог уберег ее семью.

Лето 1950 года

Горди вышел из дома, дошел до садовой калитки, потом вспомнил о сейфе, который его отец прикрутил к полу в кладовке на лестничной площадке. Глупо оставлять там все эти деньги. Он повернулся и вернулся в дом, перешагнув через тела родителей и побежал наверх. Горди не чувствовал ни малейшего угрызения совести за то, что сделал несколько минут назад.

Он сожалел лишь о том, что его дяди Бернарда не было здесь. Горди с удовольствием вогнал бы топор в его голову. Из них всех, полагал он, Бернард заслуживал этого больше

остальных. В те вечера, что он сидел с Горди, он махал его родителям на прощание, когда они уходили на танцы, и с нетерпением ждал, пока останется с ним наедине. Горди сначала не понимал, что поведение дяди неправильно. Только когда стал немного старше, сообразил, что это недопустимо, когда взрослый мужчина хочет делать с ним то, что он делает.

Прежде чем Горди успел сказать ему об этом, дядя однажды ночью упал в обморок, и у него случился обширный инсульт. Теперь он лежал в доме престарелых в виде бесчувственной, слюнявой развалины. Его приходилось кормить с ложки и одевать в подгузник. Горди полагал, что это хоть какая-то справедливость. Хотя и не такая удовлетворительная, как в случае с его убийством.

Горди открыл ящик прикроватной тумбочки и достал маленький черный бархатный мешочек, в котором хранился главный ключ. Затем открыл сейф и достал пачки денег. Его отец всегда бережно относился к деньгам, и, если подумать, это оказалась пустая трата времени, потому что теперь он мертв и не успел потратить ни одного пенни из своих сбережений, заработанных тяжелым трудом.

Горди запихнул банкноты в чемодан и карманы. Этого ему хватит на ближайшие год-два, если он будет осторожен, а он мог быть очень осторожен. Если его родители и передали ему какое-то наследство, то оно заключалось в том, чтобы не растрчивать с трудом заработанные деньги и хранить их на черный день.

Выходя из дома, он снова задернул занавеску на кухне и запер за собой дверь на всякий случай, если вдруг нагрянут любопытные подруги его матери. Надо обязательно успеть покинуть город до того, как обнаружат их тела. Идя по пустым улицам в сторону цирка, Горди думал, где же все.

Афиша, привязанная к перилам ограды парка, ответила на его вопрос. В разгаре последнее утреннее представление, а затем цирк покидал город и отправлялся в следующий, чтобы начать все сначала. На этот раз с ними будет еще один клоун, и Горди не мог дожидаться начала своей новой жизни. Он увидел вершины полосатого шатра, и его сердце заколотилось. Идя все быстрее, он думал, успеет ли застать конец представления. Он уже побывал на всех четырех вечерних представлениях, болтаясь на улице и общаясь с артистами до самого утра.

Он почувствовал запах животных еще до того, как добрался до пустыря, где расположился цирк. Запах, просачивающийся из вагончиков, не для слабонервных. От пронзительного запаха аммиака в клетках для животных у него слезились глаза, хотя их ежедневно чистили. Горди знал, что служба в цирке — это не работа, это образ жизни. Ты не работал в цирке, ты был цирком. Вы жили, дышали и ели цирк, будь то артист на трапеции, выступающий на центральном кольце, или один из многих рабочих, ухаживающих за куполом.

Все тянулись друг к другу. Цирковые проводили так много времени в компании друг друга, что становились как одна огромная семья. Здесь вы оставляли свою обычную жизнь далеко позади и становились частью величайшего шоу на земле. Идеальное место для Горди Маршалла. Всю свою жизнь он боролся против ограничений, налагаемых обществом, и вот теперь здесь, собирается жить своей мечтой, зная, что будет любить каждую ее минуту.

Когда он подошел к красно-белой полосатой крыше, то услышал громкие аплодисменты зрителей и приветственные возгласы. Он отправился к служебному фургону, где Бетти — одна из артисток трапеции — сидела на ступеньке и гладила сильно ушибленную руку. Цирковая медсестра сидела на полу с пинцетом, пытаясь вытащить осколки из ноги Бетти.

Ее колготки пришли в негодность.

— Что случилось? Ты в порядке?

Она кивнула.

— Веревка оборвалась, швырнув меня через весь этот чертов ринг. Мне удалось ухватиться за шест и соскользнуть по нему вниз, но не раньше, чем я почти повредила руку и разодрала в клочья ноги.

— Тебе нужно в больницу?

Обе женщины начали смеяться, и Бетти покачала головой.

— Горди, верно?

Он кивнул.

— Скоро ты узнаешь, что бы ни случилось, шоу должно продолжаться. Даже если у тебя сломана нога, ты продолжаешь выступать, пока не выйдешь за ринг и зрители не смогут тебя увидеть. Завтра я буду как новенькая, в новом трико, с повязкой на руке и в костюме с длинными рукавами. Я буду как новенькая, правда, Иви?

Иви кивнула.

— Обязательно. Поверь нет смысла запрещать ей выходить. Она все равно вернется наверх.

Бетти усмехнулась.

— Так ты наконец стал частью шоу? Как давно ты хотел попасть в цирк, Горди Маршалл?

— Всю свою жизнь.

— Это, мой новый друг, правильный ответ. После последнего поклона я покажу тебе, где тусуются клоуны.

— Спасибо, но не стоит беспокоиться. Я уже знаю. Надеюсь, тебе скоро станет лучше. — Горди улыбнулся женщинам и продолжил идти к месту, где стояли вагончики клоунов. Он обогнул стороной слонов, когда проходил мимо них. Они были огромными, и только куски веревки и тонкие цепи удерживали их снаружи клетки. Если бы они потянули, то вырвались бы на свободу и могли растоптать его. Пока он не узнал их получше, следовало держаться на безопасном расстоянии.

Продолжая идти, он услышал громкий рев и подскочил у решетки клетки, где стояли три льва. У одного из них была широко раскрыта пасть, и Горди не знал, что хуже: быть затоптанным до смерти или лишиться головы. И все же улыбнулся про себя, потому что в любом случае это лучше, чем задохнуться насмерть от скуки в компании «Маршалл и Маршалл».

Глава 3

Уолтер Лейси сидел на потертом стуле в своей тесной гостиной, с задернутыми шторами, хотя уже наступило утро. Он никогда не открывал их, предпочитая оставлять закрытыми. Это давало ему столь необходимое уединение. Уолтер легонько раскачивался взад-вперед — механизм преодоления трудностей, которым он пользовался с детства, — стараясь изо всех сил выпустить эндорфины в мозг, чтобы успокоить себя.

Он уставился на небольшой книжный шкаф, забитый фильмами: все ужастики, которые ему удалось найти в подержанном ларьке на рынке. Уолтер был одержим фильмами ужасов с самого детства. Его мать винила их за голоса, которые он тогда слышал в своей голове. Уолтер знал, что фильмы не виноваты, а голоса звучали всегда, сколько он себя помнил. Даже смотря детские передачи, он их слышал. Просто ей казалось легче винить во всем

фильмы, а не тот факт, что ее сын страдал вполне реальной шизофренией.

Уолтер не видел свою маму очень долгое время, но это не имело значения. Когда он попал в больницу на несколько месяцев, в пятнадцать лет, она ни разу не приехала его навестить. Он не винил ее за это. Ему не следовало пытаться задушить ее нового парня. Она пришла, увидела Уолтера, сидящим на ее последнем мужчине, и сошла с ума. Тогда она позвонила в полицию, а те вызвали скорую помощь. В итоге Уолли, выкрикивающего, что клоун на обложке DVD «Полтергейст» велел ему это сделать, вытащили из дома.

Он взглянул на костюм клоуна, висевший на перекладине. Уолтер нашел его в сундуке на чердаке в последнем доме, который они расчищали, и спрятал под свой джемпер. Он знал, что должен оставить его на месте и упаковать в коробку вместе с остальными вещами, но не сделал этого. Голос, которого он не слышал уже долгое время, велел ему забрать костюм, и он взял, а теперь посмотрите, что произошло.

Уолтер отвел взгляд. Он находил его очаровательным и в то же время пугающим. Голос говорил ему, что нужно делать, только сегодня у него совсем нет времени. Он должен быть нормальным, настолько нормальным, насколько это возможно. Уолтер встал и пошел на крошечную кухню за стаканом воды, чтобы проглотить таблетки. Он принимал «Ларгактил» с тех пор, как попал в больницу, но не факт, что они помогали. Он всерьез задумывался, не выработался ли у него иммунитет к препарату из-за такого долгого приема.

Проглотив оранжевую таблетку, Уолтер взял с подоконника лосьон для загара и намазал им лицо и руки. У него и так светлая кожа, но от лекарств он сгорал еще быстрее, если выходил из дома без лосьона.

Громкий стук в дверь заставил Уолтера подпрыгнуть, сердце бешено заколотилось. На ладонях выступили капельки пота. Конечно, нет. Не могли же они найти его так быстро? Он подкрался, чтобы посмотреть в глазок, надеясь, что по ту сторону нет огромных волосатых копов.

Когда он наклонил голову вперед, чтобы заглянуть в маленькое стеклянное отверстие, то услышал голос:

— Какого хрена ты возишься? Я жду тебя уже пять минут. Тащи свою задницу сюда сейчас же. Джеко сказал, если мы не уберем этот дом к обеду, никто из нас не получит зарплату.

Уолтер отступил назад, сдерживая дыхание и надеясь, что дрожащие колени выдержат вес его тела.

— Я уже иду. Прости, я тебя не слышал.

Ему не особенно нравились ни Джеко, его босс, ни Стиви Дин, который нетерпеливо ждал его снаружи. Однако работа приносила Уолтеру деньги, так что терпеть этих двоих не такая большая плата. Он открыл дверь и ждал от Стиви какого-нибудь ехидного замечания по поводу его жалкого состояния. Но вместо этого Стиви лишь покачал головой.

— Знаешь, если бы ты открыл свои шторы и окна, чтобы впустить свежий воздух в эту дрянную квартиру, то мог бы иногда увидеть, какова жизнь на другой стороне. Не говоря уже о том, чтобы слышать меня, когда я сигналил.

— Извини, проспал. Я словно умер для всего мира.

— Ну, можешь идти чистить зубы. Я не собираюсь сидеть в передней части фургона, где ты будешь дышать на меня, а изо рта у тебя будет вонять.

— Не будь идиотом. Я почистил зубы и принял душ.

Стиви посмотрел на него прищуренным глазом, затем повернулся и ушел. Уолтер взял

ключ от двери и закрыл ее за собой. Когда-то этот дом представлял собой шикарный георгианский таунхаус, пока тот, кому он принадлежал, не умер. Нынешним владельцам наплевать на состояние дома, и они превратили его в слишком большое количество квартир, пустив на растерзание и разрушение.

Стоило Уолтеру ступить в общий коридор, его ноздри наполнились запахом разнообразных трав и специй, а в животе заурчало, хотя на часах только восемь тридцать. Госпожа Батта всегда готовила, независимо от времени дня и ночи. Он попытался вспомнить, когда ел в последний раз, и не сумел. Возможно, вчера вечером, но это не точно, потому что ему резко стало дурно перед тем, как он пошел в тот дом, и все прошло как в тумане.

Выйдя на яркий солнечный свет, Уолтер прищурился. Его лицо выглядело слишком белым. В лучшие времена он походил на привидение. Однако он не мог позволить себе обгореть на солнце. Дин уже вернулся в фургон с работающим двигателем. Он был полной противоположностью Уолтеру. Стиви так загорел, что выглядел как человек, только что вернувшийся с трехнедельного отдыха на Тенерифе.

Уолтер не собирался делать то, что делал Стиви, и каждый день после работы заниматься в спортзале, а потом ложиться в шезлонг. Каждому свое, подумал он. Если бы он занимался этим, то сгорел бы дотла в мгновение ока. Он забрался в фургон, где пахло жирным Макдональдсом, и его желудок громко застонал. Почему везде его преследует еда?

— Черт возьми, Уолли, ты хоть завтракал? Ты похож на ходячий рыжий скелет!

Уолтер покачал головой, нет смысла врать.

— Как ты собираешься работать целый день, перетаскивая ящики и мебель, не съев ни крошки, парень? От тебя не будет толку, если ты потеряешь сознание. Давай, я вернусь к кафе, и ты сможешь что-нибудь купить.

— Спасибо, если ты не против. — Он начал шарить по карманам, выискивая мелочь и проверяя, хватит ли ее, чтобы заплатить за сосиску и яйцо МакМаффин. Уолтер вытащил последнюю скомканную пятифунтовую купюру и понадеялся, что после сегодняшней работы Джеко заплатит ему за две последние недели. Стиви поехал обратно, заказав полный набор блюд, включая два латте. Уолтеру стало плохо. Ему не хватало денег, чтобы заплатить.

— У меня только пятерка, приятель.

Стиви махнул рукой.

— Кто-то должен позаботиться о твоей жалкой заднице. Тебе нужно найти женщину или мужчину — все, что тебе по душе, — чтобы они присмотрели за тобой, парень. Ты не можешь продолжать в том же духе. Ты выглядишь как какой-то бездомный. За мой счет.

Уолтеру пришлось отвернуться из страха, что Дин увидит благодарность на его лице и слезы на глазах. Никто никогда не делал для него ничего хорошего. Уолтер не мог вспомнить, когда такое случалось в последний раз — во всяком случае, с тех пор, как два года назад умерла его бабушка. Он подумал о том, через какие страдания ей пришлось пройти, а затем вспомнил о женщине, которую убил прошлой ночью. Он увидел ее, выходящей из газетного киоска, и узнал. Она ходила в тот же хоспис, что и его бабушка. Уолтер не знал, почему последовал за ней домой вчера вечером. Он просто пошел.

«Но это не совсем правда, верно, Уолли? Голос, звучавший в костюме, велел тебе это сделать. Прошлым вечером ты ударил ее ножом, как будто она пустое место. Сколько раз ты воткнул в нее нож?» Он пожал плечами. Ему ведь следовало убедиться, что она мертва? Уолтер посоветовал голосу внутри своей головы заткнуться и забрал у Стиви пакет с жирной

едой и картонную упаковку с напитками.

Когда он вгрызлся в горячую сочную булочку, его желудок благодарно застонал. Уолтеру было интересно, кому на самом деле принадлежали клоунские штучки в сундуке, который он нашел в последнем доме. Впрочем, у него нет ни Интернета, ни приличного мобильного телефона, чтобы попытаться найти хоть какую-то информацию. Что он мог сделать, так это сходить в библиотеку в выходные и покопаться там, может быть, спросить в архиве или воспользоваться компьютером, если у него найдется пара фунтов, чтобы заплатить за него. Хотелось бы узнать больше о хозяине клоунского костюма. В этой вещи было что-то завораживающее.

Под костюмом в сундуке лежал еще парик и большая черная штука, которая надевалась на шею. На дне Уолтер нашел пару черно-белых фотографий, засунутых в выцветший желтый конверт. На одной из них мужчина сидел в клетке с тремя огромными львами. На второй позировали три клоуна — они отличались друга от друга телосложением и костюмами.

Он узнал костюм, который достал из сундука. У клоуна, одетого в него, были странные волосы — всего три хохолка — и огромный красный рот. При виде такого персонажа у любого человека может возникнуть фобия к клоунам, не говоря уже о ночных кошмарах. Уолтер не думал, что дети, посещающие цирк, захотят иметь с ним дело, если только он не окажется по-настоящему смешным и добрым. Но если бы он и правда был добрым, то почему, когда Уолли примерил костюм, его охватили такие сильные чувства? И потом эта ярость по отношению к той женщине не имела ничего общего с тем, что он когда-либо испытывал. Дело не в том, что он знал ее, и она его расстроила. Как будто кто-то другой завладел телом Уолтера. Возможно ли такое? Он подумал, а вдруг в костюме клоуна живет привидение. Возможно теперь, он даже одержим.

Однако потом он покачал головой. Уолтер понимал, что костюм, скорее всего, не имеет к этому никакого отношения. Проблема в нем самом, и так бывало всегда. Дин завел двигатель, пробуждая его от дневных грез.

— Ладно, моей любезности в отношении тебя хватит до конца недели. Не смей никому рассказывать. Я не хочу, чтобы люди думали, что я размяк к старости. Сегодня нам нужно вычистить этот дерьмовый дом, и Джеко хочет, чтобы мы закончили к часу, потому что ему нужен фургон, так что будь готов работать, не покладая рук.

Уолтер кивнул. По крайней мере, работа займет его на ближайшие несколько часов. Отвлечет от чувства вины, которое просачивалось в трещины, открывающиеся по всему его и без того чувствительному разуму.

Глава 4

Когда Энни открыла глаза и увидела, что переноска Альфи пуста, ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Затем она поняла, что Уилла тоже больше нет в кровати. Потянувшись за телефоном, она с удивлением обнаружила, что уже почти восемь утра. Как это произошло? Она встала, стянула халат со спинки стула и обернула его вокруг себя.

Спускаясь по лестнице, Энни уловила запах жарящегося бекона. Внутри нее вспыхнула искра гнева. Очевидно, Уилл проснулся без похмелья, раз готовит себе сэндвич с беконом. По справедливости, у него должно быть жуткое похмелье и ощущение, что он умирает. Будь она на его месте, и выпей столько виски на голодный желудок, наверное, умерла бы.

Войдя на кухню, Энни увидела Альфи, сидящего в своем кресле у барной стойки. Уилл наклонился и кормил его. Альфи улыбался и ворковал с отцом, и она почувствовала, как ее

гнев улетучивается. Черт, Уилл делал это с ней каждый раз. Она никогда не могла долго сердиться на него. Он поднял голову и улыбнулся ей. Энни с удовлетворением отметила, что это не его обычная, нелепо-счастливая улыбка. Хорошо, значит, совесть у него все-таки есть.

— Доброе утро, красавица. Мне очень жаль, что так вышло вчера. Я приготовил нам рогалики с беконом и свежий кофе. Надеюсь, ты не слишком сердишься на меня.

Энни вздохнула, затем покачала головой.

— Ну, я злилась, пока ты не упомянул о рогаликах. Ты же знаешь, что я женщина, которая любит поесть.

На этот раз он усмехнулся.

— Альфи хотел есть, поэтому я накормил его завтраком. Тебе удалось выспаться?

Энни подумывала рассказать мужу о своих нелепых опасениях, что со спальней Альфи что-то не так, и о своем сне про белый дом, но потом остановила себя.

— Да, в конечном итоге. Он не может успокоиться в своей комнате. Я думаю, может, нам стоит перенести его кроватку к нам, пока у Альфи режутся зубки. Так мне будет легче, если он проснется, а если ты не сможешь заснуть из-за него, всегда сможешь пойти в свободную комнату.

Энни ждала, что Уилл назовет ей целый список причин, почему это плохая идея, но он кивнул.

— Я думаю, ты права. Он так беспокоится по ночам. Может быть, для всех нас это будет к лучшему. Я поставлю его кроватку, когда вернусь домой. Мне скоро на работу. Адель заедет за мной по пути в Барроу.

Энни села на один из высоких табуретов и вгрызлась в рогалик. Сливочный сыр вылез сбоку, она вытерла его пальцем и облизала.

— Спокойно, а то ты меня совсем заведешь.

Она засмеялась.

— Я бы хотела. Я имею в виду, сколько времени прошло с тех пор, как мы...

За воротами раздался гудок. Уилл повернулся, чтобы выглянуть в окно, и помахал рукой.

— Ну, может быть, когда я вернусь домой, у нас будет немного времени для себя.

Он подошел и поцеловал ее в лоб.

— Кто такая Адель?

Энни постаралась, чтобы вопрос прозвучал непринужденно, а не как будто она превратилась в страдающую паранойей жену, но когда Уилл впервые произнес это имя, в груди у нее зародился небольшой трепет паники.

— Адель Дин — она переводится из Карлайла в Барроу. Полагаю, она заменит Стью, хотя официально об этом не говорилось. Я проходил с ней обучение. Она милая и очень счастлива в браке и у нее двое взрослых детей. Это ответ на все твои вопросы?

Энни почувствовала, что ее щеки начинают гореть.

— Извини, просто я целыми днями торчу дома и немного скучаю по прежней жизни. А о ней я никогда раньше не слышала и мне интересно, вот и все.

Уилл чуть не подавился последним кусочком рогалика, засунутым в рот.

— Ты скучаешь по своей прежней жизни? Ты имеешь в виду ту, где сумасшедшие убийцы преследовали тебя и похищали каждые пару недель?

— Не будь дураком, ты знаешь, о чем я. Я скучаю по походам на работу и прочему, по сплетням и общему балагану. Конечно, я не скучаю по другим вещам.

— Фух, вот это облегчение. Слушай, почему бы тебе не выйти и не поздороваться с ней? Тогда ты сможешь познакомиться и узнать, какая она, вместо того, чтобы сидеть здесь и переживать из-за пустяков.

— И выглядеть как сумасшедшая, ревнивая жена? Нет, спасибо. Я совсем не волнуюсь. Хорошего дня и увидимся позже.

Уилл улыбнулся.

— Ты же знаешь, как сильно я люблю вас обоих?

Она кивнула.

— Ну, тогда не волнуйся из-за ерунды.

Энни подняла руку и помахала ему.

— Пока Уилл.

Он поцеловал ее, взял пиджак со спинки стула и сделал последний глоток кофе. Выходя через парадную дверь, он помахал ей рукой, чтобы она вышла к Адель, которая ждала его в машине на улице. Энни не удержалась и подошла к окну, чтобы взглянуть. Адель разговаривала с Уиллом, пока он садился в машину, потом, словно поняв, что за ней наблюдают, повернулась и улыбнулась Энни, помахав ей рукой.

Энни помахала в ответ и опустила занавеску, досадуя, что ее застукали. Вот черт.

Сегодня она собиралась переставить некоторые вещи в их спальне, чтобы освободить место для кровати Альфи, которая была просто чудовищной. Потом она возьмет его на прогулку в деревню, чтобы подышать свежим воздухом. В общем, ее жизнь можно считать такой же увлекательной, как наблюдение за высыханием краски. Затем Энни вспомнила о звонке отцу Джону. Никаких звонков, она сама навестит его, а мебель переставит позже.

Довольная тем, что на утро у нее запланировано нечто более интересное, Энни подняла Альфи, на котором завтрака осталось даже больше, чем он съел. Она взяла его с собой наверх, чтобы они оба могли подготовиться.

Уилл застегнул ремень безопасности.

— Я мог бы привыкнуть к тому, что на работу меня возит шофер.

— Не надейся. Я езжу не каждый день, мне это не нужно. Слишком долго и на топливо уйдет целое состояние. Стив согласился, что мы можем переехать обратно в Барроу. Его мама все еще живет в Холбеке, так что мы переедем к ней, пока не найдем собственное жилье. Неужели именно знаменитую Энни Грэм я только что видела, выглядывающей из окна?

Уилл посмотрел на нее, пытаясь понять, не шутит ли она, но Адель казалась искренне заинтересованной.

— Да, это она. Ну, теперь она Энни Эшворт. Думаю, она все еще немного сердится на меня.

— Из-за вчерашнего? Я, черт возьми, так и подумала. Слышала, ты был в стельку пьян, и тебя пришлось затаскивать в кузов фургона, потому что ты слишком перебрал. Как ты справился с этим менее чем за два часа? Я впечатлена.

Она подмигнула ему, и Уилл рассмеялся.

— Черт, как ты узнала?

— Новости быстро распространяются на нашей работе, старина, ты должен это знать. Вообще-то это был Кав. Он звонил Стиву зачем-то вчера вечером и случайно упомянул об

этом. На самом деле именно Кав предложил мне заехать за тобой сегодня утром. В бытность нашим сержантом он был крут, и тверд. Теперь, выйдя на пенсию, превращается в старого доброго мягкотелого дядюшку.

— Думаю, то, что он видел за эти годы, заставило его больше ценить семью и друзей. И полагаю, когда ты не имеешь дело с дерьмом изо дня в день, это заставляет тебя снова стать относительно нормальным человеком. Меня это точно заставило быть более благодарным за каждый день.

Телефон Уилла зазвонил, и он достал его из кармана брюк.

— Я в пути. Ну, мы оба в пути. Адель заехала за мной. Да, я знаю. Видел вчера в новостях.

Уилл слушал, как мужской голос на другом конце провода что-то говорил ему.

— Скоро буду там, если позволят пробки. — Он закончил разговор и посмотрел на нее. — Ты видела вчера в новостях то убийство?

Она покачала головой.

— Будет полный инструктаж, и они ждут нас, прежде чем начать. Черт, голова раскалывается, а я еще даже не на работе. Это будет долгий день.

— Разве они не все такие?

Утренние пробки оказались не такими страшными, как ожидал Уилл, и вскоре они подъехали к совершенно новому, блестящему полицейскому участку, который заменил старый, признанный непригодным для использования. Единственная проблема заключалась в том, что новое сверкающее здание оказалось просто отвратительно неудобным по сравнению со старым. Все было открыто, и звук распространялся повсюду. Здесь не существовало укромных уголков, куда можно пойти, чтобы поспорить с кем-то или обсудить, как сильно кто-то тебя бесит. Уилл в мгновение ока переехал бы обратно в старый офис.

Адель присвистнула.

— Держу пари, это обошлось им в кругленькую сумму.

Он кивнул.

— Ага, подожди, пока не увидишь наш офис. Он ужасен. Не пойми меня неправильно, столовая удобная, стулья удобные, но теперь невозможно нигде уединиться.

— Судя по всему, здесь также негде перепихнуться. Это здание сотворит чудеса с сохранением браков. Уровень разводов заметно снизится.

Уилл усмехнулся.

— Я сомневаюсь в этом. Ты нервничаешь?

— И да, и нет. Я не очень люблю перемены, но в Карлайле их ненавидела. Я хотела вернуться, так что здесь вроде как по собственному желанию. Думаю, с нетерпением жду начала работы, и, кроме того, бывают гораздо более мерзкие начальники, чем ты.

— Я так понимаю, это комплимент?

— Воспринимай как хочешь. Я не буду называть тебя боссом, если рядом никого нет. Я ненавижу все это.

— Хорошо, я от тебя этого и не жду. Я простой старина Уилл. Становлюсь сержантом, только когда от меня чего-то хочет начальство.

— Превосходно. Пойдем?

Адель припарковала машину у входа в здание, вместо того чтобы заехать на охраняемую парковку сзади. Уилл вышел из машины, размышляя, сможет ли он выдержать фотографии с места преступления. Он чувствовал себя паршиво, хотя и не признался в этом Энни, потому

что не хотел, чтобы она слишком злорадствовала. Оставалось надеяться, что, поскольку он вчера не работал, Майки, дежуривший в это время сержант, уже взял дело себе.

Они вошли в парадные двери огромного здания, и Адель прошептала:

— По крайней мере здесь пахнет свежестью, а не потными ботинками и коноплей.

Уилл кивнул. Она права. Он провел их через двойные двери, ведущие в атриум — так он назывался — и подвел Адель к винтовой лестнице в центре этажа. Она последовала за ним наверх, на второй этаж, в зал для крупных происшествий. Внутри уже находилось множество начальников, детективов и офицеров оперативной поддержки, все сидели и ждали их. Адель прошла в конец зала и встала там, оставив Уилла на последнем месте впереди. Старший суперинтендант начал говорить. Уилл достал свой блокнот и принялся записывать. Он не сразу понял, что его зовут, пока в зале не воцарилась тишина. Подняв голову, Уилл увидел, что все смотрят на него.

— Приятно, что ты присоединился к нам, Уильям. Я как раз объяснял, что именно ты будешь руководить этим делом. Майки завтра уходит в отпуск, а по возвращении он проходит недельный курс в штаб-квартире, так что тебе придется взять на себя обязанности старшего офицера.

Уилл почувствовал, как заныло сердце. Он не хотел быть чертовым старшим офицером. Это всегда выпадало на его долю, когда происходило убийство или необъяснимая смерть. За последние три года у него за плечами уже слишком много дел, связанных с убийствами. Почему, черт возьми, они не могут позволить кому-то другому заниматься этим делом?

— Ты не выглядишь особо счастливым. С твоим послужным списком это должно быть проще простого. Я надеюсь, что ты закроешь дело в ближайшие двадцать четыре часа. Особенно если мы будем держать твою любимую жену подальше от него.

Старший суперинтендант рассмеялся над собственной шуткой, и Уилл почувствовал, как его руки сжались в кулаки, а кровь прилила к лицу. Ему никогда не нравился этот напыщенный придурок, стоящий теперь перед ним. Уиллу захотелось встать и ударить босса. Желание оказалось настолько сильным, что Уиллу пришлось встряхнуть головой, чтобы выкинуть эту мысль. Вместо этого он встал и направился к доске, а дойдя, уставился на суперинтенданта, глаза в глаза. Тот больше не ухмылялся.

В комнате воцарилась тишина, все наблюдали за обменом взглядов между двумя мужчинами. Один из офицеров, стоявших рядом с Адель, прошептал:

— Ставлю пятерку на то, что Уилл завалит его одним ударом.

Адель улыбнулась, явно надеясь, что Уилл справится. Она могла с уверенностью сказать, что старший суперинтендант — полный кретин, а ведь она его только увидела. Вместо драки Уилл оглядел всех и улыбнулся. По лицам присутствующих он понял, что это самый захватывающий инструктаж, который они когда-либо посещали. Похоже все только и мечтали увидеть, как Суперу набьют морду. Как бы Уиллу ни хотелось ударить босса, он не стал доставлять ему такого удовольствия.

— Ну что ж, тогда вам лучше покинуть нас сейчас, шеф. Вы ведь обычно уходите, когда начинается настоящая полицейская работа.

Вся комната взорвалась смехом. Настала очередь старшего суперинтенданта сжать пальцы в кулаки, и его щеки вспыхнули красным. Он посмотрел на всех, затем повернулся к Уиллу, который к этому моменту с сожалением осознал, что только что начал самую большую ссору в своей карьере. Но ему плевать. Он устал от этого дерьма. Куда подевались обычные рабочие будни и поиски очередного грабителя? Почему этот относительно тихий

городок решил стать столицей убийств в Англии? И почему он всегда оказывался старшим офицером в деле?

— Поскольку вчера я находился на похоронах моего друга и коллеги, то на самом деле пропустил все, что произошло. Поэтому сейчас хочу, чтобы сотрудники оперативной поддержки поискали... — Уилл посмотрел на зернистую, выцветшую фотографию жестоко убитой женщины. Ее имя значилось жирным черным шрифтом под фотографией. — Хочу, чтобы они обыскали дом и сад Полин Кук, пока я знакомлюсь с делом. Я так понимаю, криминалисты уже закончили? Конечно, если в ходе обыска не обнаружится ничего, что они могли пропустить?

Сержант оперативной поддержки кивнул.

— Перекройте всю улицу, пока мы не выясним, как наш убийца прибыл на место преступления. Известно уже, пешком он появился или на машине?

Все отрицательно покачали головами.

— Распорядитесь чтобы сотрудники общественной поддержки полиции взяли на себя охрану места происшествия — они знают, что делать, — и проследите, чтобы их меняли. Я не хочу узнать, что их оставляют там на несколько часов без перерыва.

Сержант ОПП кивнул.

— После того как закончится обыск, я хочу, чтобы начался поквартирный обход. Я составлю карту района, который нужно проверить. Затем необходимо посетить все магазины в этом районе, чтобы узнать, есть ли у них работающие камеры видеонаблюдения, и проследите, чтобы записи загрузили сразу же, а не через неделю. Если они не могут сделать это немедленно, тогда изымите жесткие диски и принесите их Барри, чтобы он просмотрел их в видеотеке. На этом пока все. Соберемся здесь через пару часов и продолжим.

Уилл обрадовался, увидев, что все ведут записи. Адель стояла сзади, скрестив руки. Она кивнула ему, и Уилл почувствовал себя немного лучше.

— Прежде чем вы уйдете, я хочу познакомить вас с констеблем Адель Дин. Она перевелась из Карлайла и, хотя она не заменяет Стью — никто не может этого сделать — будет работать за его столом. Так что, если вам что-нибудь понадобится, и вы не сможете дозвониться до меня, свяжитесь с ней.

Он вышел из зала, так и не обернувшись на старшего суперинтенданта, который все еще смотрел на него. Уилл чувствовал, как его взгляд прожигает затылок. Игра началась. Заметив, что кто-то спешит к нему, он повернулся, и увидел улыбающуюся Адель.

— Знаешь, из тебя получился бы отличный старший суперинтендант. Какой же он идиот. Почему он до сих пор на службе? Держу пари, он ежедневно выводит людей из себя.

Уилл рассмеялся и посмотрел на часы.

— Неплохо, тебе понадобилось меньше пяти минут в участке, чтобы прийти к тому же выводу, что и все мы. Понятия не имею, почему он до сих пор работает, но готов поставить сто фунтов, это благодаря членству в масонской ложе. Ты не против, если я отдам тебе записи с камер видеонаблюдения? Я мог бы поручить это какому-нибудь патрульному, но у них и так не хватает сотрудников. Обычно я привлекаю оппэшников, потому что они действительно хороши во всем этом, но сейчас хочу поручить им обход домов после обыска, они с этим тоже отлично справляются.

— Значит, тебе нравятся твои сотрудники общественной поддержки полиции?

— Нравятся? Я их обожаю. Они делают мою работу намного легче, потому что, когда просишь выполнить какое-нибудь поручение, они поднимают свои задницы и выполняют их.

— Наши были ничего, но я бы не сказала, что они какие-то потрясающие.

— Ну, а мои — да, и я не скажу о них ни одного плохого слова.

— Что ж, и я не буду говорить о них ничего дурного.

Уилл провел ее через лестничную площадку в большой кабинет открытой планировки, который ненавидел. Здесь невозможно было уединиться, и он находился прямо рядом со столовой, что просто кошмар: каждое утро вдыхать запах шипящего бекона, когда ты пытаешься влезть в брюки.

— Предполагается, что столы можно занимать любые, но мы, как правило, выбираем одни и те же.

Он указал на свободный стол.

— Этот бы достался Стью, но он так и не оправился после аварии. Так что ты можешь занять его, потому что на нем нет чужих вещей.

— Ты уверен? Для всех вас это должно быть трудно. Я не хочу наступать никому на мозоль.

— Нет, это не так. Стью умер, и, как бы ни было трудно в это поверить или принять, нам нужно двигаться дальше. Никто не будет против.

Уилл вошел в свой кабинет и закрыл дверь. Его голова раскалывалась. Он все еще злился из-за ехидных замечаний шефа, но у него появилась работа, и Уилл ее выполнит. Он хотел прочитать протокол, ознакомиться с имеющимися отчетами, просмотреть фотографии с места преступления и решить, как собирается ловить убийцу, который ворвался в дом Полин Кук и убил ее в таком больном, жестоком безумии.

Лето 1950 года

На поле возвели огромный красно-белый полосатый шатер. Почти каждый из цирковой братии помогал натягивать направляющие канаты, чтобы поднять его и установить на место. В этом деле требовалось как можно больше рабочих и исполнителей. Поверх травы внутри шатра насыпали свежие опилки, чтобы сделать пол более мягким. Горди любил этот момент: когда центральное кольцо пустовало и цирк не омрачали тысячи мужчин, женщин и детей, с нетерпением ожидающих начала представления.

Завтра, когда начнет работу, воздух наполнится запахом попкорна и леденцов, смешавшись со свежими опилками и яблоками в карамели. Лучшего запаха не придумать. Громкое гудение генераторов на заднем плане звучало для Горди как музыка, отгоняя воспоминания, пытавшиеся заполнить его разум. Он все время возвращался к своему несчастному детству. Когда слышал, как ссорились его родители, пронзительный голос матери разносился по лестнице, пока громкий стук не заглушал его.

Чаще всего отец Горди — любитель выпить — поднимался и начинал избивать его без всякой причины. Горди шел в школу и придумывал самую невероятную ложь о синяках. Он ненавидел своих родителей, но не хотел оказаться в детском доме. Горди научился настолько хорошо врать, что почти сам в это верил.

Потом случились инциденты с Эндрю и миссис Голдсмит. Горди не чувствовал угрызений совести за то, что он с ними сделал. Они смеялись над ним и заслужили то, что получили. Такова жизнь. Ведь никого не волновало, что его собственный отец бил и пинал его до посинения? Горди понравилось чувствовать себя хозяином положения, причинять боль другим. Этому его научил отец.

Цирк пробудет здесь четыре ночи, и у Горди появилась идея. Вчера, когда они

приехали, их ждала группа подростков, которые следили за каждым их шагом. Они интересовались цирком почти так же, как и сам Горди. Один из мальчишек выглядел немного медлительнее остальных; он смотрел на львов, обезьян и слонов с нескрываемым удивлением на лице. Его челюсть отвисла, губы слегка разошлись, и с них стекала струйка слюны. Один из младших мальчиков толкнул его локтем в бок, и он закрыл рот, подняв грязный рукав, чтобы вытереть губы. Горди специально подошел к ним, чтобы поговорить, спросить, нравится ли им цирк. Все четверо дружно кивнули.

— Хотите получить бесплатные билеты, чтобы приходиться смотреть шоу каждый вечер?

— Правда, мистер? Это было бы здорово. Как мы можем получить бесплатные билеты?

— Нам предстоит большая работа по подготовке к выступлению, много дел. Очень бы пригодилась помощь в расстановке скамеек и укладывании свежих опилок каждое утро на арене. Я могу поговорить с рингмейстером и узнать, не согласится ли он, чтобы вы присоединились и помогли в обмен на несколько билетов.

Все четверо одновременно закричали:

— Да, пожалуйста!

— Меня зовут Горди — ну, это мое настоящее имя. Когда я работаю, то превращаюсь в клоуна Тафти. Видите, вон тот плакат? Клоун в черно-белом? Это я.

— Правда, вы настоящий клоун? Это потрясающе.

Горди улыбнулся.

— Я тоже так думаю. Подождите, а я пойду поговорю с боссом, может, мы предложим вам какую-нибудь работу. Конечно, вам придется договориться с родителями. Возможно, они не захотят, чтобы вы приходили сюда каждый день.

Подросток, который выглядел немного медленнее и старше остальных, засмеялся.

— Моей матери все равно. Она постоянно говорит мне, что я должен участвовать в шоу уродов.

Другие мальчишки тоже засмеялись. Один из них сказал:

— Да, она такая. Ты тоже можешь стать клоуном. Мы могли бы звать тебя Коко вместо Колина.

Мальчик, который ударил его локтем, начал смеяться так сильно, что слезы покатались по его щекам.

— Коко — гораздо лучшее имя, чем Колин. Дерьмо на палке — лучшее имя, чем Колин.

Колин нахмурился на них, и его нижняя губа начала дрожать.

Горди похлопал его по руке.

— По-моему, Колин — отличное имя, так почему бы вам не пойти и не узнать, сможете ли вы все вернуться сегодня днем и помочь? Просто найдите меня. Я буду здесь недалеко.

Мальчишки повернулись и побежали, оставив Колина плестись позади. Горди почувствовал искру возбуждения. У него появились большие планы на Колина. С тех пор как Горди убил своих родителей, в нем жило чувство, что он хочет сделать это снова. Нет, не хотел — это звучало недостаточно выразительно. Он знал, что должен сделать это снова. Только он не думал, что будет убивать взрослого. Проще убить подростка. Они вечно где-нибудь шатаются без присмотра и теряются. Он мог бы обставить все как несчастный случай. Только он будет знать правду. Колин оказался гораздо крупнее, чем Горди предполагал, но, похоже, никому нет до него дела, так что для начала парень сгодится. Потом, если все пойдет по плану, он сможет продолжить, и никто ничего не узнает.

Горди отправился помогать туда, где он был нужен. Бетти и два других артиста на

трапеции отработывали повороты на импровизированных веревочных качелях. Горди остановился, чтобы посмотреть. Она сделала то, что обещала к следующему выступлению. Бетти продолжала работать, как будто даже не сорвалась с трапеции днем раньше. Он был очарован. Сила, которую она демонстрировала, вызывала восхищение. Вообще, чем больше Горди узнавал других артистов, тем больше они ему нравились.

Он все еще опасался львов. Укротитель львов Маркус, казалось, вертел ими как хотел. Громкий рев заставил Горди подпрыгнуть, и обернувшись, он увидел, что Маркус лежит на полу, а над ним возвышается огромный лев. Сердце Горди учащенно забило, и он подумал, что сейчас увидит, как Маркуса съедят заживо. То, что произошло дальше, так рассмешило его, что по щеке покатилась слеза. Огромный лев опустился на пол клетки рядом с Маркусом и положил голову ему на грудь. Он подталкивал Маркуса, пока тот не поддался и не начал чесывать его живот. Бетти, которая остановилась на середине упражнения, захихикала. Она воскликнула:

— Маркус, эта кошка командует тобой больше, чем твоя жена. Держу пари, что ты не гладишь так ее живот.

— Дорогая, если бы у меня была жена, я бы точно так делал. Почему бы тебе не подойти сюда, и я поглажу твой?

Раздался громкий смех, который эхом разнесся по полю, и Горди в очередной раз порадовался, что наконец-то набрался смелости оставить свою старую жизнь и наслаждаться новой.

Бетти хмыкнула и повернулась обратно к своим веревочным качелям. Она посмотрела на него.

— Ну, Тафти, как тебе нравится в нашем цирке?

Горди упал вперед и перекатился в кувырке в ее сторону. Когда он встал, то достал из рукава букет цветов и протянул Бетти.

Она хихикнула.

— Так здорово, да? Хорошо, я рада, что тебе нравится. Не могу представить, как можно жить по-другому. Я участвовала в жизни цирка с тех пор, как начала ползать, а воздушные трюки выполняла с пяти лет.

Он поклонился и кивнул.

— Я тоже не могу представить себе ничего другого — и это удивительно. В твоих жилах течет цирковая кровь. Я чувствую, что наконец-то нашел свое место, место, которое могу назвать домом.

Громкий голос прокричал:

— Тафти, ты не поможешь нам? — Он повернулся и увидел группу мужчин, которые разгружали деревянные скамейки, чтобы занести их в шатер. Горди отправился к ним. Следующие пару часов у него не хватало времени ни о чем думать, пока они расставляли места для зрителей.

Потный и усталый, он поставил последнюю скамью на место, затем выпрямил спину. Наступило время обеда, и Горди собирался сделать заслуженный перерыв, чтобы съесть сэндвич с солониной и выпить бутылку имбирного эля. Не успел он дойти до тенистого места, которое приглядел с самого утра, и присесть, как услышал, что его кто-то зовет. Он встал из тени огромного дуба, под которым укрылся от палящего солнца, и улыбнулся про себя, увидев Колина, идущего навстречу. Горди помахал ему рукой, и парень улыбнулся. Он пришел один.

— Привет, Колин, где твои друзья?

— Все еще разговаривают со своими мамами. Похоже, им это не нравится, и они не разрешают ребятам прийти вам на помощь.

— Понятно, наверное, я могу это понять. А ты значит снова пришел? Как твоя мама?

— Она не беспокоится. Сказала, если я найду себе работу на четыре дня, это будет чертово чудо. Рада, что избавилась от меня.

— Ну, я уверен, что смогу найти для тебя занятие.

Горди похлопал по траве рядом с собой.

— Ты голоден?

Колин согласно кивнул.

— Всегда голоден.

Горди передал ему половину своего сэндвича.

— Давай, бери. У такого большого парня, как ты, должен быть хороший аппетит.

Он взял его и съел в два укуса.

Горди засмеялся.

— Ты мне нравишься, Колин, правда нравишься.

Следующие тридцать минут они сидели в тишине, пока Горди отдыхал. Он не спал, но и не бодрствовал. Когда он решил, что пора возвращаться к работе, то взял Колина с собой в трейлер, где хранились все его вещи. Он указал на свой клоунский костюм.

— Что думаешь о моем костюме, Колин? Тебе нравится? Я сделал его сам.

Семнадцатилетний парень протянул руку, позволяя пальцам погладить мягкий, шелковистый материал.

— Красивый. Он мягкий и гладкий. Мне нравится, Горди.

Когда он произнес его имя, Горди улыбнулся образу Колина, который заполнил его сознание — совсем не такому, как тот, что стоял перед ним. Горди раздумывал, заплачет ли мальчишка, когда он воткнет в него свой острый нож, и решил, что да, наверное, заплачет, причем сильно. Кроме того, Колин не походил на обычного, прыщавого, неухоженного подростка. Он был высоким и коренастым. Возможно, он еще и сильный. Ему придется действовать быстро, потому что, если Колин решит дать отпор, не ясно сможет ли Горди выйти победителем.

Глава 5

Энни пристегнула Альфи в автокресле, положила его сумку для пеленания на сиденье рядом, а затем села в машину со стороны водителя.

Она любила эту машину больше, чем можно выразить словами. Энни никогда не думала, что другая машина сможет заменить ее любимый красный кабриолет мини. Но после того, как в прошлом году она потеряла его в аварии, в результате которой на несколько дней впала в кому, у нее не осталось другого выбора.

Уилл баловал Энни, в этом не приходилось сомневаться, и это приятно, без сомнения. Было отрадно знать, что у мужа в банке более чем достаточно денег, чтобы оплачивать домашние счета и возить их в отпуск без необходимости экономить. В браке с Майком Энни постоянно приходилось считать деньги, которых всегда не хватало.

Она спокойно относилась к случайным подаркам от Уилла, потому что никогда ни о чем не просила, предпочитая сама зарабатывать, чтобы купить то, что ей нужно. Ей все равно, носила ли она солнцезащитные очки «Примарк» или «Диор». Пока они выполняли свою функцию, это не имело значения. Хотя единственное, в чем Энни не шла на

компромисс, это ее духи. Это всегда были и будут «Шанель».

Повернувшись, чтобы убедиться, что с Альфи все в порядке, она улыбнулась ему, когда он протянул к ней свою пухлую руку. Энни поцеловала сына, затем развернулась и отправилась в дорогу.

С тех пор как пропала ее племянница Матильда, к Энни не приходили гости с того света, что конечно ее радовало. Однако ребенок отнимал так много времени, что она честно говоря, даже не замечала отсутствия призраков.

Как бы она ни хотела им помочь, ее все равно пугало каждое появление одного из них. Первые тридцать один год своей жизни она провела, не обращая внимания на то, что мир духов существует. Затем, после той роковой ночи, когда ее ныне покойный муж пытался ее убить, Энни очнулась в больнице с огромной раной на затылке и вновь обретенными способностями экстрасенса.

Двигаясь по узкой извилистой дороге к автомобильному парому в Боунесс, она думала о том, как дела у Уилла и не мучает ли его похмелье. Адель показалась ей милой, и если она счастлива в браке и имеет детей, то, конечно, Уилл ее не заинтересует. Тем не менее Энни не могла не беспокоиться. Семена неуверенности в себе, которые Майк посеял в ней во время их брака, заставили ее разувериться в себе.

Она понимала, что поступает глупо. Да, до того, как они сошлись, Уилл имел репутацию бабника, но он изменился. Они через многое прошли, и теперь, когда у них есть Альфи, он не сделает ничего глупого, чтобы поставить под угрозу их брак. Ей нужно перестать так беспокоиться.

На пароме было малоллюдно, и вскоре она уже погрузилась на него и оплатила проезд. Когда они достигли другого берега, Энни отъехала, испытывая облегчение от того, что снова оказалась на суше. Сколько бы раз она ни пользовалась паромом, мысль о том, что он может затонуть, не выходила у нее из головы.

Несмотря на то, что время еще раннее, в Боунессе уже собралось много народу. Обязательный автобус, полный японских туристов, прибыл на причал для круизов по озеру.

Энни улыбнулась про себя. Проезжая мимо кофейни, где работал Густав — ее любимый бариста, она подумала, не стоит ли припарковаться и нанести ему визит. Но тут на последнее парковочное место заехала машина, и она решила, что, возможно, заглянет по дороге домой.

Поднимаясь по крутому склону, Энни проехала мимо полицейского участка — ее полицейского участка — здание которого теперь выставлено на продажу. Все сотрудники теперь начинали и заканчивали работу в Кендале, что вызывало массу неудобств. Джейк стонал по этому поводу месяцами, обвиняя Энни в том, что она заставила его перевестись сюда из Барроу. Впереди показалась церковь, и она вскрикнула от восторга, увидев прямо перед ней место для парковки. Слава Иисусу или Богу.

Энни притормозила, затем вышла из машины, взяв Альфи, который уже крепко спал, с его сиденья. Она решила отнести сына в дом пастора, потому что не хотела возиться с коляской.

Пройдя через великолепный сад, ставший гордостью и радостью Джона, она подошла к входной двери и постучала в нее так громко, как только могла. Этот дом был большим, и — раз коп, то всегда коп — она ненавидела тратить время на стук в дверь во время работы, поэтому всегда стучала в нее молотком. Разочарованная тем, что внутри не послышалось шагов по паркетному полу, Энни расстроилась. Ей следовало позвонить, чтобы узнать, дома

ли Джон. Черт. Когда она повернулась, чтобы идти обратно к машине, из-за невысокой стены, отделявшей церковь от настоятельского дома, раздался голос.

— Неужели я вижу перед собой Энни Грэм во плоти? Какое зрелище для моих старых и слабых глаз. Сколько лет, сколько зим.

С гораздо большей прытью, чем у Энни, он бодро зашагал к стене и перепрыгнул через нее. Отцу Джону было около шестидесяти, но он обладал лучшей физической формой, чем большинство мужчин вдвое моложе его. Он притянул ее к себе, стараясь не придавить Альфи, и обнял изо всех сил. И поцеловал ее в щеку. Энни усмехнулась.

— Вы выглядите моложе с каждым разом, когда я вас вижу, Джон. Может, у вас есть фонтан молодости, спрятанный в крестильной купели?

— Ах, если бы. Я стал бы гораздо богаче, чем сейчас. Смиренный слуга Божий полагается на свою веру и небольшую помощь от дешевого увлажняющего крема.

Энни рассмеялась.

— Так что привело тебя сюда, или мне повезло со светским визитом?

Он поднял одну бровь, и Энни стало не по себе. За последние пару лет она втянула Джона в слишком много историй, и он ни разу не упрекнул ее за это.

— Я захотела вашего торта, если быть честной, и, конечно, мечтала обнять моего самого любимого священника в мире.

Джон не пропустил взгляд Энни, устремленный в угол церковного двора позади него, где покоились кости Бетси Бейкер, но не хотел давить на нее. Она откроется и расскажет ему о том, что ее беспокоит, в свое время.

— Ну, раз так, проходите в мой дом. У меня есть огромный бисквитный торт «Виктория», который я изо всех сил стараюсь съесть сам, но пока ничего не получается. Не говоря уже о свежем кофе. Признайся, Энни Грэм, ты пришла только ради кофе.

Она состроила гримасу, и он рассмеялся.

— Извини, ничего не могу с собой поделаться. Тебя так приятно дразнить, а здесь не так много женщин, с которыми могу быть самим собой, если ты понимаешь, о чем я. Дамы из цветочного клуба все такие же несносные, как и раньше. Становится немного неловко слушать, как они дерутся за меня, словно я кусок мяса.

— Вы просто ужасны. Иногда мне трудно поверить, что вы действительно священник. Я часто думаю, может, вы просто случайно попали в священство.

Он прижал руку к сердцу, изображая сердечный приступ, и притворился, что споткнулся.

— Почему бы тебе просто не взять мою Библию, не побить меня ею по голове и покончить с этим?

Энни рассмеялась, и его глаза загорелись. Нет ничего лучше, чем слышать, как эта прекрасная, храбрая, удивительная женщина смеется как школьница. Дело сделано. Теперь он мог перестать дурачиться.

— Только не вздумай рассказывать это епископу. Я куплю твое молчание большим куском торта с кремом и капучино.

Джон поднялся по ступенькам, и Энни последовала за ним. Альфи все еще спал и

становился тяжелее с каждой минутой. Джон открыл дверь, и она вошла внутрь. Он указал на гостиную.

— Почему бы тебе не пойти и не уложить своего молодого человека на диван, а я принесу поднос для нас? Для разнообразия мы можем вести себя цивилизованно, вместо того чтобы просиживать штаны за кухонным столом.

— Спасибо, он становится таким тяжелым, даже не представляете.

Джон исчез на кухне, а она плюхнулась на большой, мягкий диван. Сдвинув подушки, Энни устроила для Альфи лежанку и уложила его. Вошел Джон с подносом, с двумя огромными кусками торта, и она посмотрела на него.

— Я когда-нибудь говорила, как сильно вас люблю?

Он рассмеялся.

— Ах, тебя слишком легко купить, и да, думаю, ты упоминала об этом, когда я кормил тебя в последний раз.

— Хорошо, потому что такие вещи нужно знать.

Джон передал ей тарелку и позволил умять торт. Он спросил ее об Уилле и о том, как прошли похороны. Энни рассказала ему о выходках Уилла и улыбнулась, увидев, как он качает головой с ухмылкой на лице.

— Я отчасти понимаю. Он носил в себе это чувство вины с той ночи, когда все случилось. Как и ты, вы оба, на самом деле.

— Знаю. Вот почему я не могла слишком сердиться на него.

— Хорошо, я рад, что ты не сердишься. А теперь хватит светской беседы. Я заметил, как ты подглядывала в определенный угол церковного двора, когда мы разговаривали снаружи. Не приведи Господь, но скажите мне, что-то не так в коттедже?

— Извините, Джон, я не собиралась вас расстраивать, но хотела кое о чем с вами поговорить.

— Понимаю. Ты очень занята со своим маленьким принцем, но если что-то не так, я хочу знать, чтобы помочь тебе. Я слишком дорожу твоей дружбой, чтобы отвернуться, когда будет трудно, так что не переживай за меня.

Он взял ее за руку, и Энни сжала его пальцы.

— Нет ничего явно плохого, о чем я знаю. Скорее, я чувствую, что что-то не так.

— И тебе не дает покоя наша ужасная знакомая, Бетси?

Она кивнула.

— Одна мысль об этой ужасной женщине приводит меня в ужас. Альфи не может успокоиться в своей комнате. Он стал просыпаться каждую ночь в одно и то же время, и понимаю, что дети так делают — я не дура, — но там всегда холодно, даже при включенном отоплении. Я просто хотела проверить, не потревожили ли ее могилу и не случилось ли чего-нибудь необычного.

— Не случилось, не беспокойся об этом. Я даже не позволяю стричь траву возле нее газонокосилкой. Слежу, чтобы в том углу использовали косу. Поверь мне, я не хочу снова с ней столкнуться. Одного раза хватило для любого из нас.

— Ну, тогда я не знаю, что это такое. Я слышала смех мальчиков, которых она убила до того, как у меня появился Альфи. Но с тех пор, как он родился, они не появлялись. Я не думаю, что они могли бы напугать его. Они были хорошими детьми. Есть еще кое-что: мне приснился страшный сон о белом доме с синей дверью, в котором произошло что-то плохое, а на следующий вечер именно этот дом показали в местных новостях, потому что в нем

нашли тело.

— Ты очень одаренная женщина, не говоря уже о том, что очень уставшая молодая мать, у которой гормоны бьют ключом. Я не думаю, что это повод для беспокойства. Если бы это Бетси появилась в твоём доме, я думаю, ты бы знала об этом. Ей не нравилось, что ты там. Она не стала бы стоять на заднем плане и ничего не делать, это не её стиль. Что касается твоего сна, то, вероятно, твое шестое чувство сообщило о том, что Уилл вот-вот будет привлечен к делу об ещё одном убийстве. Он участвует?

Она кивнула.

— Будет, хотя он ещё ничего не сказал.

— Иногда нужно просто отключиться от всего этого, что, я думаю, тебе вполне удалось сделать после рождения Альфи. Возможно, это просто кусочки и частички, которые проскальзывают, когда ты не следишь.

— Вы правы. Простите, что побеспокоила вас, Джон. Я позволяю всему этому довлеть надо мной, когда на самом деле просто устала.

— Ты никогда меня не напрягаешь — ну, может только, в тот раз, когда вы с Джейком пришли с пластиковой коробкой с костями этой ужасной Бетси Бейкер внутри — но я простил тебя за это, правда.

Они оба рассмеялись.

— Ах да, тогда вышло не очень хорошо.

— Давай, ешь свой торт и пей кофе, пока у тебя есть пять минут покоя. Я хочу, чтобы ты рассказала мне о том, чем занималась с тех пор, как мы виделись в последний раз.

Они начали болтать, и Энни почувствовала, что с её плеч словно свалился огромный груз. Джон обязательно узнал бы, если бы эта злая женщина вернулась. Бетси Бейкер ненавидела любого из них и не желала оставлять его в покое, когда именно Джон проводил обряд погребения того, что осталось от её тела на освященной земле. Теперь же Энни страдала паранойей и слишком оберегала своего сына.

Стиви не соврал, когда сказал, что дом, который они очищали, просто гадюшник. Внутри так воняло, что даже Дин надел защитную маску, а он обычно спокойно относился к подобным вещам. У Уолли желудок был гораздо слабее, и он так сильно потел, что чувствовал свой запах через маску.

В доме скопилось много хлама — ничего по-настоящему ценного, насколько он мог судить. Они ещё не приступили к спальням, но уже почти очистили нижний этаж. Если ему везло, Уолтер иногда находил драгоценности, которые мог припрятать и сдать в ломбард. При условии, что Стиви не смотрит. Он знал, что Стиви делает то же самое, потому что как ещё он мог позволить себе аккуратный белый «БМВ», на котором ездил, когда не передвигался на рабочем фургоне?

Уолтер слышал, как Стиви бормочет себе под нос, и улыбнулся. Лучше бы этому ублюдку Джеко заплатить ему после такого. Они погрузили последние коробки с украшениями и книгами в заднюю часть фургона и прислонились к нему, чтобы передохнуть. Уолли снял маску со рта, вдыхая поток свежего воздуха. Стиви сделал то же самое и тоже принялся глубоко дышать.

— Господи, как можно так жить? Столько лет в пыли и грязи. Конечно, твоя квартира — дерьмо, Уолли, но, по крайней мере, она не настолько плоха. Ну, когда я в последний раз

в ней был, там такого не творилось.

— Спасибо, приятель, очень мило с твоей стороны. В моей не так плохо пахнет, по крайней мере, я надеюсь, что нет.

— Нет, ты прав — извини. Все не так уж плохо. Я считаю, что мы заслужили премию за эту работу, я и ты, парень Уолли. Что скажешь?

— Для начала неплохо бы просто получить зарплату. Этот придурок не платит мне уже две недели. Я уже костыми звеню. Последнюю пятерку из кармана вытащил.

Стиви покачал головой.

— Тугодум он. Не волнуйся, я скажу ему, когда мы вернемся, чтобы он заплатил тебе.

Он подошел к передней части фургона и достал две бутылки воды, бросив одну Уолли.

— Вот, выпей и потом мы сможем разобрать все наверху. Скажу тебе сразу, если мы найдем кошелек или деньги под матрасом, я никому не проболтаюсь. Это между нами, и мы их поделим. У того, кто здесь живет, не может быть никаких родных, иначе они бы сами разобрались с вещами. Ты знаешь, какими жадными бывают люди, когда кто-то умирает. Тетя Вилма, которую они не видели десять лет, была самой лучшей тетей, о которой только можно мечтать. — Он притворился, что плачет, а Уолли засмеялся.

— Будем надеяться, что тетя Вилма была тайной миллионершей.

Стиви кивнул.

— Ага. Давай, чем быстрее мы это сделаем, тем быстрее сможем убраться отсюда.

Он запер фургон и направился обратно в ветхий дом с террасой. Уолли вздохнул, опустил маску и последовал за ним. Было трудно сосредоточиться, когда он все время думал о костюме клоуна. В доме, где он его нашел, хранилось множество цирковых вещей. Женщина, которая там жила, работала в цирке, пока он не закрылся. Уолтер изучил статьи в альбоме, который она хранила на серванте, под огромной фотографией, где она висела на трапедии в центре циркового купола.

Уолли хотел бы забрать альбом и фотографию домой, чтобы оставить их себе. Они были красивыми, но он не мог припрятать их, как костюм клоуна. И купить их у него не имелось возможности, а Джеко ни за что не позволил бы ему оставить их у себя просто так. Он продавал все подряд в принадлежащем ему захудалом аукционном доме. Если Джеко не сможет заплатить наличными, можно попросить у него эти вещи в качестве частичной оплаты, подумал Уолли. Хорошо бы завести собственную небольшую коллекцию.

Глава 6

Детектив-инспектор Макс Харпер вошел в кабинет, который они делили с Уиллом, и закрыл дверь.

— Я так понимаю, суперинтендант был, как обычно, в своем репертуаре.

Уилл только кивнул.

— Ты не против вести это расследование? Я по уши погружен в дело Квигли. Конечно, я буду следить за ходом расследования, но у тебя гораздо больше опыта в подобных делах, чем у меня. Да и к тому же завтра я улетаю в отпуск в солнечную Испанию.

— Да, куда деваться. К сожалению, опыт у меня, действительно есть.

— Почему бы тебе не стать инспектором, Уилл? Ты мог бы руководить отделом уголовного розыска с закрытыми глазами.

— Я не переносу всю эту трудовую политику и чушь, которая к ней прилагается. Вы знаете не хуже меня, даже если я пройду аттестацию, меня, скорее всего, отправят в штаб. На пару лет минимум, а мне это не интересно. Я вполне счастлив быть сержантом. Так хоть

руки не запачкаю.

Макс почти бросился в кресло и закинул ноги на стол.

— Насчет болванов в руководстве это, конечно, верно. Но они не посмеют отправить тебя в штаб. Ты — абсолютный актив для этой дыры. Они поступят глупо, если заберут тебя из уголовного розыска.

— Спасибо, босс, это очень мило с вашей стороны. Однако, то, что они должны делать, и то, что на самом деле делают — две разные вещи. Вы же знаете, как здесь все устроено. Все через задницу. В любом случае вас прислали, чтобы сделать мне выговор?

— Ха-ха, за разговор с Супером в подобном тоне? Нет, и если бы они меня попросили, я бы им отказал. И так, что ты собираешься делать теперь?

— Ну, я собираюсь в больницу, чтобы увидеть уважаемого доктора Мэтта и присутствовать на вскрытии Полины Кук. Нет ничего лучше, чем смотреть, как кого-то режут на кусочки и кубики, чтобы настроиться на день.

Но Уилл не стал добавлять к своему заявлению информацию о том, что у него жуткое похмелье. Есть вещи, в которых вы никогда не признаетесь начальству — как бы оно вам ни нравилось.

— Адель кажется толковой. Собираешься взять ее с собой? Полагаю, мы могли бы бросить ее в бой и использовать ее опыт.

Уилл кивнул, думая о том, как она будет рада, что ее приняли в команду на таком высоком уровне в первый же день. Не получится вводить ее в курс дела постепенно, особенно с учетом того, что двое его констеблей находятся на больничном, а еще один — в ежегодном отпуске. Их штат весьма ограничен. В дверь постучали. Уилл крикнул:

— Войдите.

И Адель открыла дверь.

— Я проверила все магазины в ближайшем районе и позвонила в каждый из них, чтобы запросить записи с камер видеонаблюдения. Не стала просить их об этом. Просто предупредила, что заеду забрать их через пару часов. Я считаю, что лучше сразу сказать людям, чего вы хотите. Если просить, они всегда могут отказать.

Она подмигнула Уиллу, который засмеялся.

— И правда, мне нравится твой подход. Ты не против отправиться в морг на вскрытие?

— Конечно, без проблем.

Уилл поразился тому, что Адель ни разу не показала, о чем на самом деле думает. Он на ее месте уже бы ругался себе под нос. Он встал.

— Поехали тогда, побыстрее покончим с этим. Я уже поговорил с Мэттом. Он готов начать, как только мы приедем.

Адель улыбнулась и направилась вслед за ним из офиса. Брэд, один из молодых детективов, закатил глаза перед Шоной, которая смотрела на него, и прошептал:

— У босса новая фаворитка. Ему не потребовалось много времени, чтобы найти замену Стью.

Уилл уловил конец фразы и повернулся к нему.

— Не болтай ерунды, Брэд. Тебе что, нечем заняться?

Брэд — чье лицо стало краснее, чем красные лакированные туфли Шоны — кивнул.

— Да, босс. Извините босс.

— Я беру с собой Адель только потому, что у нее гораздо больше опыта по части вскрытий. Она не потеряет сознание, в отличие от тебя, Брэд. Ты же падаешь как мешок с

дерьмом, стоит только доктору взять в руки скальпель. Сегодня у меня нет времени обмахивать твое лицо, ожидая, пока ты придешь в себя. Нужно раскрыть убийство.

Брэд отвернулся, и Шоне пришлось подавить хихиканье. Уилл покачал головой и направился к винтовой лестнице. Адель явно не хотела никого злить в свой первый день. Она улыбнулась Брэду и прошептала:

— Я упала в обморок на своем первом вскрытии, и, честное слово, ты больше так не сделаешь. В следующий раз все будет хорошо.

Затем она поспешила за Уиллом.

Брэд посмотрел на Шону, которая все еще смеялась.

— Ой, да ладно, Брэд, он прав. Ты стал блее призрака Каспера и долго не приходил в себя. Я думала, мне придется наклеить на тебя бирку и заполнить форму 38.

— Отвали, и я не думал, что он меня услышит, ясно? У него просто сверхслух какой-то.

Шона кивнула.

— Да, но он хороший босс, так что не стоит его злить. Он никогда не стонет, если тебе нужно закончить пораньше или поменяться сменами, так что запомни это. И потом ты на самом деле хочешь идти смотреть вскрытие в такое время утром?

— Полагаю, нет.

— Вот, и я тоже, так что в следующий раз держи рот на замке. Кроме того, Адель работает детективом почти столько же, сколько и Уилл, так почему бы ему не воспользоваться ее опытом?

— Ладно, блин, Шона. Любой бы подумал, что ты равнодушна к нашему сержанту — так заступаться за него.

Настала ее очередь краснеть.

— Нет, но он хороший босс, Брэд. Он один из хороших парней, а их осталось не так много.

Брэд пожал плечами.

— Да, ясно, он тебе нравится. Он всем нравится. Наверняка это сводит с ума его жену, и я так понимаю, у него выдалось дерьмовый период. Он ведь чуть не умер в прошлом году? Забудь, что я говорил.

Когда вдаль показалась больница, желудок Уилла заурчал, а рот наполнился кислотой. Ему нужно что-нибудь съесть. Жирная булочка с колбасой, политая томатным соусом, подошла бы как нельзя лучше. Единственное, если он не переварит ее до того, как попадет в морг, то пожалеет о том, что поел.

— Так ты думаешь, что тот, кто это сделал, знал жертву? Я имею в виду, это довольно жестокое преступление, и обычно такое насилие творит тот, кого жертвы хорошо знают. Известно ли о наличии у нее отношений или о том, что они недавно закончились?

Уилл покачал головой.

— Если быть откровенным до конца, то я ни черта не знаю. Я раздумывал над тем, что не обнаружено следов взлома. Похоже, что Полина могла знать своего убийцу — если только она регулярно не впускала в свой дом незнакомцев.

— Что мы вообще знаем о Полине?

— На данный момент немного. Я надеюсь, что после вскрытия мы сможем получить больше информации по ее домашнему адресу. Соседка очень любезно предложила провести опознание. Я хочу побеседовать с ней, как только мы закончим здесь. Она не думает, что у Полины много родственников — говорит, что она жила одна.

— А теперь она мертвая и голая на холодной плите, и ее собираются разделять на глазах у нескольких совершенно незнакомых людей.

Адель дрожала. От одной мысли о морге ей становилось плохо. Стыд от того, что придется терпеть вскрытие в комнате, полной незнакомых людей, не из самых приятных. Несколько дней это будет сниться ей в кошмарах, но она ничего не сказала Уиллу. Не хотела, чтобы он думал, что она не может справиться с этим, потому что могла. Просто мысль о том, как все это крайне печально, не давала Адель покоя.

Чем старше она становилась, тем больше задумывалась о собственной смертности. Иногда она мечтала вообще никогда не становиться полицейским, но потом чувство гордости, которое Адель испытывала, раскрывая самые ужасные преступления и убирая с улиц жестоких преступников, делало все это стоящим. Все стало гораздо хуже, когда у нее появились собственные дети. Когда они были маленькими, она слишком опекала их и с трудом позволяла обрести самостоятельность.

Некоторые из друзей ее дочери играли на улице и ходили в магазин на углу одни с шести лет. Адель часто задавалась вопросом, о чем, черт возьми, думали их родители. Но им не приходилось иметь дело с пропавшими детьми, которых похищали из их собственных садов и возвращали в мешках для трупов. Слава богу, что был Стив. Он работал по обычному графику с девяти до пяти и присматривал за детьми, когда она наконец согласилась, что они могут выходить на улицу и обрести самостоятельность.

Уилл выключил двигатель, и она вынырнула из своих отстраненных мыслей — пора сосредоточиться на настоящем, а не на прошлом. Пришло время сделать то, что положено для Полины Кук, и найти ублюдка, который так с ней поступил. Отличный вариант провести первый день в новом участке. Адель надеялась на пару простых дел, ничего сложного, чтобы потихоньку втянуться в работу.

Они вышли из машины, которую Уилл втиснул в самую маленькую щель, какую она когда-либо видела, рядом с портативным аппаратом МРТ на больничной парковке.

— Черт возьми, времена настали тяжелые, если приходится делать МРТ на парковке.

Уилл рассмеялся и направился внутрь через маленькую дверь, которая вела в никуда. В маленьком вестибюле стояло только одно прохудившееся кресло и находился лифт.

— Что это за место?

— Понятия не имею, но если ты не против пройтись по нижнему этажу больницы и выглядеть так, будто знаешь, что делаешь, никто не обратит на тебя внимания. Ты видела, как заполнена парковка? Повезет, если удастся найти место на ней с утра, но в это время суток шансов точно нет.

Он нажал на серебристую кнопку вызова лифта. От гула и грохота тяжелых механизмов, когда лифт начал спускаться, у Адель чуть глаза не выскочили на лоб.

— Эм, я не очень люблю лифты, а этот звучит не слишком безопасно. Неужели нет другого способа попасть в больницу?

Уилл покачал головой.

— Не переживай, я постоянно им пользуюсь.

Двойные двери открылись, и он шагнул внутрь. Адель колебалась, размышляя, стоит ли ей просто пойти и найти другой способ войти, когда двери начали закрываться, и Уилл приподнял бровь.

— Тебе понадобится целая вечность, чтобы дойти до главного входа.

Адель покачала головой и шагнула внутрь, спрятав руки за спину, чтобы он не видел, как она скрестила пальцы. Лифт покачнулся, издал визжащий звук, а затем начал двигаться вверх. Уилл рассмеялся. Не успели они начать движение, как лифт снова остановился, и двери с грохотом распахнулись.

— Видишь, что я тебе говорил?

Уилл провел Адель через двойные двери по небольшому коридору, где находились различные комнаты, заполненные аппаратами и медсестрами. В самом конце располагался зал ожидания, полный людей. Он толкнул следующую двойную дверь, и в ноздри ударил запах жареного бекона и поджаренного хлеба. Уилл застонал.

— Ты не против, если мы заскочим в столовую? У меня похмелье, и я отчаянно нуждаюсь в жирной еде.

— Нет, конечно.

— Отлично.

Уилл старался не думать о тех временах, когда они со Стью приходили в больничную столовую, чтобы позавтракать. Все еще было слишком тяжело. В столовой толпился персонал госпиталя и посетители, а вдоль задней стены длинным рядом сидели офицеры службы реагирования, поглощая завтрак с тарелок. Уилл поднял руку, и его приветствовал хор «Доброе утро, сержант». Остальные обедающие повернулись посмотреть, и Уилл почувствовал, что его щеки начинают краснеть.

Адель хихикнула.

— Похоже, тебя поймали с поличным.

— Да, вот эти люди, которые должны защищать простых граждан.

— Мы все должны есть.

Настала ее очередь вскинуть на него бровь, и Уилл усмехнулся. Он заказал сосиску, бекон, жареное яйцо и булочку с грибами. Достав из холодильника бутылку оранжевого «Глюкозада», Уилл спросил, что она желает.

— Черный кофе.

— Они делают латте. Не хочешь ничего съесть?

Адель не хотела подвергать свой желудок испытанию, съев жирную булочку с жареными вкусоностями за несколько минут до посещения вскрытия. Она покачала головой.

— Я уже поела, спасибо.

Уилл заплатил и отнес поднос к столику в противоположном конце столовой, подальше от шумной компании полицейских, которые над чем-то громко смеялись.

— Я, наверное, пожалею об этом через двадцать минут, но все, о чем могу думать, это еда.

Адель засмеялась.

— Ну, лучше ты, чем я. Мой желудок твердый, но не настолько.

Лето 1950 года

Горди всякий раз тратил не меньше часа на подготовку к выступлению. Он не любил торопиться в самой важной и лучшей части процесса. Он мог долго разглядывать свое белое лицо в зеркале. Ему нравилось следить за тем, чтобы каждый сантиметр его кожи покрывала густая белая жирная краска. Его короткие черные волосы прятались под чулком телесного цвета. Горди начал подкрашивать глаза густой черной краской. Должно получиться то, что нужно. В противном случае он даже не решился бы выйти на публику.

Он услышал позади себя сухой, надсадный кашель и остановился. Последние три дня Колин очень много работал, но сегодня он начал сильно кашлять. Его кожа приобрела почти тот же цвет, что и лицо Горди. А на его лбу весь день блестела тонкая пленка пота, несмотря на то, что температура воздуха сегодня намного ниже, чем вчера.

Горди надеялся, что парень не подхватил что-нибудь заразное. Меньше всего ему хотелось, чтобы он слег и выбыл из строя из-за какой-нибудь болезни. Он предполагал, что если Колин будет плохо себя чувствовать, то не станет сопротивляться, когда придет время, но Горди, если честно, не хотел причинять ему боль сейчас. Колин можно сказать приглянулся ему — чего Горди никак не ожидал. Он был трудолюбивым парнем, и, судя по его рассказам, с этой сукой-матерью его ждала не самая лучшая жизнь.

Горди подумал, что это его шанс сделать что-то хорошее, чтобы загладить вину за плохое. К тому же, лежа в постели прошлой ночью, он подумал о том, чтобы использовать Колина для осуществления своих планов. От Колина так и веяло ребячеством. Казалось, дети стекаются к нему больше, чем к Горди, даже когда он облачается в клоунский костюм. Как будто маленькие ублюдки могли понять, что он хочет с ними сделать — а может, и могли.

Он слышал, что дети отличаются пронизательностью. Может быть, они чувствовали, что он хочет отвести их в поля на краю леса и сделать так больно, что они истекут кровью. Желание убивать становилось все сильнее. Горди не думал, что сможет долго сдерживаться. Он никогда не планировал убивать своих родителей, но теперь, когда это случилось, стало трудно игнорировать огонь, пылающий внутри него.

— Как ты себя чувствуешь Колин? Выглядишь паршиво.

— Мне нехорошо, Горди. Горло режет, будто я проглотил стекло, и голова очень болит.

— Твоя мама придет сегодня на шоу? Ты отдал ей те бесплатные билеты, которые я вручил тебе вчера?

Колин отрицательно покачал головой.

— Она продала их мужчине в пабе. Я видел, как она выходила оттуда вчера вечером. Пьяная, с деньгами в руках. Цирк ее совершенно не волнует.

Горди почувствовал, как его пальцы сжались в крепкие кулаки. Он стиснул их так сильно, что сломал черный карандаш, который держал в руке. Мать Колина определенно не заботилась ни о ком, кроме себя. Горди подумал, не стоит ли ему нанести ей визит. Может быть, с ней он удовлетворит свое желание. Он утвердительно кивнул. Отличная идея. Он может дать Колину несколько сильных таблеток, которые доктор выписал ему в прошлом месяце. Тогда Горди поранился, упав с миниатюрного автомобиля, на котором клоуны катались по рингу. Таблетки вырубят парня на несколько часов, и Горди сможет пойти в дом Колина и поговорить с его матерью. Попробует убедить ее позволить Колину присоединиться к цирку — а если она не согласится?

Огромная улыбка расплылась по его лицу. План просто идеальный. По ней никто не будет скучать, если она такая мерзкая, как говорил Колин. Он окажет мальчику огромную

услугу. Горди полез в сумку под койкой, в которой хранил свои таблетки. Вытряхнув три штуки, он налил стакан воды и протянул их Колину.

— Вот — если ты примешь эти таблетки, горло перестанет гореть, и ты сможешь немного поспать перед началом шоу. Если придет твоя мама, я приду тебя разбудить. Что скажешь?

Колин кивнул.

— От них мне станет легче?

— Да.

Мальчик с телом мужчины протянул руку и взял таблетки у Горди. Он неуклюже запихнул их в рот, затем сделал огромный глоток воды из стакана, который Горди передал ему. Колин вздрогнул. Вода брызнула ему на подбородок, и он начал задыхаться. Горди хлопнул ладонью по спине Колина, думая, не убил ли он его ненароком. Вот уж повезет так, повезет: случайно убить парня, когда он в первую очередь хотел снять с него шкуру, как с кролика. Колин наконец перестал кашлять и вытер рукавом слезящиеся глаза.

— Ты нормально?

Он согласно закивал.

— Хорошо. Ты ложись, и если я увижу твою мать, то приведу ее к тебе. Согласен?

Колин не понимал, что Горди не узнает, как выглядит его мать, даже если столкнется с ней. Мальчишка не был достаточно смышленным. Но это не имело значения. Колин рассказал Горди, где он живет, в первый же день их знакомства, и это место находилось всего в пяти минутах ходьбы от цирка. Он мог бы пойти в полном клоунском облачении, а если бы взял с собой несколько листовок, чтобы раздавать их прохожим, это послужило бы достаточным прикрытием.

Горди утешительно похлопал Колина по плечу, и тот лег, закрыв глаза. Взяв одеяло, Горди накрыл им Колина, а затем вернулся к своему шедевру. Нарисовав огромную красную ухмылку во весь рот, преувеличив углы, Горди остался доволен. Теперь он выглядел как его истинная сущность: Тафти. Он взял парик с подставки и натянул его на голову. Горди чувствовал себя непобедимым. Клоун Тафти ни от кого не терпел дерьма.

Он улыбнулся своему отражению, затем повертелся, убеждаясь, что все идеально. Горди удовлетворенно хлопнул в ладоши. Встав, он снял с вешалки свой драгоценный шелковый костюм и шагнул в него, натягивая поверх футболки и трико. Вошел Шорти, взглянул на него и рассмеялся.

— Господи, Тафти, если ты не самый страшный клоун во всем этом жалком цирке, то я не знаю, кто еще.

Тафти коротко рассмеялся.

— Могу считать это комплиментом?

— Воспринимай как хочешь, черт побери. Я бы не хотел встретить тебя в темной подворотне. А, что с парнем? Ты его до смерти уработал?

Он пожал плечами.

— У него жар. Должна прийти его мать. Она может забрать его домой. Я не хочу, чтобы он торчал здесь, если болен.

Шорти кивнул.

— Очень верно. У нас нет времени болеть. Неважно, насколько дерьмово мы себя чувствуем, шоу должно продолжаться, даже если мы умираем внутри.

Он ушел, а Тафти бросил последний взгляд на себя в зеркало. Он решил, что выглядит

довольно страшно. Но, с другой стороны, как должен выглядеть клоун? Все они были фриками, если подумать. Взрослые мужчины вышагивали по сцене, пытаясь вызвать смех, носили смешную одежду и больше грима, чем любая женщина в зале.

Когда Тафти неуклюже вошел на середину арены, он кивал и хлопал в ладоши зрителям, поворачиваясь во все стороны и заставляя их хлопать в ответ. Ему пришлось по душе такое большое количество зрителей на их последнее здесь шоу. Следующие полтора часа прошли как в тумане. Атмосфера в шатре была полна очарования, удивления и смеха. Он знал свою программу наизусть. Тафти не приходилось думать, и это хорошо, учитывая, что у него на уме куда более насущные мысли.

Он гадал, как выглядит мать Колина, симпатичная ли она или старая пьяная корова, чей облик затерялся на дне пивной бочки. Его возмущало, что она продала билеты на сегодняшнее шоу. Она могла бы увидеть, как усердно работал Колин, и, возможно, оценить, какой потенциал может быть у ее сына, если дать ему правильные возможности.

Ведро муки накрыло его лицо, и на секунду Тафти задумался, где находится, но звук смеха тысяч людей вывел его из задумчивости. Он бросился за Шорти, тряся кулаком, и почти догнал, гоняясь за ним по кругу, к вящему удовольствию зрителей. Свет померк, клоуны отошли к задней части арены и занавесам, а в это время началось следующее представление.

В считанные минуты возвели огромную клетку. Свет на мгновение погас, и воздух наполнился хором криков. Затем свет снова зажегся, и внутри клетки оказались три огромных льва. Рядом с ними сидел звездный герой шоу — укротитель львов. Хотя Тафти не нравился этот человек из-за того, как танцовщицы стелились перед ним, он испытывал к нему нескрываемое уважение. Не многие люди могли бы каждый день находиться в клетке с тремя огромными львами-людоедами.

Это его шанс исчезнуть, и Тафти начал скакать, прыгать и спотыкаться по направлению к выходу, через который артисты входили и выходили из шатра. Остальные клоуны стояли у арены, курили и наблюдали за укротителем львов. Он знал, что каждый из них ждет того дня, когда это произойдет на самом деле, и львы повернутся и съедят этого самодовольного, заносчивого ублюдка.

Схватив горсть листовок из опустевшей билетной кассы, Тафти отправился пешком к ветхому дому Колина. Тот находился буквально в трех улицах от парковой зоны, где расположился цирк. Тафти шел по грубо вымощенным тротуарам, зажав листовки в одной руке, готовый отдать их первому встречному — только улицы пустовали, и он не встретил ни одной живой души.

Цирковой шатер вмещал более двух тысяч человек, так что большинство местных жителей, должно быть, собрались там, потому что он сомневался, что на улицах обычно так тихо. Когда Тафти свернул в темный переулок, то с удовлетворением отметил, что в передней спальне наверху горит единственный свет. Он ускорил шаг, не желая быть замеченным. Тафти держался ближе к стене на противоположной стороне улицы, над которой возвышались большие дубы из расположенного за ней парка.

Перейдя дорогу, он попробовал ручку входной двери, гадая, не оставила ли мать Колина ее открытой для сына. Ручка не сдвинулась с места. Сбоку дома имелась небольшая деревянная дверь, которая вела в узкий переулок между соседними домами. Он толкнул ее, и она открылась. В маленьком проходе оказалось абсолютно темно, но не прошло и тридцати секунд, как Тафти снова оказался на свежем воздухе, с калитками в маленькие задние сады

по обе стороны от него.

Тот, что находился слева, выглядел безупречно. Он вдохнул аромат свежескошенной травы. Тафти стало интересно, что эти соседи думают о Колине и его пьяной матери. У дома, в который Колин зашел вчера, калитка прогнила и висела на петлях. В соседнем доме царилла полная темнота, и Тафти готов поспорить, что милая семья, живущая там, в этот самый момент наблюдает за укротителем львов, разинув рты от страха и удивления.

Он шагнул в заброшенное, неухоженное, заросшее сорняками пространство и попробовал дверную ручку. Она опустилась до конца, и дверь открылась. Ухмыляясь, он проскользнул внутрь и закрыл дверь за собой. В ноздри ударил запах сала и жареной рыбы, заставив его вздрогнуть. Поняв, что у него нет с собой орудия убийства, Тафти положил стопку листовок на кухонный стол и стал осматривать тесную комнату.

На доске для сушки стояло больше грязных кастрюль, сковородок и тарелок, чем, вероятно, в шкафах. Из раковины торчал огромный мясницкий нож. На его лезвии виднелось какое-то темное, липкое вещество, и он поднес его к носу, чтобы понюхать. Клубничный джем. Готов поспорить, Колин использовал его последним, чтобы сделать себе на завтрак бутерброд с джемом. Взяв со стола выцветшую желтую газету, Тафти вытер лезвие. Громкий стук и шум голосов из комнаты прямо над ним заставили его прижаться к стене и затаить дыхание.

Шаги загрохотали по ветхой лестнице, и он услышал женский голос, кричавший:

— Давай, убирайся отсюда. Беги к своей жене и узнай, разрешит ли она тебе бесплатно засунуть свой член туда, куда ты только что его совал.

Хлопнула входная дверь, и Тафти стал ждать, не спустится ли вниз грубая, ужасная женщина. Он услышал скрип матраса, когда она ворочалась на нем, но шагов не было. Сняв свои огромные красные клоунские туфли, он оставил их на кухне и стал пробираться наверх. Его сердце колотилось от волнения и страха. Правильно ли это — чувствовать себя таким растерянным, подумал Тафти. Он добрался до верхней ступеньки и ступил на потёртый ковёр лестничной площадки. Доска пола громко скрипнула.

— Кто здесь? Это ты Колин? Решил вернуться домой?

Тафти не ответил. Она сразу поймет, что это голос не ее сына. Он двинулся в сторону спальни, где горел свет, а дверь оставалась приоткрытой. По крайней мере, она не могла видеть его приближения.

— Колин, лучше бы это был ты. Хватит валять дурака.

Теперь ее голос звучал не так резко и самоуверенно. Тафти почувствовал легкую дрожь. Еще два шага, и он окажется в комнате. Он услышал, как скрипнули пружины кровати, когда она села.

— Если ты, черт возьми, вернулся за сексом, Эндрю Слоан, то можешь проваливать. Иди домой к своей жене.

Ее голос стал тише. Тафти глубоко вздохнул и кончиком ножа толкнул дверь. Выражение ужаса на ее лице при виде его, стоящего там во всей красе с огромной красной ухмылкой на выкрашенном в белый цвет лице и с ножом в руках, он будет ценить до самой смерти.

— Что ты хочешь? Кто разрешил тебе заходить в дом и где Колин?

Она подтянула колени к подбородку, и обхватила их хрупкими, бледными руками.

— Кто ты, черт возьми, такой? Ты тот чудак, который предлагает моему Колину сбежать с ним? Что ж, у меня для тебя новости: пока не заплатишь ему и мне, Колин никуда

не уйдет.

Тафти ухмыльнулся и шагнул в комнату. Он не говорил. Вместо этого наклонил голову и сложил руки на груди, подражая ей. В этот момент она увидела блеск лезвия в свете от голой лампочки и с паникой в глазах попыталась встать с кровати. Оглядела комнату в поисках чего-нибудь, чем можно защититься. Когда она заметила за креслом старую битую для крикета, которую, вероятно, хранила для случайных мужчин, приводимых ею домой, он тоже ее увидел.

Она попыталась перебраться через кровать, чтобы достать битую, но Тафти бросился на нее. Схватив ее за дряблые ноги, он дернул так сильно, что она упала на матрас. Он забрался на нее сверху, прижав к голому матрасу, от которого воняло потом, сигаретным дымом и сексом. Тафти продолжал улыбаться, хотя она изо всех сил пыталась ударить и оттолкнуть его. Он поднял нож и вонзил с такой силой, что пробил ей глазное яблоко и убил мгновенно.

Ее тело дернулось, но он не закончил. Теперь, когда сердце не перекачивало кровь по телу, она не создавала никаких проблем. Тафти стал наносить удар за ударом, пока ее тело не утратило первоначальный вид. Его руки пропитались ее кровью, и он поднялся с кровати. Его любимый костюм клоуна покрылся ярко-красными пятнами. Тафти посмотрел в зеркало и улыбнулся.

Оставив ее тело с ножом, торчащим из глазницы, он пошел по узкому коридору, пока не нашел маленькую ванную, где вымыл руки под холодной водой. У него оставалось мало времени. Нужно успеть вернуться в цирк до окончания представления, когда из ворот парка хлынет толпа, и вся площадь будет наводнена мужчинами, женщинами и детьми.

Тафти вытер руки о потрепанное полотенце и бросил его на пол. Войдя в соседнюю комнату, которая принадлежала Колину, он покачал головой. Обстановка была, мягко говоря, скудной. На полу валялась пара игрушечных машинок, а на кровати лежал одноглазый, потрепанный старый медведь. Стянув потрепанный чемодан с верхней полки шкафа, Тафти открыл ящики и запихнул в него многочисленную одежду. В шкафу висела пара заплатанных джемперов, брюки и зимнее пальто. Он засунул их в чемодан, бросил поверх медведя и закрыл чемодан.

Не оглядываясь, он сбежал вниз по лестнице и вернулся на кухню, где сунул ноги в смехотворно большие клоунские ботинки. Выйдя через заднюю дверь, Тафти добрался до прохода. Вспомнив о листовках, понял, что ему придется вернуться в дом, чтобы их забрать. «Глупый Горди, с тем же успехом ты мог оставить след из хлебных крошек, по которому полиция могла бы добраться до цирка».

Улица по-прежнему оставалась пустынной, и он пустился трусцой обратно к маленькому входу, через который вышел, надеясь, что его никто не увидит. Обычно он неплохо бегал. Ему приходилось, чтобы не отставать от клоунов, но чемодан, хоть и не полный, обременял его. Тонкая пленка пота под жирной краской вызывала неприятное ощущение, что его голова вот-вот взорвется.

Горди удалось вернуться в цирк как раз в тот момент, когда он услышал финальный бис. Сейчас он должен быть там вместе с остальными, принимая свой последний поклон.

Он не собирался возвращаться на арену, но это, которое становилось слишком большим, вынудило его. Свет горел ярко, зрители стояли и хлопали в такт музыке. Он бросил чемодан под ближайший фургон и начал крутиться в центре арены. Ему нравились аплодисменты. Если кто-то интересовался, что у него на костюме, Горди отмахивался и делал вид, что понятия не имеет, о чем речь. Он остановился рядом с Шорти и размахивал руками,

ухмыляясь от уха до уха.

Свет наконец-то погас, и Горди вышел из палатки и направился прямо к своему трейлеру. Открыв дверь, он услышал легкий храп, доносящийся с маленькой кровати, где он оставил Колина. Горди стянул с себя парик, затем снял костюм. Подняв его, чтобы осмотреть повреждения, покачал головой и выругался. Подойдя к маленькой раковине, он вставил в нее пробку. Затем, достав из шкафа коробку с мыльными хлопьями, вытряхнул их в холодную воду. Погрузив костюм в раствор, он оставил его отмокать.

Горди начал оттирать свой клоунский грим. Он не думал, что кто-то видел его на улице Колина, но лучше убедиться в этом. Когда он стал больше похож на старого доброго Горди Маршалла, то оделся и пошел за чемоданом Колина. Звуки смеха и разговоры из разных фургонов и трейлеров наполняли воздух.

Так всегда было в последний вечер после успешного представления. Рабочие цирка уже разбирали огромный шатер и работали до поздней ночи. Все животные сидели в клетках и ели свою долгожданную еду.

Горди подошел к неприметному фургону и вытащил из-под него чемодан. Затем повернулся и, насвистывая, пошел обратно к себе. У него возникло искушение положить чемодан и пойти выпить пива с остальными клоунами, но он не смог бы сосредоточиться на их разговоре. Если вдруг придут искать, он может сказать, что у него то же самое, что и у Колина. Это заставит полицию оставить его в покое, и он сможет сидеть и наслаждаться содеянным.

Глава 7

Энни пристегнула Альфи в его автокресле. Закрыв дверь, она повернулась, чтобы обнять Джона, который ждал, широко раскинув руки. Есть что-то очень успокаивающее в том, когда тебя обнимает священник. Они отстранились друг от друга, и она улыбнулась ему.

— Вы официально лучший специалист по объятиям из всех, кого я знаю.

— Спасибо. Я приму это как большой комплимент, особенно учитывая размер рук молодого Джейка, не говоря уже о твоём бравом муже.

Энни хихикнула.

— Не поймите меня неправильно, они оба очень хороши в этом, но есть что-то особенное в объятиях от вас.

Джон взъерошил ее волосы.

— Энни, мне нравится думать, когда я лежу в своей одинокой постели и размышляю о том, что если бы у меня были дети, то могла бы быть такая дочь, как ты. Иногда я задаюсь вопросом, не потратил ли свою жизнь впустую.

Его бледно-голубые глаза наполнились слезами, и Энни почувствовала волнение в груди. Ее сердце сжалось при виде того, как он расстроен.

— Вы в порядке, Джон?

Он кивнул.

— Я весь последний час болтала о себе, а о вас мы почти не говорили. Вы уверены, что все в порядке? Вы ведь не больны?

— Все нормально — просто я сентиментальный, жалкий старик. Знаешь, все время думаю о том, какой сложилась бы моя жизнь, если бы я отказался от Бога много лет назад.

Энни взяла его за руку.

— Позвольте мне сказать, Джон, что из вас получился бы замечательный отец, в этом нет никаких сомнений. Но и священник из вас вышел отличный. Посмотрите, скольким

людям вы помогли за эти годы. Вы спасли меня, когда я нуждалась в помощи. В мире не так много мужчин, таких самоотверженных и сильных, как вы.

Он улыбнулся и сжал ее руки.

— А ты спасла меня, Энни, так что мы квиты. Ну, до следующего раза, когда ты появишься с костями какой-нибудь сумасшедшей старой ведьмы, засунутыми в пластиковую коробку. — Он подмигнул ей.

Энни покраснела.

— Честно скажу, я надеюсь Бог этого больше не допустит. Иногда я все еще просыпаюсь в холодном поту от мысли, что она там, скребет своими длинными ногтями по окнам. — Энни вздрогнула.

Джон отпустил ее руку и отступил назад.

— Мы оба. Теперь иди и не трать мое время. Я занятой человек, ты знаешь. Скоро нужно будет пойти и поговорить со старыми девами из бридж-клуба в церковном зале, которые все, наверное, моложе меня.

Энни наклонилась, поцеловала его в щеку, затем подошла к машине со стороны водителя и забралась внутрь. Джон махнул рукой, и она повернула ключ в замке зажигания. Пора возвращаться домой. Энни посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы бросить последний взгляд, и ей показалось, что она увидела высокую темную тень за отцом Джоном. Повернувшись, чтобы посмотреть на него, она с облегчением вздохнула не заметив ничего.

Она устала. Ее просто подвели глаза. Подняв руку, Энни помахала, а затем отправилась в путь. Она надеялась, что вокруг Джона не витает какая-то темная сущность, истощая его энергию и заставляя чувствовать таким подавленным. Она всегда видела его только веселым, теплым и счастливым, за исключением тех двух случаев, когда они боролись за свое спасение.

Альфи ворковал на заднем сиденье машины, и Энни улыбнулась про себя. Она не возражала, если бы Софи или Элис пришли поиграть с ее малышом, но ей не хотелось других призрачных гостей.

Когда она ехала через оживленный Боунесс, то проехала мимо Джейка, регулировавшего движение возле пирса, где произошло, похоже, небольшое дорожно-транспортное происшествие.

Энни посигналила, и он повернулся. На его лице застыла маска гнева, пока он не понял, что это она, а потом усмехнулся. Она послала ему поцелуй, он помахал рукой, и Энни поехала дальше. Боже, как бы ей иногда не нравилось быть офицером полиции, она все же любила эту работу. Ну точнее, она любила работать с Джейком. Они так весело проводили время между погонями за серийными убийцами и поиском трупов.

Энни все еще не знала, что ей делать. Понимала, что Уилл не хотел бы, чтобы она работала на улицах, как раньше. Но Энни прекрасно осознавала, что не выживет, если застрянет в одном из участков на офисной работе. Она могла бы поступить на курсы детективов, но что, если окажется в том же офисе, что и Уилл? Энни любила мужа больше всего на свете, но работа с ним может оказаться совсем не такой как брак. Неизвестно, сможет ли она подчиняться его приказам, а если нет, то это доставит немало хлопот.

Он никогда не позволил бы ей заниматься чем-то более опасным, чем скучные расспросы, а она сойдет с ума, если не сможет выбраться из дома и заняться делом.

Энни миновала заколоченный магазин возле пирса и подумала, не сделать ли из него что-нибудь: книжный магазин, кафе, антикварную лавку? Может быть, комбинацию всех

трех. Тогда она будет видеть Джейка каждый раз, когда он работает, потому что ее друг не сможет пройти мимо, если внутри будут предлагать кофе и пирожные.

Она должна себя занять. Нянь для Альфи у нее хватало. Мачеха Уилла, Лили, предлагала свои услуги бесчисленное количество раз, как и Тилли, племянница Энни. Пару дней назад Тилли плакалась ей по телефону, рассказывая о том, какая у нее дерьмовая и скучная жизнь. Хотя Энни не знала, можно ли считать работу няней Альфи увлекательной, но Тилли могла бы работать в магазине и, возможно, жить с ней и Уиллом. Они могли бы по очереди открывать магазин и присматривать за Альфи.

Чем больше Энни думала об этом, тем лучше казалась идея. Уилл будет счастлив, что она не работает по ночам и не подвергает себя опасности. Она решила навестить Лили и Тома — отца Уилла — и узнать, что Лили скажет об этой затее.

Перед Энни промелькнул образ белого дома с ярко-синей дверью, когда она свернула к их красивому особняку на берегу озера Уиндермир. Она моргнула, тряхнув головой. Это последнее, о чем ей хотелось думать, особенно когда Альфи рядом с ней. Энни испытывала странный иррациональный страх, что он поймет, что она видит.

Несколько раз, когда она наблюдала, как Уилл вышагивает с ним взад и вперед, сын смотрел через плечо Уилла и улыбался непонятно кому. Что, если Альфи унаследовал ее экстрасенсорный дар? Энни не знала, что обладает им, до тех пор, пока не пережила несколько дней после того, как Майк чуть не убил ее. Боже, казалось, что это случилось так давно. С тех пор произошло так много событий, большинство из которых можно назвать удивительными, но некоторые — ужасными.

Она свернула на дорогу и уже собиралась выйти из машины, чтобы ввести код на клавиатуре автоматических ворот, когда они начали открываться сами собой. Хорошо, значит, кто-то есть дома. С тех пор как Уилла похитила сводная сестра, о существовании которой никто из них даже не подозревал, Том усилил охрану дома. У него стояли те же камеры видеонаблюдения, которые Уилл установил в их доме, и очень дорогая сигнализация. В случае срабатывания сигнал сразу же поступал на пульт полиции. За последние несколько лет их жизнь круто изменилась.

Не успела она припарковать машину, как Лили уже бежала к ней по бетонным ступеням. Том опирался на свою деревянную трость и махал рукой с верхней ступеньки. Энни помахала в ответ, чувствуя прилив любви к этой доброй, любящей, всепрощающей, старшей версии своего мужа. Они были так похожи. Она знала, когда Уиллу стукнет столько же лет, он по-прежнему будет привлекателен для нее.

Бедный Уилл. Энни понятия не имела, как будет выглядеть сама, но он, похоже, не возражал, и всегда оставался ботокс. Лили пару раз предлагала отвезти ее на встречу со своим косметологом. До сих пор Энни отказывалась, но пройдет несколько лет, и она, возможно, почувствует себя совсем по-другому. Энни отпустила замок на двери, чтобы Лили могла взять Альфи из его кресла. Он махал руками, пока она ловко освобождала его от ремня безопасности, вытаскивала и осыпала поцелуями.

— Дай ребенку немного воздуха, Лили. Ты его задушишь. — Том смеялся, пока она поднималась по ступенькам. Лили придвинула Альфи поближе, чтобы Том мог его поцеловать.

— Боже, какой ты уже большой мальчик. Чем тебя кормит мама?

Лили не стала задерживаться и пошла в дом. Энни взбежала по ступенькам и поцеловала Тома в щеку.

— Как вы? Выглядите потрясающе.

— Как ни странно, ты тоже. Я становлюсь лучше, когда вижу вас двоих. Спасибо, что заглянула. Возможно, ты только что спасла меня от банкротства. Лили решила, что нам нужно сделать ремонт.

Он подмигнул, и она рассмеялась.

— Не за что, но дом и так прекрасен.

— Полностью согласен, но я совершил ошибку, пригласив ее на обед в недавно отремонтированный отель «Лора Эшли». Вы с Уиллом там были? Там очень мило. Единственный недостаток, который я смог найти, — это каталоги на каждом столе. Это худший кошмар мужчины. Лили все время рассматривала светильники и фурнитуру, потом приценивалась к ним и составляла очень длинный список того, что хотела бы здесь иметь.

— О, Боже, это не очень хорошая идея? Может быть, я смогу ее отговорить. Кажется, я придумала, чем заняться вместо того, чтобы возвращаться на работу. Я задумалась об открытии собственного магазина. Рядом с этим отелем есть один заброшенный.

— Энни, какая замечательная идея — и я тебя благословляю. Я бы предпочел вложить деньги в бизнес с тобой, чем тратить их на новые люстры, взамен тех, что у нас есть, а им завет нет и двенадцати месяцев.

Они прошли в прихожую, Том закрыл дверь, повернул ключ и запер ее. Энни чувствовала себя ответственной за то, что им пришлось так сильно изменить свою жизнь с тех пор, как она появилась в ней. Том прошел в гостиную, где Альфи лежал на огромном ковре, окруженный всеми детскими игрушками, которые когда-либо выпускал «Фишер-Прайс». Лили играла с ним.

— Том жаловался на мою затею с декором?

Энни покачала головой.

— Нет, но если серьезно, Лили, здесь очень красиво. Это правда. Я как раз говорила Тому, что подумываю открыть магазин в Боунессе. Ты могла бы приходить и помогать мне в те дни, когда не слишком занята.

Том кивнул в знак поддержки, потому что знал, что Лили заинтригована, и подмигнул Энни.

— Ну, я оставляю вас, дамы, чтобы вы смогли все обсудить. А я пойду и приготовлю нам всем кофе.

— Крикни, когда закончишь. Я подойду и заберу поднос.

Том снова кивнул, оставляя их. В прошлом году у него случился инсульт. К счастью, не слишком серьезный, и он практически полностью восстановил работу рук и ног. Трость требовалась ему только для того, чтобы не слишком шататься. Он занялся наполнением модной кофемашины, которой они пользовались два раза в неделю, если повезет, и начал готовить латте. Он был бы рад, если бы Уилл и Энни переехали к ним. С маленьким Альфи дом не казался бы таким большим и пустым.

Однако Уилл всегда отличался независимым характером и не хотел об этом слышать, а Энни — тем более. Тома раздражало, что она всегда настаивала на том, чтобы работать и платить за себя самостоятельно. Не то чтобы он не восхищался ею за это, но радовался, что они с Уиллом на равных. У Тома не было денег до сорока лет, и он всю жизнь упорно трудился, чтобы построить свой бизнес, пока не продал его, чтобы не напрягаться.

Когда-нибудь все это будет принадлежать Уиллу и Энни. Том оставил им равные доли, а также трастовый фонд для маленького Альфи. Том не думал, что Уилл и Энни когда-нибудь разведутся, но даже если так, он не изменил бы своего решения. Он любил Энни как дочь, и это напомнило ему о его дочери Амелии. Том долгое время не имел о ней ни малейшего представления. А сейчас она заперта в психиатрической больнице строгого режима.

Том обо всем позаботился, несмотря на то, что она сделала с Уиллом. Она не виновата в том, что он никогда не знал о ней. У него разрывалось сердце при мысли какую жизнь она вела, хотя все могло быть совсем иначе. Не успел он опомниться, как приготовил три латте и наполнил тарелку свежеспеченными бисквитами. Потерявшись в воспоминаниях, он работал в автоматическом режиме. Он окликнул Лили, но поднос пришла забрать Энни.

— Боже мой, Том, что же вы со мной делаете? Вы знаете, как я люблю ваши бисквиты, а ведь я только что съела торт у отца Джона.

Он улыбнулся.

— Ну, кто-то же должен их есть. Здесь есть только ты и я. Лили либо считает, либо пересчитывает калории, либо старается не грешить, так что не стоит предлагать их ей.

Он наклонил голову к уху Энни и прошептал:

— Она становится такой раздражительной, когда сидит на одной из своих многочисленных диет. Это сводит меня с ума.

Энни засмеялась.

— Да, я знаю об этом слишком хорошо. Я член всех клубов похудения в Южной Камбрии.

Он покачал головой.

— Вы, женщины, сумасшедшие. Почему бы просто не принять себя и не наслаждаться жизнью? Это правда за гранью моего понимания — тот факт, что вы обе идеальны такие, какие вы есть, недостаточно хорош для вас?

Энни чмокнула его в щеку.

— Вы такой очаровашка, мистер Эшворт. Я понимаю, откуда это у Уилла.

Она подняла поднос и понесла его в гостиную. В миллионный раз она спрашивала себя, что сделала, чтобы обрести такую замечательную семью. Но одно Энни знала точно: она никогда не будет воспринимать их как должное.

Глава 8

Адель сняла перчатки, явно радуясь тому, что отвечала за вещественные доказательства и ей не пришлось наблюдать за вскрытием так же внимательно, как Уиллу. Он сделал то же самое и бросил свои перчатки в корзину в углу комнаты. Мэтт досконально провел процедуру. Не требовалось быть гением, чтобы понять, что жертва умерла от сильной потери крови из-за множества ножевых ран, нанесенных ее телу.

Удивительно, но внутренние органы Полины Кук практически не пострадали, а вот артерии — да, из-за чего она истекла кровью в считанные минуты. Что стало либо замаскированным благословением, либо проклятием. Если бы кто-нибудь нашел ее вовремя, то, возможно, смог бы надавить на основную рану и остановить кровотечение.

Все согласились, что тот, кто держал нож, настолько разозлился, что атаковал, причем грязно и жестоко. Уилл порадовался, что не выблевал свою жирную булочку на ботинки и

чистый, блестящий пол.

Он встретил Адель у раздевалки, и они покинули зал. Мэтт обещал прислать свой отчет по электронной почте, как только он будет напечатан, а Уилл взял с него обещание навестить их с Энни в ближайшее время, потому что они так давно не виделись. Они вышли из морга и пошли обратно тем же путем, что и пришли. Уилл смотрел на людей в коридорах — либо больные, либо раненые, либо навещающие кого-то. Они просто счастливики. Люди даже не представляли, каково это — наблюдать то, что только что пришлось пережить ему.

Несмотря на то, какой грустной и жестокой могла быть работа полицейского, Уилл ни за что на свете не поменял бы ее. Служба в полиции ему нравилась — большую часть времени, но иногда наводила тоску и ужас. Порой он почти смеялся вслух. Господи, но временами это было почти смертельно. Это напомнило Уиллу, что он должен попытаться подтолкнуть Энни к какому-то решению относительно работы, когда закончится ее декретный отпуск. Они не могли продолжать в том же духе, не теперь, когда у них появился Альфи.

Последние восемь месяцев с момента его рождения прошли в блаженном спокойствии. Энни постоянно занималась ребенком, и ей не хватало времени на то, чтобы ввязываться во все, что не следовало. Она даже не упоминала о призрачных визитерах с того света, что радовало Уилла, потому что он с трудом воспринимал все эти разговоры с мертвыми.

Теперь произошло еще одно убийство. С момента последних убийств в Хоксхеде, а до этого в Боунессе, прошло немало времени. На этот раз убийство случилось в прекрасном прибрежном городке Барроу. Не похоже, что это дело рук какого-то брошенного любовника, однако оно носило достаточно жестокий характер. Никаких ревнивых членов семьи поблизости не наблюдалось. Получается, что убийство совершил незнакомец, что вообще-то нетипично для этой тихой части страны.

К несчастью для Уилла, подобные убийства стали встречаться гораздо чаще, чем хотелось бы верить, и, по его собственному опыту, они всегда приводили к новым. Мысль о том, что на свободе может быть еще один серийный убийца, промелькнула у него в голове. Он изо всех сил старался подавить ее, но ничего не получалось.

Он должен принять все необходимые меры предосторожности, а Энни следовало держать как можно дальше от всего этого. Он решил, что не будет обсуждать с ней никаких деталей. Он не станет брать с собой домой вечернюю газету или включать новости. Уилл рассчитывал, что она будет слишком занята Альфи, чтобы обращать на все это внимание.

В его блестящем плане оставался только один изъян — Джейк, который не умел держать язык за зубами ни за любовь, ни за деньги. Уилл позвонит ему, как только останется один. Он не хотел, чтобы Адель гадала, что происходит, или знала слишком много о его личной жизни. Ему и так неловко, что он свалил на нее столько всего в первый же день. Уилл не хотел, чтобы она беспокоилась о том, что может оказаться втянутой во что-то смертельно опасное.

Они дошли до его машины, и он поехал обратно в участок. Никто из них не разговаривал, потому что оба погрузились в свои собственные мысли. Когда показался полицейский участок, Уилл не знал, чувствовать ли ему облегчение от того, что он вернулся, или нет.

— Если я тебе пока больше не нужна, думаю, схожу и заберу записи с камер видеонаблюдения из магазинов, куда я звонила раньше.

— Это было бы замечательно, спасибо. Если зайдешь внутрь, я организую тебе машину.

Они зашли в участок и поднялись на второй этаж. Брэд сидел, положив ноги на стол, и играл на своем телефоне. Он немного напомнил Уиллу Стью, который пристрастился к этой чертовски глупой игре «Кэнди Краш» на своем мобильном.

— Брэд, что ты делаешь?

По крайней мере, у него хватило ума выглядеть смущенным, когда он понял, что Уилл наблюдает за ним.

— Ничего, босс, просто доделываю дела.

— Сделай одолжение, возьми обычную машину и отвези Адель за записью камер видеонаблюдения, пожалуйста, если ты не слишком занят.

Адель скривилась.

— Я могу сама вести машину, босс, и знаю, куда ехать.

— Знаю, что ты можешь, но Брэд станет королем «Кэнди Краш», если мы не найдем ему занятие, а я пока не готов отдавать ему этот титул. Мы все знаем, что он принадлежал Стью.

Остальные, наблюдавшие за этим обменом, засмеялись, радуясь, что Стью не оказался полностью задвинут в сторону и забыт. Брэд показал им всем два пальца.

— Пойдем, Адель, я устрою тебе старую добрую экскурсию по Барроу. По крайней мере, со мной тебе не придется смотреть, как разделявают трупы.

Уилл повернулся к нему.

— Нет, но ей придется слушать твои бредни, что, наверное, еще хуже. Дели все что он говорит на два. Он у нас немного сказочник — правда, Брэд?

Брэд покачал головой. Повернувшись, он взял с доски набор ключей. Когда он вышел, Адель последовала за ним. Уилл хотел побыть один, чтобы посидеть и подумать о том, что он собирается делать.

Адель пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать от Брэда.

— Извини, тебе не нужно меня отвозить. Я вполне способна сама собрать записи с камер видеонаблюдения.

— Ничего, мне все равно скучно. На что это было похоже?

— Дерьмово. Всегда так. Я ненавижу вскрытия.

— Тебе следовало сказать Уиллу, что ты не хочешь идти.

— Это мой первый день. Я не хочу его раздражать.

— Предположим, что так. В любом случае, ты уже пообедала? Я умираю с голоду. Мы можем перекусить. Я знаю хорошую забегаловку, где делают дешевые булочки с беконом.

— Нет, я еще не ела. Может, по дороге есть магазин сэндвичей? Я бы предпочла ролл с ветчиной или куриный сэндвич. Мой желудок все еще немного не в себе после морга.

— О да, я не подумал об этом. Есть один по соседству, но он находится рядом с «Жирной ложкой». Так вы узнали что-нибудь интересное? Например, кто убийца? Дай угадаю, это племянник, единственный бенефициар ее завещания, или мужчина из магазина на углу, который был немного в нее влюблен.

Адель посмотрела на него, чтобы понять, серьезно ли Брэд говорит, но он усмехнулся, и она почувствовала, что ее плечи расслабились. Он просто подшучивал над ней.

— Ха-ха, очень смешно. Давай, отведи меня пообедать, пока я не превратилась в медведя с больной головой. Я плохо справляюсь с голодом. Женщины моего возраста нуждаются в регулярном питании.

Настала очередь Брэда посмотреть на нее, и она начала смеяться.

— Попался. Я не какое-то предменструальное чудовище. Однако голодна, так что сначала еда, и я не буду слишком строга к тебе.

Они вышли из здания через задний выход, который вел на парковку, заполненную множеством полицейских машин и машин персонала. Брэд подвел их к небольшому «Форду Фокус», выдавшему лучшие времена. Брелок больше не работал, и ему пришлось отпираться его ключом. Адель забралась внутрь, смахнув с пассажирского сиденья на пол кучу пакетов для улик и пустую упаковку из-под сыра и луковых хрустящих чипсов. Автомобиль сильно отличался от опрятного «БМВ» Уилла с мягкими кожаными сиденьями, от которых пахло его дорогим лосьоном после бритья.

— Немного отличается от машины босса, а?

Адель кивнула.

— Немного.

— Ты знаешь, что Уилл при деньгах? Он никогда не говорит об этом, но его отец богат. Он живет в каком-то большом, шикарном доме на озере. Не могу понять, почему он работает в этой дыре, если честно. Я знаю, что не стал бы, если бы у меня был богатый отец. Однако, полагаю, ему нужно чем-то занимать свое время, а он неплохо справляется со своей работой.

Адель не знала об отце Уилла. Для этого нет причин. Это ее не касалось, и ей стало не по себе от того, что Брэд так свободно обсуждает личную жизнь Уилла. Интересно, как бы он вел себя в пабе после трех пинт пива. Наверное, будет петь, как канарейка, поэтому она решила рассказать ему лишь самый минимум о своей семейной жизни. Она любила уединение и не верила в то, что можно смешивать работу и семью.

— Я знаю Уилла очень давно. Но мы никогда не обсуждали его личную жизнь.

— Тогда ты знакома с его женой Энни?

Адель покачала головой.

— Ты наверняка слышала о ней. Она здесь как городская легенда. Все знают о ней, о том, что с ней случилось. Она переехала в Уиндермир еще до того, как я начал работать в Барроу.

Она пожала плечами, не желая ввязываться в этот разговор. Она слышала все о печально известной Энни Грэм и не чувствовала ничего, кроме сожаления по поводу ужасов, которые ей пришлось пережить.

— Поехали, я умираю с голоду.

Он последовал за приметным полицейским фургоном, который направлялся к огромным раздвижным воротам. Громкая сирена наполнила воздух, синие и красные огни фургона начали мигать, заставив Адель подпрыгнуть.

— Черт возьми, как же громко, когда ты находишься так близко к нему. Я почти забыла, насколько это плохо. Прошло много времени с тех пор, как я служила офицером реагирования.

Брэд рассмеялся.

— Должен признаться, я сам чуть не обделался от страха, а ведь прошло не так много времени с тех пор, как именно я водил такой фургон. Но я не скучаю по нему. Мне больше нравится работать в офисе и ездить на более интересные задания.

Фургон с визгом умчался, оставив их позади себя. Брэд начал рассказывать Адель о последних шести месяцах своей жизни и о своей последней девушке — ничего из этого ее даже отдаленно не интересовало. По крайней мере, это не сплетни о ее новых коллегах,

поэтому Адель делала вид, что слушает, и кивала головой каждые пару минут.

Через десять минут Брэд остановился возле кафе, которое действительно называлось «Жирная ложка». Адель улыбнулась. Рядом, через одну дверь, находилась пекарня, что гораздо больше ее устраивало. Брэд выскочил из машины, и она последовала за ним. Ей нужно перекусить, так как она уже оправилась от шока после вскрытия. Она купила багет с ветчиной, пакет чипсов, бутылку воды и отнесла их в машину. Адель не знала, надолго ли задержится Брэд, поэтому начала есть. Она бы предпочла закончить до того, как он вернется со своей жирной едой, воняющей на всю машину.

Потрепанный старый бордовый фургон остановился на бордюре позади них, едва не врезавшись в заднюю бампер «Форда». Она уставилась в зеркало заднего вида. Если бы она не хотела так есть, а машина не представляла собой кусок дерьма, она бы вышла и записала их данные. Со стороны водителя вышел высокий мускулистый мужчина, а со стороны пассажира — тощий парень, выглядевший так, словно его нужно срочно накормить.

Адель не знала, то ли дело в том, что они чуть не въехали в нее сзади, не извинившись, то ли в ней сработал инстинкт копа, но в них чувствовалось что-то подозрительное. Она твердо решила посмотреть регистрационный знак, когда они отъедут, и проверить их. Она могла пробить машину по базе и узнать данные водителя. Увидеть номера она не смогла, потому что машина стояла почти вплотную к задней части «Фокуса».

В конце концов Брэд вышел, неся бумажный пакет с жирными пятнами и банку колы. Он сел в машину и начал есть свою огромную булочку. Адель посмотрела в зеркало и увидела двух парней, выходящих из булочной. Они сели обратно в фургон и начали сдавать задним ходом. Достав из кармана ручку, она записала номер на ладони.

— Ты знаешь кого-нибудь из этих двоих?

Брэд посмотрел в зеркало заднего вида, затем покачал головой.

— А что такое?

— Просто интересно. Мне не очень понравилось, как водитель чуть не въехал в нас сзади.

Он рассмеялся.

— Адель, глядя на нашу машину, мне самому хочется въехать в нее задним ходом, а я за рулем. Не говоря уже о том, что каждый преступник в этом районе знает, что это полицейская машина без опознавательных знаков. Что бы ты ни делала, не принимай это близко к сердцу. Некоторые люди просто ненавидят полицию и то, за что мы стоим в целом. Некоторые из здешних мошенников могут даже назвать тебе номера всех машин без опознавательных знаков. С такими мозгами меня удивляет, как они стали ворами, а не банкирами.

— Одно и то же, правда? Ну, почти. — Адель улыбнулась и продолжила есть свой обед. Она проверит их, когда вернется в участок. Пусть это говорит ее внутренний радар, но что-то не так с сидящими в этом фургоне. Они с Брэдом съели остатки обеда в тишине, вытирая руки салфетками, которые Адель достала из сумочки и поделила между ними.

— Так, куда сначала?

Она начала перечислять магазины, которые ей необходимо посетить в районе дома, где обнаружили тело. Если она хотела отключиться, когда вернется домой сегодня вечером, то должна сосредоточиться и перестать думать о Полине Кук как о человеке, что довольно трудно сделать. Вместо этого ей нужно полностью переключиться на холодные, жесткие факты. К этому нужно немного привыкнуть, но как только Адель настраивалась на такой

образ мыслей, то убеждалась в его высокой продуктивности. Именно переход к нему представлял собой самую сложную часть, когда каждый раз, закрывая глаза, она видела холодное, мертвое тело Полины на стальном столе в морге.

Глава 9

Когда Уолли и Стиви вернулись в обветшалый аукционный дом, торги шли полным ходом. Не имея возможности сразу разгрузить фургон, Стиви отправился в туалет, а Уолли зашел внутрь, чтобы понаблюдать. Джеко держал в руках содержимое коробки с цирковыми вещами, которую они нашли в последнем доме, и Уолли с интересом наблюдал за ним. Если бы у него хватило денег, он бы сам все это купил.

На аукционе присутствовали несколько человек: женщина лет сорока и седовласый мужчина с фотоаппаратом на шее. Женщина отрицательно покачала головой на двадцати фунтах, но мужчина кивнул. Джеко ударил молоточком по стойке. «Продано».

Мужчина выглядел довольным своей покупкой, и Уолли не замечал, что пялится на него, пока тот не повернулся и не улыбнулся. Уолли кивнул, затем развернулся, чтобы пойти освободить фургон. Он не любил людей. Никогда. Вытаскивая коробку, он повернулся и увидел покупателя-мужчину, стоявшего рядом с фургоном.

— Извините, простите за беспокойство. Вы занимаетесь уборкой домов?

Уолли кивнул.

— Ну, я только что купил коробку с цирковыми вещами и хотел спросить, не помните ли вы, что в ней было?

Он уставился на мужчину, гадая, о чем тот говорит.

— Извините, позвольте объяснить получше. Я прочитал объявление в газете об аукционе и понял, что должен прийти и увидеть все своими глазами. Прошло столько времени с тех пор, как я видел эту вещь. Раньше она принадлежала моему другу.

Уолли почувствовал, что его желудок начинает бурлить.

— Тогда был черно-белый костюм клоуна, который сочетался с черным воротником и рыжим париком. Вы видели его, когда освобождали дом? Понимаете, это сентиментальная вещь, и я бы очень хотел ее найти.

— Я не видел никакого костюма, мистер. Только вещи в коробке, и все.

Уолли отвернулся, стараясь не выдать паники, которая грозила взять верх. Мог ли этот человек понять, что он лжет? «Откуда он может знать, что ты лжешь, Уолтер? Тебе нужно перестать быть таким параноиком. Ты сам себе злейший враг».

— Ох, как жаль. Не берите в голову. Извините, что побеспокоил вас.

Мужчина спрятал коробку под мышку и ушел. Уолли почувствовал, как чья-то рука шлепнула его по затылку.

— Пойдем, придурок, не надо расстраивать клиентов. Давай разгрузим фургон и отправимся по домам.

Стиви запрыгнул в заднюю часть фургона и начал бросать ему коробки, которые Уолли заносил в зал и складывал в штабеля.

Когда Стиви остановился возле дома Уолли, он кивнул ему. Уолтер оглядел старый обветшалый дом и подумал, действительно ли он хочет возвращаться в свою квартиру в одиночестве.

— Слушай, спасибо за сегодняшний день. Тебе необязательно было покупать мой завтрак, и я это ценю. В последнее время дела идут неважно.

— Да, но мне надоело на тебя такого смотреть. Иди и потрать свою зарплату; купи себе

новую одежду, Уолли, и накорми себя. Иди, купи еды. Я дам тебе знать, если у Джеко будет работа на следующей неделе.

Он кивнул.

— Так и сделаю.

Стиви поехал, а Уолли поднял руку, чтобы помахать ему. Он повернулся и пошел обратно к общей входной двери. Стоило ему открыть ее, как в ноздри снова ударил сильный запах специй и карри — только на этот раз желудок не застонал. Сегодня Уолтер съел больше, чем за последние три дня.

Весь день у него в голове крутились воспоминания о прошлой ночи. Он не думал, что Стиви был бы так добр к нему, если бы знал, что Уолли сделал. Никто никогда не поверит, что это он. Уолтер не выглядел как стереотипный убийца. Но, с другой стороны, Тед Банди тоже не походил на маньяка, и посмотрите, скольких женщин он убил. Но Банди делал это ради сексуального удовлетворения, а Уолли поступил так не из-за этого. Если бы он хотел подрочить, то мог бы сделать это с последним выпуском «Пентхауса», а не над трупом какой-то женщины средних лет.

Нет, он убил по правильным причинам. Потому что костюм велел ему убить. Он говорил с ним. Не напрямую. Уолтер же не окончательно сошел с ума. Но костюм говорил, что он должен делать, и Уолли не мог с этим спорить, потому что это правильно. Ему даже стало любопытно, что бы сказал участковый психиатр, если бы он признался, что костюм контролирует его действия. Скорее всего, он его упечет, а Уолли не хотел возвращаться в больницу. Он не мог смотреть там свои фильмы ужасов.

Когда он вошел в свою мрачную квартиру, то услышал, как пара в квартире над ним спорит сквозь приглушенный ритм музыки из квартиры напротив. Уолтер удивлялся, зачем они вообще живут вместе. Они постоянно ссорились. Ругались, швырялись вещами и хлопали дверьми, пока один из них не уходил. Другой догонял и тащил обратно, где они плакали и просили друг у друга прощения до следующего раза, который, по подсчетам Уолтера, обычно случался раз в два дня. В последнее время они шумели все громче, а значит, и музыка из соседней комнаты становилась сильнее, пытаясь заглушить шум ссоры.

Когда-нибудь он наберётся смелости и пойдёт туда. Он скажет им, чтобы они заткнулись к чёртовой матери. Как бы они поступили, если бы Уолли постучал в их дверь в своем костюме? Однако сегодня не тот день. Вместо этого он закрыл и запер свою дверь, затем прошел в спальню и включил старый потертый CD-плеер. Уолли включил его на полную мощность, пока звуки музыки не заглушили шум из соседней комнаты, и он перестал слышать голоса ссорящейся пары над ним. Он с блаженством упал на кровать. Они сегодня хорошо поработали, и ему нужно поспать. Хотя в этой дыре он вряд ли сможет это сделать нормально. Тем не менее Уолтер лег на бок и закрыл глаза, натянув одну из подушек на голову, чтобы приглушить шум.

Когда он проснулся, в комнате было темно и тихо, очень тихо. Музыка прекратилась, пара наверху также замолкла. Уолли лежал и наслаждался тишиной и покоем, пока не услышал вдалеке вой сирены. В животе у него заурчало. Что, если они придут за ним? Что, если они знают, что он сделал? Он приподнялся на локтях. Сирены стали громче, и Уолли вскочил с кровати, чтобы выглянуть в окно сквозь желтую, испачканную сетчатую занавеску. Полицейский фургон с визгом выехал на улицу, и он почувствовал, что его ноги превратились в желе. Они знали. Они чертовски хорошо знали. Все закончилось еще до того, как он успел толком начать.

Опустив занавеску, Уолли отошел от окна. Слава богу, он не включил свет, значит, полицейские не смогут заглянуть внутрь. Паникуя, он огляделся в поисках укрытия. Он мог бы спрятаться в ванной. Но ведь им понадобится ордер, чтобы войти внутрь, разве нет? Фургон остановился перед домом, и Уолли почувствовал, как все съеденные им ранее кусочки пищи тяжелеют в желудке. Его руки дрожали, и он начал потеть.

Двери фургона открылись, и два здоровенных копа выскочили наружу, захлопнув их. Шум раздался такой громкий, что Уолли подумал, что они идут прямо на него, и прыгнул на кровать, натягивая на себя одеяло. Входная дверь захлопнулась, и он ждал, что они в любую секунду выбьют его дверь большим красным металлическим тараном. Но они этого не сделали. Тяжелые шаги пронеслись мимо его двери прямо к лестнице и поднялись на второй этаж. Облегчение, нахлынувшее на Уолли, сравнилось с приливной волной. Должно быть, кто-то сообщил о ссорящейся паре. Как раз вовремя. Он слышал голоса полицейских, которые стучали в дверь над ним.

— Откройте дверь! Полиция.

Из квартиры над ним доносилась лишь тишина. У Уолтера возникло искушение высунуть голову из двери и крикнуть, что они, черт возьми, опоздали, но он не хотел привлекать к себе внимание. Подумав, что полицейские уйдут, потому что в квартире никого нет, он повернулся на бок, чтобы снова заснуть. Другой фургон с визгом остановился позади первого, и в общую зону вбежали еще люди в форме.

Уолли начал хихикать под одеялом. Сколько долбанных копов нужно, чтобы постучать в дверь? Мощный треск заставил его подскочить. За ним последовали еще три и звук раскалывающегося дерева. Черт, они действительно ломают дверь. «Надеюсь, они не ошиблись квартирой. Вас удивит, если это так?» — сказал Уолли сам себе и покачал головой. Вообще-то, нет. В прошлом году в газете писали о том, как во время рейда по борьбе с наркотиками копы выломали не ту дверь — одни мускулы и никаких мозгов.

Дверь подалась, и вдруг над его головой раздались шаги. С улицы донесся вой сирен, и Уолли поднялся с кровати. Неужели? На этот раз подъехала машина скорой помощи, и он задался вопросом, что, черт возьми, произошло наверху и как он это пропустил. Уолтер смотрел, как два парамедика с огромными ящиками пронеслись мимо его окна и вошли в парадную дверь. Ему до смерти хотелось выйти на улицу и спросить у кого-нибудь, что случилось, но он не мог. Не хотел, чтобы копы знали, кто он и почему спрашивает.

Уолли прислушался к голосам, раздающимся над ним. Один парень, видимо, взял на себя командование, потому что выкрикивал приказы остальным. Дьявол, что, черт возьми, произошло? Выглянув в окно, он увидел, что девушка из квартиры сверху болтается возле машины скорой помощи. Раздались крики, когда коп сбежал по лестнице и выскочил из входной двери ей навстречу. Она подняла руку, и Уолли в ужасе уставился на соседку. В ее руке был зажат огромный мясницкий нож. На груди девчонки появилась красная точка. О боже, они собираются ударить эту суку электрошокером.

Еще крик, и размахивающая ножом девушка, упала на землю, дергаясь, когда в нее выстрелили из электрошокера. Господи Иисусе, что, черт возьми, происходит? Уолли казалось, что он смотрит какое-то американское телешоу, а не выглядывает из окна своей грязной квартиры на тихой улице в центре города Барроу. Вокруг царил хаос. Повсюду сновали полицейские, на улицу въехала еще одна машина скорой помощи.

Уолли почувствовал, что у него подкашиваются ноги, и снова сел на кровать. Черт, теперь они будут стучаться во все двери и опрашивать соседей. А что, если копы

почувствуют, что Уолли представляет угрозу, а потом арестуют его, просто на случай, если он сделал что-то не так? У некоторых копов на такое просто нюх. Уолли лег, натянул на себя одеяло и решил, что не станет открывать дверь, если они постучат. Так ему не придется разговаривать с любопытными ублюдками, и он не выдаст себя.

Он снова слышал голос в своей голове. «Уолтер, ты излишне склонен к паранойе. Тебе нужно сохранять спокойствие, если не хочешь выдать себя. Нужно учиться вести себя спокойно». Минус лежания в постели заключался в том, что он не мог двигаться или включать свет. Он должен оставаться совершенно неподвижным. Снаружи все начинало превращаться в цирк, и он хихикнул. Какая отличная метафора. Он любил цирк.

Повсюду была полиция. Машина скорой помощи уехала с девушкой, прикованной наручниками к одному из полицейских. Носилки с парнем, который, по его предположению, жил наверху унесли вниз. Что-то случилось, и он готов поспорить на десятку, что девушка сорвалась и ударила его ножом. Формально Уолли считал, что сосед сверху заслужил это, но не мог сказать полиции, потому что тогда они захотят войти в его квартиру и задавать вопросы, слишком много вопросов.

Жаль, однако. Он думал, что девчонка проявила мужество. Может быть, придурок с громкой музыкой по соседству с ним даст показания о том, что они спорили каждую ночь. Миссис Батта, вероятно, тоже все им расскажет. Она жила прямо по соседству с ними. Уолли уже погрузился в сон, когда раздался громкий стук в дверь. У него заколотилось сердце, и он остался лежать, не обращая внимания на шум. Он совершенно не хотел говорить с копами, если только они не перестанут стучать.

Уолтер посмотрел на свой клоунский костюм, который висел на вешалке и сушился. Они захотят войти, а потом спросят про костюм. Но он не собирался им этого позволять. Уолли встал с кровати и отнес костюм в ванную, закрыв дверь. Снова раздался стук, который он не мог игнорировать. Сделав глубокий вдох, Уолтер направился к входной двери, стараясь замедлить дыхание и не выглядеть так, будто он убийца.

Глава 10

Энни поцеловала Альфи в щеку, а потом повернулась к Лили.

— Уверена, что хочешь, чтобы он оставался у нас? Он немного капризный последние несколько ночей.

— Конечно, уверена. Разве я стала бы спрашивать, если бы не хотела? Он же только что поел, и у меня есть все необходимое для него. Иди домой, расслабься в ванной и выпей бутылку вина. Проведи немного времени с Уиллом, только вдвоем.

Энни, должно быть, выглядела расстроенной, потому что Том заметил это.

— У вас двоих все в порядке?

— Да, все хорошо. Если не считать того, что вчера после похорон Стью Уилл пришел домой пьяный в стельку, и мне пришлось укладывать его в постель. А так все в порядке. Я просто хочу, чтобы он вернулся домой вовремя, вот и все. Вчера в доме нашли тело, и я прекрасно понимаю, что ему поручат это дело. Если это что-то подозрительное, то его не будет дома еще несколько часов.

Том обнял ее своей здоровой рукой.

— Ну, займись чем-нибудь интересным, пока он не вернется с работы. Разве тебе не нужно составить какой-нибудь бизнес-план?

Энни прижалась к нему, поцеловала в щеку и улыбнулась.

— О да, мне есть чем заняться, пока его нет дома.

Лили легонько подтолкнула ее рукой.

— Хорошо, тогда иди, пока не передумала. Я хочу сводить Альфи к некоторым из моих подруг и представить его. Я позвоню, если он вдруг начнет вести себя беспокойно, так что не волнуйся.

Энни отпустила Тома и еще раз поцеловала Альфи, потом Лили. Она оставила их, пока могла. Энни поклялась, что не будет одной из тех навязчивых матерей, которые никогда не выпускают детей из виду, поэтому непонятно, почему ее глаза наполнились слезами. Она никогда не думала, что рождение детей может превратить человека в такую эмоциональную развалину.

Сбежав по бетонным ступенькам, Энни села в машину, пока не передумала. Ворота уже открывались для нее, поэтому она поехала прямо и не оглядывалась. Стоило оказаться на дороге к своему дому, ей стало легче. Будет неплохо отдохнуть от Альфи. Как бы она ни была привязана к сыну, все равно устала. На самом деле она могла бы понежиться в ванне и лечь в постель на пару часов. Если Уилл придет домой раньше, он не станет жаловаться, обнаружив ее уже в постели.

К тому времени, как Энни вернулась домой, ее настроение значительно улучшилось. Радио работало на полную мощность, и она подпевала тем песням, которые знала. Когда показался дом, она улыбнулась про себя. Дом, милый дом.

Энни припарковала машину и достала телефон, чтобы написать Уиллу сообщение.

«Лили настояла, чтобы Альфи остался у них на ночь. Мы с тобой вдвоем. Я собираюсь понежиться в ванне и поспать пару часов. Постарайся не работать допоздна. Я люблю тебя».

Она отправила сообщение, надеясь, что Уилл прочтает и поспешит домой. На самом деле Энни могла поспорить, что его телефон либо разряжен, либо находится в беззвучном режиме, и он будет слишком занят, чтобы прочитать ее сообщение. Из всех дней, когда мог появиться труп, Уилл как раз оказался на работе. Затем она перекрестилась. «Простите, кто бы вы ни были, это грубо. Я уверена, что вы тоже не хотели умирать. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания».

Когда Энни вошла в дом, ей показалось странным, что Альфи не сидит у нее на руках. Они практически не расставались с ним с самого его рождения. Она заперла дверь и пошла на кухню за водой. На винной полке стояло несколько бутылок ее любимого розового вина, и у нее возникло искушение налить себе большой бокал. А вдруг она понадобится Альфи? «Прекрати, ради всего святого. Лили может его привезти. Один бокал точно не повредит». Энни вытащила бутылку, которая оказалась холодной, потому что простояла там так долго. Открутив пробку, она взяла бокал из буфета и наполнила его наполовину. Сделав глоток, Энни вздохнула. Вкус просто невероятно хорош.

Словно это волшебное зелье, глотнув еще, она почувствовала, как все ее тело расслабилось. Энни сняла туфли, поднялась наверх и стала набирать ванну. Налила в нее щедрую порцию геля для ванны «Шанель № 5» и вдохнула. Зайдя в спальню, она достала из ящика чистую пижаму и взяла с прикроватной тумбочки свой Киндл. Затем вернулась в ванную, где собиралась отмокать, пока вода не остынет, а вино не кончится.

Уилл почувствовал, что его телефон завибрировал в кармане. Он как раз делал заметки по результатам вскрытия. Теперь необходимо провести полноценный обход домов в этом

районе. Он распечатал опросник и отправил его по электронной почте Клэр, которая, как Уилл знал, сделает все остальное. Она работала в службе общественных помощников примерно столько же времени, сколько он служил сержантом-детективом, поэтому точно знала, что делать.

Мотива для убийства Полины Кук у него по-прежнему не было. В доме отсутствовали следы взлома. Ее сумочку не тронули. Когда он разговаривал с криминалистами, они сказали, что в комодке лежало пятьсот фунтов, так что деньги не могли быть мотивом. Уилл хотел знать, почему кто-то решил так жестоко убить женщину средних лет, и желал выяснить это как можно скорее.

Он достал свой телефон и улыбнулся. Мысль о том, что Энни сейчас одна в ванной, вызвала желание бросить все и поехать напрямик домой. На самом деле он не знал, можно ли сейчас сделать что-то еще. Мэтт все еще не прислал свой отчет, а у них до сих пор нет ни свидетелей, ни подозреваемого, которого можно допросить.

Уилл встал, оглядываясь по сторонам. Время близилось к вечеру. Адель и Брэд находились в аппаратной, просматривая записи камер видеонаблюдения. Все остальные уже ушли. Он велел им, заканчивать работу; хотел, чтобы все они пришли рано утром, чтобы начать все с чистого листа. Рация, лежавшая на столе, начала пищать. Уилл посмотрел на нее и застонал.

— Говорите.

— Сержант, нам нужен кто-то из уголовного розыска здесь.

— Где именно?

— Эбби-роуд, жилой дом напротив церкви. У нас ножевое ранение, и оно серьезное.

Уилл отпустил кнопку, чтобы офицер на другом конце не мог его услышать. Господи, ни хрена себе.

— Понятно, больше никого нет?

— Нет.

Уилл закончил разговор и посмотрел на часы. Технически у него оставалось еще два часа до конца смены. Ему придется съездить и посмотреть. Уиллу хотелось бы, чтобы сотрудников не было так мало. Возможно, если дело серьезное, он просто передаст его в Кендал. У него и без того хватало забот. Брэд и Адель вошли в кабинет.

— Брэд, у нас тут поножовщина. Ты должен поехать со мной. Адель, ты можешь отдохнуть, если хочешь. Мы просмотрим все утром. Вы что-нибудь нашли?

Уилл посмотрел на Брэда, выглядевшего как ребенок, которому только что сказали, что он не может завести щенка.

— Босс, у меня кое-какие планы на вечер. Я не могу работать допоздна.

— Почему, во сколько ты собираешься уходить?

— Сейчас. Я должен закончить в шесть.

Адель шагнула вперед.

— Я работаю до восьми. Съезжу с тобой.

Уилл кивнул.

— Спасибо.

Он не потрудился взглянуть на Брэда, который, вероятно, собирался в спортзал или на игру в гольф с приятелями. Его список приоритетов отличался от списка среднестатистического взрослого человека. Уилл зашагал к выходу, и Адель последовала за ним. Она почувствовала облегчение, когда они отправились к машине Уилла.

— Барроу всегда такой сумасшедший?

— Ну, сумасшедший, но скорее по стандартам Джереми Кайла, если понимаешь, о чем я. Домашние разборки из-за того, что парень переспал с матерью лучшей подруги, и теперь она беременна, и тому подобное. Хотя произошло довольно много убийств, и я полагаю, ты все о них слышала. Думаю, весь мир слышал об убийствах в этом городе. Если не считать убийств, то нет, обычно здесь нет такой жестокости. Хотя у нас есть своя доля инцидентов, связанных с наркотиками. Но полагаю, это признак времени — слишком много людей смотрят фильмы ужасов на «Нетфликс» и играют в жестокие игры на своих приставках.

— Карлайл долгие годы уже такой. Мне кажется, это был лишь вопрос времени, когда Барроу догонит его. Хотя для маленького городка здесь определенно гораздо больше убийств, чем в большом городе.

Уилл кивнул.

— Полностью согласен. Знаешь, одна из национальных газет назвала Барроу «Столицей убийств Англии». Уровень насильственных смертей здесь невероятно высок по сравнению с большинством маленьких городов.

Они сели в машину, и Уилл отвез их по адресу, где произошел инцидент. Только отъехала машина скорой помощи, как подъехала другая. Он покачал головой.

— Что, черт возьми, творится?

Адель пожалала плечами. Она не ловила сигнал на своем мобильном планшете, поэтому не могла загрузить журнал, чтобы выяснить подробности.

— Эти планшеты хороши, когда ты находишься в хорошем районе, где есть сигнал. В остальное время они — просто мусор и только отягощают карманы.

— Они очень полезны для проверки прически и макияжа, хотя, по словам Шоны, она использует его больше для нанесения блеска для губ, чем для реальной работы.

Адель рассмеялась. Они вышли из машины, и Уилл подошел к новому дежурному сержанту, который выглядел взволнованным. Сотрудники скорой помощи перекладывали женщину на носилки. До этого она лежала на земле.

— Смети, что случилось?

— Честное слово, Уилл, тебе такое и в голову не пришло. Очевидно, она ударила ножом своего агрессивного бойфренда. Он истекает кровью, как свинья, поэтому пришлось отправить его в больницу, но, по словам парамедиков, рана не опасна для жизни.

Он указал на носилки.

— Девушка сбежала с места происшествия, потом вернулась, размахивая большим мясницким ножом, наряд был вынужден применить к ней электрошокер, и она упала на землю, как мешок с дерьмом.

— Еще один прекрасный день в раю?

— Можешь повторить еще раз. Это всего лишь моя вторая смена в качестве сержанта. Паркер работает сержантом уже три года, и у него никогда не случалось такого дерьмового дня. Что происходит? Убийство и поножовщина менее чем за двадцать четыре часа. Господи, я снова хочу вернуться к работе констебля. На прошлой неделе моя жизнь выглядела намного проще.

— Ах, но посмотри на ситуацию по-другому. Ты мог оказаться тем офицером, который ударил ее электрошокером, и тогда тебе пришлось бы объясняться и заполнять все эти формы о применении силы.

— Ну, предположим. В любом случае мне наверно лучше передать все вам?

Уилл хотел сказать «нет», но не мог, потому что технически этим должен заниматься его отдел.

— Мы возьмемся за дело, когда твоих задержанных выпишут из больницы. Ты уже проводил дознание?

Смити покачал головой.

— Все случилось буквально только что.

— Не стоит объяснять тебе, что делать. Ты и сам все знаешь. Вызови криминалистов и пару полицейских для охраны места происшествия. Пока мы здесь, проведем обход квартир, посмотрим, не стал ли кто-нибудь свидетелем. Раз в медики говорят, что он пойдет на поправку, и у нас нет еще одного трупа, все должно быть довольно просто.

— Спасибо, Уилл, я очень ценю твою помощь.

Уилл кивнул. Он представил себе Энни одну в огромной ванне и внутренне застонал. Двинулся к входной двери дома, за ним шла Адель. В общей зоне не оказалось крови. Место преступления находилось внутри квартиры, что значительно облегчало жизнь. Они оба достали из карманов свои бумажные блокноты. Блокнот Уилла выглядел безупречно, на нем не имелось ни единой складки. Блокнот Адель оказался помятым и исписанным.

Уилл подошел к двери справа и постучал. Адель сделала то же самое с дверью напротив. Изнутри квартиры, куда она стучала, доносилась громкая музыка. Уилл постучал еще раз, и дверь слегка приоткрылась. Бледнолицый мужчина отворил ее на пару дюймов.

— Полиция. Я сержант Уилл Эшворт. Волноваться не о чем, но произошел серьезный инцидент с жильцами квартиры сверху. Вы что-нибудь слышали или видели?

Мужчина, наполовину спрятавшийся за дверью, выдохнул, и его плечи расслабились, что заставило Уилла задуматься, из-за чего он так нервничает. Адель снова постучала в дверь. За дверью раздался голос:

— Отвали, никого нет.

Уилл повернулся к ней — на его лице появилась широкая ухмылка, — а она закатила глаза.

— Полиция. Откройте дверь.

Послышался звук тяжелых шагов, и открылись несколько замков. Дверь широко распахнулась. Самый старый рокер в мире стоял по ту сторону в рваных джинсах, испачканный белый жилет только прикрывал его большой, как жизнь, пивной живот, а седые волосы были стянуты в хвост.

— Извини, милая, я думал, что ты тот дрочила сверху. Как дела?

Уиллу пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку на лице. Мужчина открыл дверь чуть шире, и Уилл невольно сравнил двух соседей. Этот был худощавым, с ярко-рыжими короткими и жесткими волосами.

— Итак, вы видели или слышали что-нибудь?

Мужчина кивнул.

— Ну, я ничего не видел. Только слышал, как они спорили, опять.

— Они часто ссорились?

— Да, почти каждый день. Я уже вроде как привык к этому, но понятия не имею, почему они остаются вместе, когда явно не любят друг друга.

— Вы слышали что-нибудь сегодня вечером, какие-нибудь угрозы?

— Не совсем. — Он поднял палец и указал на мрачный коридор. — Трев включает свою музыку очень громко, чтобы заглушить шум, так что я как бы отгораживаюсь от всего этого.

Обычное дело. Я привык к такому.

Уилл кивнул.

— Как ваше имя, просто для протокола.

Мужчина начал мяться.

— Зачем вам это нужно? Я ничего не видел и не буду давать показания. Вы видели, какого размера тот парень наверху? Мне еще жить здесь, а вам — нет.

— Мне не нужны показания. Просто должен подтвердить, что я с вами разговаривал.

Затем Адель спросила у своего опрашиваемого, как его зовут.

— Тревор Паркс, милая. Тебе нужен и мой номер телефона?

Уилл усмехнулся, покачав головой.

Станный мужчина, выглядящий испуганным, пробормотал:

— Уолтер Лейси.

Уилл записал имя и отвернулся.

— Спасибо.

Адель оглянулась через плечо и сразу же узнала в мужчине того самого человека из фургона, который ранее стоял у пекарни. Дверь закрылась, и Уилл подошел к ней, чтобы поговорить. Ее жилец тоже вернулся в свою квартиру и закрыл дверь. Снова заиграла музыка, и Уилл коротко рассмеялся.

— Ну, если тебе надоест Стив, похоже, что Трев не откажется повеселиться с тобой.

Адель засмеялась.

— Спасибо, какое заманчивое предложение. Я буду иметь его в виду. С кем это ты говорил?

Уилл посмотрел вниз на имя, которое записал в блокноте.

— Уолтер Лейси. А что, ты его знаешь?

— О, ничего особенного, просто интересно. Он был в фургоне сегодня, который чуть не врезался в заднюю часть нашей машины, когда Брэд покупал себе обед.

— Станный парень — если спросишь меня, он выглядел так, будто сделал что-то не противозаконное, когда открыл дверь, еще до того, как я сказал зачем, пришел.

Адель снова рассмеялась, но все равно записала имя в блокнот. В коридор вошла Дебс в белом костюме и ботинках, с фотоаппаратом в одной руке в перчатке и сумкой с различными примочками через плечо.

— Все очень плохо? Сегодня у меня что-то не в порядке с желудком.

Она направила свой вопрос Уиллу, который пожал плечами.

— Я еще не заходил. Ждал, когда ты придешь, сделаешь свои дела и расскажешь мне об этом. У меня жуткое похмелье, я хочу пойти домой и вырубиться. Сколько мы выпили?

— Слишком много, вот сколько.

— Почему ты сегодня работаешь?

— Мне показалось неправильным просить больше отгулов. Я не могу сказать, что скорблю, потому что меня мучает совесть. И вообще, я предпочитаю работать с тобой на самых жутких и кровавых местах преступлений, которые только можно найти, потому что мне это так нравится. Нет.

Уилл улыбнулся ей.

— Ты просто не можешь устоять перед моим обаянием?'

Она покачала головой и ушла.

— Если я выверну свои кишки, то буду винить тебя, Эшворт. О чем ты думал, покупая виски, словно завтра не наступит?

— Я и сам задаюсь этим вопросом весь день.

Уилл отправился на выход. Адель последовала за ним следом.

— Думаю, нам лучше надеть защитный костюм и пойти посмотреть, когда Дебс закончит.

— Полагаю, стоит. Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь занимаешься обычной, заурядной работой в уголовном розыске? Или мне лучше подготовиться к тому, что я буду работать над всеми насильственными преступлениями, которые нам подбрасывает этот город?

Он сделал паузу, чтобы обдумать ее вопрос.

— Я мог бы солгать и заставить чувствовать тебя хорошо из-за перевода в солнечный Барроу. Но не буду, так что тебе лучше подготовиться.

— Я боялась, что ты так скажешь.

Энни не вылезала из ванны, пока ее кожа не покрылась морщинами, а вода не стала слишком холодной, чтобы расслабиться. Она уже трижды вынимала пробку и снова наполняла ванну. Высушившись, она намазала кожу любимым лосьоном для тела и накинула на себя халат.

На самом деле, Уилл официально заканчивал работу только в восемь, так что у нее в запасе еще пара часов до его возвращения домой. Она проголодалась и спустилась вниз, чтобы сделать сэндвич. Ей и правда следовало бы приготовить нормальный ужин, но она не хотела напрягаться. Подготовка вообще не нравилась ей, поэтому она сделала тарелку сэндвичей для себя и одну для Уилла. Накрыв его тарелку и поставив в холодильник, Энни понадеялась, что он, возможно, уже поел на работе.

Часто, когда речь шла об убийстве, Уилл работал допоздна. Его команда задерживалась после рабочего дня и брала еду на вынос. Сидя за барной стойкой и ковыряясь в бутерброде с курицей и сухариках с солью и уксусом, Энни подумала о доме с синей дверью и вздрогнула. Почему он все время возвращался к ней? Что в этой двери такого, что так и манит ее внутрь?

Она знала, что иногда, когда человека убивают или он умирает внезапно, то застревает и не может уйти из жизни, потому что не понимает, что мертв. Осознала ли бедная женщина, чье тело нашли вчера, что она умерла? Энни надеялась, что да. Она никак не могла с ней связаться. Обычно у нее хорошо получалось установить контакт. Что-то мешало ей сейчас.

Закрыв глаза, она попыталась вспомнить дом изнутри и человека, глазами которого смотрела. Такого с ней еще не случалось. Странное ощущение. Почему ее затянуло в этот дом? Энни громко зевнула. Посмотрев на телефон, она подумала отправить Лили сообщение, чтобы узнать, как там Альфи. Но не хотела, чтобы та подумала, что она не доверяет ей, потому что Энни доверяла.

Не имея сил доедать сэндвич, она отодвинула тарелку в сторону и встала. Засунув телефон в карман, решила лечь спать. Энни надеялась, что сон придет быстро, и когда она проснется, Уилл будет рядом с ней, обнаженный. Прошло уже слишком много времени с тех пор, как она получала мужа в свое распоряжение, без Альфи и его шестого чувства, заставлявшего кричать всякий раз, когда они заходили дальше быстрого поцелуя.

Она оставила свет на лестнице включенным. Она не боялась оставаться в доме одна, но что-то тревожило ее, и Энни до конца не понимала, что именно. Она выключила лампу в спальне и оставила дверь приоткрытой, чтобы свет проникал внутрь. Откинула одеяло и опустилась на мягкий матрас. Было тревожно от того, что в доме так тихо.

Энни посмотрела на переноску Альфи, стоявшую рядом с кроватью. Чувство тоски наполнило ее грудь. Она так по нему скучала. Было непривычно разлучаться с сыном надолго. Ее жизнь прошла полный круг, и теперь она похожа одна из тех мам, которые стараются никогда не выпускать своего ребенка из поля зрения, хотя у нее есть на это очень веская причина. Прежде чем дурные мысли успели заполнить сознание, Энни отогнала их прочь. «Не сегодня — Альфи в порядке, Уилл в порядке, и я в порядке. Спи, пока можешь, Энни. От недосыпания у тебя появляются морщины». Отвернувшись от колыбели Альфи, она устроилась поудобнее и закрыла глаза.

Лето 1950 года.

Караван цирковых трейлеров и грузовиков наконец-то готов к долгому путешествию на север. Следующей остановкой станет Манчестер. Горди повернулся, чтобы в последний раз взглянуть на место, где раньше стоял большой шатер. Единственным напоминанием о нем служил примятый участок почерневшей травы среди вытоптаных опилок и мусора, разносимых ветром.

Они уже проделали некоторый путь, когда Колин зашевелился. Мальчишка начал что-то бормотать себе под нос, и Горди подсел к нему и держал за руку, пока Колин не сел, растерянный, не понимая, где он и с кем.

— Как ты себя чувствуешь?

Колин пожал плечами.

— Отключился. Где мы? Едем?

— У меня для тебя хорошие новости. Я поговорил с твоей мамой, и она сказала, что ты можешь поехать с нами и быть частью цирка. Она даже собрала чемодан с твоими вещами.

Горди указал на потрепанный чемодан, который положил под сиденье.

— Она сказала, что ты должен хорошо провести время, много работать и — когда будешь готов — выучиться на клоуна, как я.

Колин уставился на Горди, не совсем уверенный в правдивости услышанного. Он заметно обрадовался тому, что будет учиться клоунаде и поедет с цирком, но выглядел встревоженным.

— Ты уверен, что она так сказала, Горди? Потому что это не похоже на нее. Обычно она кричит — много — все время на меня. «Колин, принеси мне сигарет; Колин, выключи стиралку; Колин, тащи пиво!». На кого она теперь будет орать, если меня не будет рядом?

Горди подумал о последнем сохранившемся в его памяти образе мамы Колина, лежащей на кровати, как какая-то сломанная, окровавленная тряпичная кукла, и улыбнулся.

— Она и правда так сказала. Твоя мама извинилась, признала, что часто была груба, и хотела загладить свою вину, отпустив тебя.

Колин принял его объяснение без лишних вопросов.

— Думаю, именно поэтому мне хотелось бы быть клоуном. Тогда ведь никто не узнает, что я тупой? Под краской на лице я буду таким же, как все.

Горди кивнул.

— Обязательно, Колин, обещаю, обязательно.

И он твердо намеревался сдержать свое обещание. Горди бросил взгляд на Колина, который смотрел в окно. Его рот был слегка приоткрыт, и струйка слюны замерла на губах, готовая в любой момент скатиться. Он знал, что это лучшая идея, которая когда-либо приходила ему в голову.

Когда цирк наконец прибыл на пустырь в Манчестере, Колин снова крепко спал, прислонившись разгоряченной головой к прохладному стеклу окна. Горди оставил его, а сам пошел и отцепил фургон от грузовика. Утром, первым делом он собирался начать учить парня быть клоуном. Кроме того, он попытается заглушить жгучее желание в своей груди, требующее убить кого-нибудь еще, кого угодно. Неважно, кто это будет; если представится возможность, он ею воспользуется. А пока лучше сосредоточиться на том, что он любил, и научить Колина тому, что знал сам.

Следующие несколько часов прошли в хлопотах по разгрузке грузовиков и трейлеров. Звуки животных наполняли воздух вместе с руганью мужчин, которые работали не покладая рук. Чем больше они сделают сейчас, пока солнце еще не село, тем меньше придется доделывать завтра, когда оно будет палить сверху, обжигая кожу и заставляя потеть.

Колин и Горди присоединились к остальным, работая до седьмого пота. Колин чувствовал себя гораздо лучше, чем накануне вечером. Когда они закончили и вернулись в трейлер, чтобы помыться и поесть, Колин минут десять стоял перед костюмом клоуна Горди, висевшем над дверью маленькой спальни и все еще влажным.

— Почему он мокрый?

— Мне пришлось его постирать. Эти яркие огни на центральной арене заставляют тебя безумно потеть. Нехорошо быть вонючим клоуном. Детям это не понравится, правда?

Колин пожал плечами. Он указал на несколько пятен цвета ржавчины, которые Горди оттирал и отмачивал, но так и не смог удалить.

— Что это такое?

— Масло от генератора.

Горди отвернулся. У него возникло искушение сказать «кровь твоей матери», но он не стал. Колин мог взбеситься и начать кричать, если бы узнал, что эта нелюбящая, холодная, жесткая сука мертва.

— Я хочу есть.

— Черт возьми, я знаю, что так и есть. Господи, дай мне шанс, парень. Твоя мать верно говорила, что ты никогда не перестаешь есть.

Горди сделал паузу. Ему нужно постараться лишний раз не заводить разговор о маме Колина на случай, если тот решит, что больше не хочет быть в цирке и захочет вернуться домой.

— Хочешь примерить костюм, когда выпьешь чаю?

Колин улыбнулся. Все его лицо засветилось, когда он яростно закивал.

Соседи вызвали полицию в небольшой дом с террасой из-за вони, проникающей через щель в открытом окне. На место прибыл констебль, совершавший обход. Миссис Тернер — она работала на скотобойне — провела крупного, грузного мужчину к задней части дома и незапертой задней двери.

— Она открыта уже три дня, и все время болтается взад-вперед на ветру. Прошлой ночью она доводила меня до бешенства, хлопая каждые пять минут. Я послал нашего Бобби

сказать Колину, чтобы он разобрался, но Колина нигде нет, так что Бобби просто захлопнул дверь. Никто не видел парня с того дня, как цирк покинул город.

— И этот Колин живет здесь один?

— Нет, ему всего семнадцать, но мозги у него устроены просто. Да у него голова полна хлопающих дверей. — Она покрутила пальцем у виска. — Хотя его старая потаскуха мать должна быть неподалеку. Она ходит только в паб и обратно. Я не слышала, чтобы она кричала на Колина, а обычно она делает это каждые полчаса. Что-то не так. Из этого дома идет ужасный запах. Там явно что-то сдохло.

Констебль Йорк достал свою дубинку, проходя через старую, покосившуюся калитку, чтобы открыть заднюю дверь. Вонь разложения заполнила его ноздри, и он поперхнулся.

— Черт возьми, там точно что-то мертвое. — Он отступил назад.

— Я так и сказала. Разве вы не собираетесь войти и посмотреть?

Его румяные щеки значительно побледнели за последние тридцать секунд. Он кивнул.

— Да, полагаю, я должен. Подождите здесь.

— Можете не повторять это еще раз. Я не пойду внутрь. Отсюда и так ужасно воняет. Не могу представить, как плохо будет внутри. Бедный Колин, надеюсь, он в порядке.

Констебль достал из кармана носовой платок и закрыл им нос и рот, затем шагнул внутрь, отчаянно стараясь глубоко не дышать. На кухне было грязно — раковина забита невымытыми кастрюлями — и повсюду жужжали большие синие мухи. Он смахнул пару из них с дороги и прошел через гостиную к лестнице. Ступив на нижнюю ступеньку, Йорк услышал гудящий, вибрирующий звук и остановился, чтобы прислушаться.

Запах стал намного сильнее, и, что бы это ни было, ответ на вопрос ждал его там, наверху. Гудение становилось тем громче, чем выше констебель поднимался. Добравшись до верхней площадки, он огляделся, пытаясь понять, что является источником шума. На площадке оказалось три двери: две из них закрыты, а одна приоткрыта. Из щели в двери вылетела синяя муха, и Йорк направился сначала к ней. Вонь оттуда шла ужасающая, и у него свело живот.

Заставив себя двигаться, пока не оказался перед дверью, он приостановился и прислушался к гудению, которое здесь звучало гораздо громче. Он подумал, не включен ли внутри спальни какой-нибудь генератор, вызывающий этот шум. Толкнув дверь дубинкой, Йорк крикнул:

— Полиция!

И не смог больше вымолвить ни слова, когда понял, откуда исходил звук. Огромная черная извивающаяся масса на кровати копошилась и наполняла воздух.

Закричав как никогда громко за всю свою жизнь, констебль позволил двери захлопнуться и развернулся. Его рот наполнился горячей жидкостью, и он побежал вниз по лестнице. Через несколько секунд он оказался у задней двери, которую захлопнул за собой. Не в силах больше сдерживаться, Йорк согнулся вдвое и извергся в коричневый, увядший куст роз у задней двери. Горячая рвота хлынула во все стороны, а его ноги превратились в желе. Он протянул руку и с наслаждением ощутил, как холодная, влажная, шершавая кирпичная стена упирается в его ладонь, когда использовал ее, чтобы удержаться в вертикальном положении. Что это было, черт возьми?

— Что там? Что-то плохое? Колин в порядке?

Вопросы соседки начали проноситься в его мозгу, и Йорку казалось, что он смотрит на нее сквозь густой туман. Он собирался упасть в обморок. Нужно прекратить это немедленно.

Сержант вывернет ему кишки наизнанку, и встанит по первое число.

Появился маленький мальчик со стаканом воды, и дрожащей рукой констебль взял его, кивнув в знак благодарности. Выпив холодную жидкость одним глотком, чтобы освежить рот и выйти из почти пьяного ступора, он взглянул на миссис Тернер, которая наблюдала за ним, положив руки на бедра.

— Я не знаю, что это было — слишком много. — Его снова затошнило. Йорк никогда больше не сможет выбросить этот образ из головы. Эти синие мухи пировали на том, что или кто бы там ни лежал и гнил на кровати.

— Нужно, чтобы мой сержант пришел и посмотрел.

— Бобби, займись чем-нибудь полезным, вместо того, чтобы таращиться на констебля. Сбегай в участок и скажи кому-нибудь из начальства, чтобы немедленно приехали.

Мальчик, один из тех, кто дразнил Колина в первый день приезда цирка в город, бросился бежать. Он испугался за своего друга. В тот день они обошлись с Колином грубо, и он боялся, вдруг с ним случилось что-то плохое.

К тому времени, когда он вернулся с сержантом и инспектором, констебль Йорк уже взял себя в руки. Его ноги уже не так тряслись, и он старался стоять прямо. Сержант, весьма сварливый ублюдок, посмотрел на него.

— Спасибо за беспокойство, мадам. У нас все под контролем. Если вы будете так любезны вернуться в дом, мы сделаем все, что нужно.

Рита Тернер поворчала, покачала головой и пошла к своему дому. Она посмотрела на Йорка и пробормотала:

— Посмотрим, насколько все будет под контролем, когда он войдет в дом.

Она подмигнула ему, и он улыбнулся. Затем исчезла на задней кухне, и он услышал ее крик:

— Бобби, быстро иди сюда! Пусть копы разбираются с этим.

Бобби, который подглядывал через забор, повернулся и побежал к задней двери, пока мама не втащила его внутрь и не отвесила подзатыльник.

Несколько часов позже в заднюю дверь Риты постучали, и она открыла ее, обнаружив констебля Йорка, который выглядел гораздо лучше, чем в последний раз, когда они с ним встречались.

— Я могу войти, Рита? Мне нужно поговорить с вами и Бобби.

Она отошла в сторону, пропуская его внутрь.

— Есть какие-нибудь новости?

Он огляделся, чтобы понять, нет ли где Бобби.

— Все в порядке. Он пошел поиграть в парк со своими друзьями. Я велела им держаться подальше от дороги пару часов.

— Хорошо. Ну, да, появились новости. В задней спальне лежит тело. Оно сильно разложилось, поэтому трудно сказать, но мы думаем, что это, вероятно, Марджери Листер.

Рита кивнула.

— Что насчет Колина?

— Никаких следов. Мы осмотрели его спальню, дверцы шкафа и комода были открыты. Похоже, что он собрал свои вещи и в спешке покинул дом. Вы не знаете, куда он мог пойти?

Рита покачала головой, когда Бобби ворвался в дверь.

— Я знаю где он, мам.

— Нет, черт возьми, не знаешь, маленький врунишка. Откуда ты можешь знать, где он и кто просил тебя уже возвращаться?

— Все знают где он, — сбежал с цирком. Никто не видел его с тех пор как цирк покинул город.

Йорк, деловито записывавший все это, поднял глаза на Бобби.

— Понятно — а ты знаешь, когда цирк уехал из города?

Он начал подсчитывать на пальцах.

— Воскресенье, суббота, пятница. Вечером в четверг ни показали последнее представление. Потом все разобрали и уехали, да в пятницу утром. — Бобби скрестил руки, улыбаясь своей маме.

— Тебе лучше не врать, а то получишь за это, когда твой отец вернется домой.

— Я не вру. Клянусь, нет. Колину нравилось в цирке. Он все время болтался с этим клоуном по имени Тафти.

— Спасибо, Бобби, ты очень помог. Нам нужно найти Колина и убедиться, что с ним все в порядке, а также расспросить о его маме.

Рита покачала головой.

— Это ужасно, правда. Она была... Бобби, закрой уши или вернись на улицу.

Бобби поднял руки и закрыл уши, бросившись к выходу.

— Ну, я не люблю говорить плохо о мертвых, но она была спившейся шлюхой, которая переспала бы с кем угодно за пачку сигарет и сидр. Бедному Колину, наверное, гораздо лучше без нее.

— Понимаю, но мы должны ему сообщить. Мы не знаем, жив он или мертв. Пока не выясним, необходимо разобраться, что произошло, а он мог быть последним, кто видел ее живой.

Рита вздохнула.

— Наверное, да, бедный парень. Даже если он сорвался и убил ее, я ни капельки его не виню. Она превратила его жизнь в сущий ад.

Йорк кивнул, не уверенный, что должен соглашаться с тем, что женщина заслуживает смерти, потому что она оказалась никудышной матерью. Вокруг хватало таких. Черт, если бы трупы начали появляться из-за этого, не хватило бы кладбищ, чтобы их всех похоронить.

— Ладно, я пойду. О, а вы не знаете, как назывался тот цирк? Или куда он мог отправиться?

— Дорогой, я понятия не имею. Я лично не разделяю их взглядов, держать этих прекрасных диких животных в неволе. А вот дети у входа смогут тебе рассказать. Они, черт возьми, не могли оторваться.

Глава 11

Энни почувствовала, как кровать скрипнула и матрас просел, когда Уилл забрался в постель рядом с ней. Запах лимонного геля для душа и мятной зубной пасты наполнил ее ноздри. Она повернулась к нему лицом.

— Почему ты так долго? Я ждала.

Уилл притянул ее к себе.

— Ты хоть представляешь, как далеко мы живем от Барроу, когда мне нужно срочно попасть к тебе домой?

Она засмеялась.

— Да, веришь или нет, но представляю. Как ты себя чувствуешь?

— Почти человеком — это был долгий день. Адель очень помогла, хотя мне немного не по себе, потому что в итоге я бросил ее в самую гущу событий.

— Все еще не хватает персонала?

Уилл поцеловал ее в губы, что означало конец разговора о работе. Когда Энни оторвалась от мужа, то задыхалась.

— Рада видеть, что у тебя все еще есть это.

— Что?

— Способность оставлять меня бездыханной.

Уилл притянул ее еще ближе, и она закрыла глаза, когда он начал нежно целовать ее горло.

В своем сне Энни находилась в замкнутой тюремной камере. Она огляделась вокруг, в ее груди застыл панический страх, дыхание сбилось. Неподалеку от себя она слышала мужской голос, который молился. Сквозь решетку Энни увидела очертания незнакомого священника. Она знала, что это не отец Джон, потому что голос, читающий молитву из черной Библии, звучал по-другому. Рядом с ним стояли два тюремных охранника. Что она делала в тюрьме? Охранник, стоявший слева, открыл дверь камеры, и она бросилась к нему, радуясь, что ее выпускают. Но он схватил ее, заведя руки за спину. Энни почувствовала холодный, кусачий металл, когда на ее запястьях защелкнулись наручники.

«Что вы делаете? Отстаньте от меня. Почему я здесь? Мне нужен адвокат. Я женщина-полицейский, а не преступник».

Ее мольбы остались без внимания, и теперь Энни тащили в комнату, расположенную прямо за камерой, в которой она находилась раньше. Она не понимала, что сейчас произойдет, пока ей на голову не надели мешок, закрыв обзор. На шею накинули толстую грубую веревку. Энни начала биться, пытаясь освободиться из рук своих тюремщиков. Раздался сильный грохот, когда люки прямо под ее ногами открылись и разбились о стены тюрьмы.

Она очнулась прежде чем упала в темное пространство под ногами и задохнулась на конце петли палача. Энни резко села в постели, не в силах дышать. Горло сдавило, как будто ее действительно душили. Мокрые от пота волосы прилипли к голове. Подняв дрожащую руку, она потрогала шею, чтобы проверить, все ли с ней в порядке. Уилл открыл глаза и включил прикроватную лампу. Он уставился на Энни.

— Плохой сон?

Она кивнула, не веря своему голосу. Почему ей снилось, что ее казнят?

— Хочешь поговорить об этом?

Он погладил ее по спине своей теплой рукой, но Энни почувствовала себя плохо и отстранилась от него. Ей нужно прийти в себя. Это не просто сон. Ей казалось, что она по-настоящему пережила это и вот-вот умрет. Она встала и прошептала.

— Нет, спасибо, спи дальше. Мне просто нужно попить.

Уилл лег обратно, закрыв глаза. Почти сразу же раздался легкий храп. Энни позавидовала его способности так быстро засыпать, несмотря ни на что. Пораженная тем, что ее голос все еще работает и голосовой аппарат не раздавлен, как во сне, она пошла в ванную, где плеснула холодной водой на лицо. Ее руки все еще дрожали, когда она брала

полотенце, чтобы вытереть лицо насухо.

Включив свет, Энни осмотрела свою шею. На ней не обнаружилось никаких следов или синяков, но она все равно испытывала боль. Возможно, у нее болело горло, а ее беспокойные мысли превратили это в кошмар.

Энни спустилась вниз за стаканом ледяной воды. Она не могла отделаться от ощущения, что на нее надвигается какая-то неминуемая гибель, что просто смешно. «Возьми себя в руки, женщина. Это всего лишь дурной сон, а не конец света. Кроме того, в Англии перестали вешать людей в 1964 году, так что прекрати».

Энни вернулась наверх и забралась в кровать рядом с Уиллом. Она не стала прижиматься к нему, потому что сомневалась, что снова заснет, и не хотела его сильно беспокоить. Взяв телефон, она проверила, нет ли пропущенных звонков от Лили. Экран оставался пустым.

Закрыв глаза, она попыталась отгородиться от ужаса страшного сна, но он никак не хотел уходить. Картинка стояла перед глазами в ярких красках: грязно-серые стены камеры, жесткий матрас с шерстяным серым одеялом на низкой, тесной кровати. Она даже почувствовала запах веревки, которую накинута ей на шею, а затем затянули. Энни лежала на боку и смотрела, как поднимается и опускается грудь Уилла, надеясь, что это окажет гипнотическое воздействие и она снова уснет.

Вибрация будильника на телефоне Уилла разбудила ее, и она удивилась, что заснула, и обрадовалась, что ей больше не приснилось никаких кошмаров. Уилл застонал, Энни наклонилась и поцеловала его.

— Сегодня у тебя хотя бы нет похмелья, и ты можешь идти бороться с преступниками с ясным умом.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Я бы предпочел остаться здесь с тобой. Это гораздо спокойнее.

Она засмеялась.

— Правда? Обычно ты так не говоришь — и смотрите-ка, ты рад меня видеть?

Энни указала на его обтягивающие черные трусы-боксеры.

— Я всегда рад тебя видеть.

— Чушь, тебе нужно в туалет. Ты меня не обманешь, Эшворт. Приходи после, и мы увидим, насколько ты рад.

Она вскочила с кровати, прежде чем Уилл успел притянуть ее обратно. Его телефон начал вибрировать.

— Черт возьми, лучше бы они беспокоили кого-нибудь другого. Почему всегда кажется, что я один на связи?

— Потому что ты очень ответственный, и конечно, ты лучший детектив во всей Камбрии, благодаря моей помощи.

Он спустил ноги с кровати. Отвечая на звонок, Уилл пробормотал:

— Я бы предпочел, чтобы ты больше мне не помогала.

Энни толкнула его в спину и оставила разговаривать по телефону. Она не хотела знать, о чем шла речь. Таким образом она избегала какого-либо участия со своей стороны.

В горле пересохло, и оно все еще было болезненным. Энни пошла в ванную, чтобы проверить, не образовался ли за ночь синяк. К своему облегчению, синяка не было ни черного, ни синего. Она не знала, как объяснить бы его Уиллу, а он бы только разволновался. Он предпочитал, чтобы в их жизни не случалось никаких драм психического

характера.

Энни спустилась вниз и открыла холодильник, доставая яйца, бекон, грибы и помидоры для Уилла. Заняв себя делом, она начала готовить яичницу и жарить все остальное. В животе у нее заурчало. Подумав, что после этого ужасного сна у нее пропадет аппетит, она удивилась, когда наложила две огромные порции завтрака.

Уилл появился в своем угольном костюме с белой рубашкой и серым пятнистым галстуком. Он всегда элегантно одевался на работу. Энни нравилось это в муже. Он тщательно следил за своим внешним видом. Она могла по пальцам одной руки пересчитать количество случаев, когда его вызывали на работу, а Уилл приходил в повседневной одежде.

— Выглядишь чертовски сексуально. Я люблю, когда ты в костюме. Он творит чудеса с моими гормонами.

Уилл начал смеяться.

— Ты знаешь, они все так говорят.

Энни подняла журнал, который оставила на барной стойке, и бросила его в Уилла.

— Все еще думаешь, что ты охотник на дам, а?

— Мне бы хотелось думать, что да, но я смотрю только на тебя и не уверен, что охотник на дам — подходящий термин. Скорее, просто лихой красавчик.

Энни поперхнулась кофе, который только что отпила, и Уилл пересек комнату, чтобы погладить ее по спине. Он наклонился к ее уху и прошептал:

— Ты ведь знаешь, что те дни давно прошли? Я чувствую себя старым и дряхлым, и уверен, что сегодня у меня больше морщин, чем вчера. Но тебе еще долго не придется об этом узнать, потому что ты слишком молода, чтобы беспокоиться о морщинах и усталости. — Он поцеловал ее в щеку.

— Для меня ты никогда не будешь выглядеть старым, и плевать, даже если потеряешь все волосы и у тебя будет тысяча морщин.

Он сел завтракать, и Энни изо всех сил старалась не спрашивать, но не смогла остановиться.

— Стоит ли спрашивать, кто звонил по телефону, или лучше не знать?

— Прошлой ночью произошла серьезная поножовщина. К счастью, парень — который, честно говоря, заслужил это, судя по тому, что я о нем слышал — сегодня утром стабилен, и похоже, идет на поправку. Но все стало намного проще благодаря его подруге. Мы арестовали ее после того, как ударили электрошокером за то, что она напала на офицеров с ножом. Час назад она сделала полное и чистосердечное признание. Так что все практически решено. Надеюсь, судья изучит прошлое и примет все детали во внимание. Я уже думал, что мы будем весь день заниматься этим делом, а также поиском убийцы Полины Кук.

— Есть зацепки?

— Не совсем. Из того, что мы знаем, она не слишком общительный человек. Единственное, что она делала, это посещала хоспис два раза в неделю, чтобы посидеть с пациентами и дать их семьям передышку. Похоже, она принадлежала к числу хороших людей.

— Какое несчастье. Это ужасно; да благословит ее Господь. Надеюсь, вы скоро найдете убийцу.

Энни хотела рассказать ему о своем сне, о своих мыслях о том, что есть какая-то связь между сном о доме Полины и ее убийством, но не стала. Вместо этого она молчала, пока Уилл заканчивал завтрак, ставил тарелку в раковину и наклонялся, чтобы поцеловать ее в

щеку.

— Увидимся позже. Я не знаю, во сколько, если честно. Я, наверное, задержусь, потому что хочу, чтобы сегодня все прошло как можно лучше и кого-нибудь арестовали до того, как случится что-нибудь еще.

Энни улыбнулась мужу, дождавшись, пока захлопнется входная дверь, и вздохнула. Что ей делать целый день? Тут ее телефон пискнул, и она посмотрела на него, улыбаясь.

«Альфи в порядке, был хорошим мальчиком. Он играет со своим дедушкой, так что я привезу его домой около часа, если ты не против? Хх»

«Хорошо и спасибо. Это замечательно хх».

Сделав себе кружку свежего кофе, Энни вошла в маленькую комнату, оборудованную как домашний офис. Первым делом она начала искать в Интернете какие-нибудь новости о Полине Кук. Энни хотела расспросить Уилла о случившемся, но побоялась, вдруг он подтвердит то, что она видела. Может быть, сегодня вечером она так и сделает. Действительно ли она видела фигуру клоуна или все это просто дурной сон?

О Полине Кук ничего не было известно, кроме газетных сообщений о смерти. У нее не имелось ни страницы в Фейсбуке, ни аккаунта в Твиттере. В местной газете сообщалось, что она помогала в хосписе и получила букет недели от сотрудников больницы. Энни почувствовала, что ее глаза начинают заплывать горячими солеными слезами. Что Полина сделала, чтобы заслужить такую смерть? Что это было? Какая связь с человеком в костюме клоуна?

Она представила его в своем воображении. Костюм не походил на те, что носят современные клоуны. Он выглядел почти выцветшим, а белые полосы пожелтели, как будто материал очень старый. Где можно найти старинный костюм клоуна? Энни искала на eBay, но там предлагались только дешевые маскарадные костюмы. Целые страницы. Этот материал выглядел так, словно был дорогим — возможно, шелк или плотный атлас. А не какой-то дешевый, тонкий, плохо сшитый костюм.

Чувствуя себя разочарованной, она пошла за печеньем. Поедая заварное печенье, Энни набрала в поисковике «винтажные клоуны» и наблюдала, как перед ней загружается страница с изображениями. Там было много черно-белых фотографий различных клоунов. Когда она прокрутила страницу вниз, появился один в костюме, очень похожем на тот, который ей приснился.

Нажав на изображение, Энни почувствовала, как ее пальцы вцепились в мышь, пока читала заголовки: «Клоун-убийца Тафти приговорен к смерти». Она щелкнула по следующей ссылке, и огромный черно-белый новостной заголовок заполнил экран с зернистой черно-белой фотографией страшного на вид клоуна, которого поймали в бегах. На нем был точно такой же костюм, как у убийцы в доме Полины Кук.

Волосы на ее руках встали дыбом. Тафти убил мать подростка, с которым подружился, а также своих собственных родителей. Жив ли он еще? Наверняка нет. Если бы был жив, то до сих пор сидел бы в тюрьме. Энни посмотрела на дату: 1950 год. На фотографии мужчина без грима выглядел таким молодым и испуганным. Энни содрогнулась при мысли обо всем этом. Она набрала в поисковике «Повешение Тафти» и ужаснулась, когда появились заголовки.

Присяжные признали его виновным, и через тридцать дней после поимки он был повешен в тюрьме Стренджвейс в Манчестере. Она сложила руки вместе, как будто собиралась помолиться, и отодвинула стул от компьютера. Должна же существовать какая-

то связь. Сегодняшний сон — она была там, в тюремной камере, и ее собирались повесить, пока Энни не проснулась. Боже правый, она не хотела, чтобы ее преследовал жуткий клоун-убийца.

Отправив сохраненные страницы в принтер, Энни подождала, пока они выйдут, затем сунула их в одну из папок с бумагами в ящике стола. Она должна рассказать Уиллу. Это может быть очень важно для его дела. Единственное, что останавливало Энни, это выражение его лица, когда она это сделает. Он будет так расстроен тем, что она опять связалась в дело. Хотя это не ее вина. Что ей еще оставалось?

Впервые за несколько месяцев Энни вспомнила о Дерекке Эдмондсоне, экстрасенсе, который первым рассказал о предупреждениях с той стороны, когда три года назад ее жизнь пошла под откос. Она размышляла, стоит ли ей попытаться поговорить с ним. В последнюю их встречу они боролись за свою жизнь с Генри Смитом в некогда красивом викторианском особняке, который Джейк прозвал Домом призраков.

У нее в кармане зазвонил телефон, и Энни подскочила. Если бы это и правда оказался Дерек, она бы потеряла сознание от шока. На экране высветилось имя Джейка, и она впервые за час улыбнулась.

— Привет.

— Доброе утро, моя веселая малышка. Как дела?

— Эм-м, я в порядке, полагаю. А что?

— Да просто так. Я один в фургоне, и мне скучно до безумия. Ты знаешь, что это за новая политика, которая, как по мне, полное дерьмо?

— Нет, не знаю, но уверена, ты меня сейчас просветишь.

— Один человек в экипаже, один, черт возьми, всегда. Как это отвратительно скучно. Даже не могу найти оппэшников, потому что им всем сказали то же самое. Нет смысла возвращаться на работу, правда, если мы не сможем работать вместе?

Энни рассмеялась.

— Это ужасно. Ты сойдешь с ума в одиночку за десять часов. У тебя найдутся свободные полчаса? У меня небольшая проблема, которую должен решить милый дружелюбный полицейский, если ты свободен?

— Не уверен, что твой муж будет так уж согласен, чтобы я решал твои маленькие проблемы, миссис Эшворт. Сколько раз я уже говорил тебе, что занят?

— Джейкоб, у тебя грязные мысли, вымой свой рот водой с мылом.

— Я лучше выпью кофе из той шикарной кофемашины, которая пылится у вас на кухне. У тебя есть пирожные?

— Нет, но поскольку я так тебя люблю, схожу в деревню и куплю немного в кафе. Или ты можешь просто встретиться со мной там. Я давно не видела Джо. Было бы здорово поболтать.

— Ну раз ты так говоришь, только бы сварливая Кэти не догадалась, что я задумал. У нее сегодня прямо-таки скверное настроение: то ли они с Кавом рассорились, то ли она голодна.

— Брось ей «Сникерс», а еще лучше, отнести кусочек свежего кремowego торта, и она сразу повеселеет.

— Боже, как я скучаю по работе с тобой. Это просто блестящая идея. Мы такая замечательная команда!

— Да, это так. Как думаешь, через сколько ты придешь?

— Если никого не убьют — через полчаса.

— До скорой встречи.

Энни закончила разговор, радуясь, что есть чем отвлечься от затруднительного положения, в которое она снова попала.

Комната для брифингов оказалась переполненной. Уилл порадовался, что главный суперинтендант сидит сзади, уткнувшись в свой телефон, а не стоит на переднем плане, приковывая к себе всеобщее внимание. Возможно, их небольшая размолвка выбила его из колеи — какова бы ни оказалась причина, сейчас это не имело значения. Важно найти убийцу Полины Кук. Уилл встал перед рядами детективов и офицеров, назначенных в его команду.

— Так, давайте начнем. У нас нет ни близких родственников, ни недовольных бывших бойфрендов, ни даже нынешнего бойфренда, если быть точным. Так что все указывает на убийство незнакомцем, которые, как мы все знаем, труднее всего раскрыть. Необходимо понять, почему именно ее он выбрал в качестве жертвы.

Поднялась рука.

— Так мы знаем, что это он?

Уилл покачал головой.

— Не точно, это просто оборот речи, Брэд. Мы видели свою долю жестоких женщин, поэтому точно знаем, на что они способны. — В голове Уилла промелькнули воспоминания о том дне в доме у озера в прошлом году, когда Меган вонзила нож ему в почку и чуть не убила. В комнате воцарилась тишина, все ждали продолжения. Он поднял кружку с кофе и сделал глоток, что дало ему несколько секунд, чтобы собраться с мыслями. Все взгляды устремились на него.

— Брэд, продолжай просматривать записи с камер видеонаблюдения, которые Адель получила вчера. Адель, ты и я пойдем и поговорим с персоналом хосписа и соседкой, которая кажется самой близкой подругой Полины. Пол, ты и остальные члены поисковой группы можете еще раз осмотреть дом, когда криминалисты закончат. По словам соседки, не похоже, что в доме что-то украли, но нужно проверить, не пропустили ли мы чего-нибудь. Может, под половицами в ванной комнате спрятана пачка денег?

Хор «Да, босс» эхом разнесся по комнате. Уилл знал, что они хватаются за соломинку, потому что в этот самый момент у них ничего нет. Ни улики, ни связей, ни неудачных романов. Он надеялся, что отчет о вскрытии тела Мэтта что-то покажет, или что взятые образцы для экспертизы приведут к совпадению.

Им нужно чертово чудо, потому что на них начали давить. Чем больше времени уйдет на то, чтобы найти какие-улики или связи, тем сложнее будет поймать убийцу. Что действительно беспокоило Уилла, так это мысль о возможном появлении в их округе еще одного серийного убийцы, и это наводило на него ужас. Пол вышел в центр комнаты, чтобы проинструктировать свою команду, а Уилл отошел в сторону. Его телефон завибрировал в кармане, и он вытащил его. Увидев имя Мэтта, он отошел к двери и извинился.

— Доброе утро, Уильям. Как дела?

— Доброе утро, Мэтт. Будут намного лучше, если ты скажешь, что вчера после нашего отъезда нашел улики и знаешь, кто это сделал.

— Ах, если бы. Я размышлял о ранах на теле. На самом деле, я не думал ни о чем, кроме

травм Полины Кук. Уверен, что тот, кто это сотворил, был «убийцей-девственником». Прежде он ничего подобного не делал, по крайней мере, в отношении другого человека.

— Почему?

— Многие раны были... Я не знаю, как лучше это объяснить. Они выглядели неряшливо. Они не были ровными, как это сделал бы тот, кто точно знает, что делает. Полагаю, убийца был очень напуган и нервничал, настолько, что его руки могли дрожать при каждом новом ударе ножом.

— Так это было его первое убийство?

— Ну, сам понимаешь, я не могу подтвердить это официально. Не возьмусь утверждать, что он не убивал на другом конце страны. Это скорее между нами. Я думаю, что убийца изначально сильно испугался и, возможно, до сих пор очень боится того, что сделал. И еще мне кажется, чем больше он сидит и думает об этом, тем больше отвращение и ужас перерастают в желание сделать это снова. Думаю, что он опять решится на убийство. Не для протокола, конечно.

Уилл вошел в свой кабинет и закрыл дверь. Сев за свой стол, он вздохнул.

— Похоже, ты прав, Мэтт. Я не могу понять, в чем дело, но не думаю, что он остановится на этом. На данный момент у нас нет ни мотивов, ни подозреваемых. Возможно, пройдет какое-то время, прежде чем он найдет другую жертву и наберется смелости, чтобы сделать это еще раз. Но ведь мы оба предполагаем, что он убьет снова. Дерьмо.

Уилл облокотился на стол, положив голову на одну руку, чтобы поддержать ее, а другой прижал телефон к уху.

— Нам нужно выяснить, откуда он знал Полину. Как он попал в ее дом? Нет никаких явных признаков взлома. Все окна и двери были закрыты.

— Откуда уверенность, что она не оставила окно открытым? На прошлой неделе вечера стояли теплые. Он мог пролезть через него, подождать ее и уйти через переднюю или заднюю дверь.

— Я попрошу поисковую группу еще раз проверить все оконные рамы. Спасибо, Мэтт.

— Не за что. Для этого я здесь и нахожусь. Как Энни и ребенок?

— Хорошо, точнее, оба отлично. Если она не будет вмешиваться в это и любое другое дело об убийстве до конца наших дней, у нас все будет чудесно.

Мэтт рассмеялся и закончил разговор. Уилл посмотрел через стеклянную перегородку на доску, где фотография Полины Кук висела приклеенная куском клейкой ленты. Тот, кто ее клеил, даже не потрудился убедиться, что все ровно. Уилл вышел, чтобы отклеить фото и прикрепить его обратно гораздо ровнее. Все дело в уважении.

Он стоял перед фотографией Полины, глядя в добрые зеленые глаза. Если она никуда не выходила и не имела много друзей, а единственным местом ее работы был хоспис, то, должно быть, именно там она встретила своего убийцу. Голос в его голове прошептал: «или в автобусе, в магазине на углу, в Теско, на заправочной станции. Она могла встретить его где угодно». Уилл вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и снова сел. Адель постучала, и он пригласил ее войти.

Она вошла и закрыла за собой дверь.

— Доброе утро, ты в порядке?

Он кивнул.

— Я думаю, нам нужно поговорить со всеми сотрудниками хосписа, с кем только

можно. Нам нужен список всех семей, с чьими умирающими родственниками она сидела, и всех сотрудников. По крайней мере, тогда Шона сможет проверить их всех по системе и посмотреть, не вызывает ли кто-нибудь опасений, не привлекался ли раньше.

— Возможно, это рассерженный член семьи. Может быть, она посоветовала им отдохнуть, а пациент умер, пока их там не было.

— Не исключено. Стоит поискать в этом направлении. Хотя разве скорбящий родственник мог настолько разозлиться, что пошел бы и убил доброго самаритянина за то, что тот лишь пытался помочь ему пережить страдания?

— Уилл, ты знаешь не хуже меня, что нет ни смысла, ни причины для такого ненужного насилия. Люди могут взбеситься из-за малейшей мелочи. Пойдем, я куплю тебе приличный кофе, если ты направишь меня в ближайший «Коста» по дороге. В холодильнике нет молока, а Брэд дуется, потому что сказал, что твоя очередь принести.

Это его развеселило, и Уилл улыбнулся.

— Жесть, я совсем забыл. Брэд — большой мальчик. Теперь он может переходить дорогу и ходить в супермаркет «Асда» без взрослых. Но я не откажусь от нормального кофе.

Глава 12

Уолтер сидел в своей комнате и проклинал пару, которая жила над ним. Из-за их неспособности нормально относиться друг к другу полицейские теперь знали, кто он такой. Они знали его имя и адрес. «Что еще они знают, Уолтер? Знают ли они, что ты натворил?» Голос из другого конца комнаты прозвучал громко и отчетливо. Уолли даже не взглянул на клоунский костюм, надеясь, что если проигнорирует его, голос замолчит.

Уолтер встал и начал вышагивать, пытаясь успокоиться. Он слишком остро реагировал. Копы ведь ничего не знали о нем и о том, что он сделал? Как они могли? У него никогда не было проблем с полицией, хотя случалось, что из-за шизофрении он едва не попадал в участок. Но он всегда принимал лекарства, как хороший мальчик, чтобы не сойти с ума.

Он украдкой взглянул на костюм. «Тогда почему ты слышишь голоса, звучащие из него?» Уолли пожал плечами. Ничто не связывало его с Полиной. Кроме хосписа, где он навещал свою бабушку и доброты Полины по отношению к ней. «Да, Уолтер, о чем ты только думал? Как ты мог так поступить с прекрасной женщиной, единственным преступлением которой было желание помочь?»

Уолтер поднял руки к ушам, закрывая их и пытаясь заглушить голос бабушки в своей голове. Она будет так разочарована им. Он увидел свое отражение в маленьком, потрескавшемся зеркале на комодике и отвернулся. Не хотел смотреть на себя. Он словно опозорился. Уолли чувствовал, как волна гнева поднимается в его груди.

Он сделал это, потому что так правильно. Она ведь все равно умрет, верно? Он просто протянул ей руку помощи, избавил от долгих месяцев страданий.

Когда этот жирный, уродливый ублюдок сверху вернется домой из больницы, Уолли прикончит и его, закончит дело глупой девчонки, ведь из-за него он влип в это дерьмо. Сосед сверху еще один бесполезный мудака, и Уолтер сделает одолжение всему миру, избавившись от него. Это послужит ему уроком.

Он только надеялся, что соседа выпустят из больницы до того, как копы поймут, что Уолли убил Полину, потому что он собирался насладиться убийством этого ублюдка, избивающего жену. Посмотрим, каким большим и крутым он окажется, когда над ним склонится шестифутовый клоун с огромным разделочным ножом. Посмотрим, будет ли он просить прощения. Уолтер почувствовал, как гнев и ярость берут верх, заглушая чувство

вины, которое терзало его тело. Он чувствовал, как стыд уходит.

Так намного лучше. То, что он сделал, уже свершилось. Может быть, он сможет чувствовать себя не так плохо после убийств придурков — и если этот ублюдок Джеко не заплатит ему завтра, то окажется следующим в списке. Уолтер так сильно разозлился, что чувство вины исчезло совсем.

Он посмотрел на костюм клоуна и еще раз задался вопросом, кому тот принадлежал. Возможно, этот костюм вызывает одержимость. В детстве Уолли смотрел бесчисленные повторы «Сумеречной зоны» и «Внешних пределов». Там всегда показывали истории о том, как вещи, принадлежавшие людям, совершившим ужасные поступки, передавались или покупались невинными людьми и превращали их в убийц.

Уолтер не сомневался, что тот, кто носил этот костюм, не похож на счастливого клоуна, выступающего на арене цирка. Нет, он точно знал, что человек, одевавший этот костюм, был злым. Он уже немного жалел, что вообще взял его домой и примерил. Казалось, костюм властвует над ним; возможно, ему следовало бы избавиться от него, но Уолли не хотел — по крайней мере, пока.

Посмотрим, как пойдут дела. Оставалось надеяться, что полиция не станет его искать. Он действовал осторожно. Его никогда в жизни ни за что не арестовывали; его ДНК нет ни в одной базе данных — как и отпечатков пальцев. Им придется потрудиться, разыскивая его. Впервые за несколько часов Уолтер улыбнулся, чувствуя себя намного лучше.

Сняв костюм с вешалки, он разделся до трусов и шагнул внутрь. Костюм ощущался как вторая кожа и, казалось, прилипал к нему, сливаясь, становясь с ним единым целым. Уолли сел в кресло в костюме клоуна и начал раскачиваться взад-вперед, лелея гнев, который грозил рассеяться и оставить его с тяжелым грузом вины.

Энни забрала свой телефон с зарядки на столе. Теперь она взяла за правило никуда не выходить без полностью заряженного телефона. Сколько раз он ей требовался, а батарея была разряжена? Она наклонилась, чтобы выключить розетку, и почувствовала, как ледяной холодный поток воздуха прошелся по шее, заставив все крошечные волоски встать дыбом и задрожать.

Она замерла. Это ее дыхание или кто-то стоял за спиной? Температура определенно упала. Заставив себя выпрямиться, она обернулась, ожидая увидеть кого-то рядом. Но все же была одна, и стало так холодно. Выдохнув, она увидела перед глазами белый туман. Энни вытянула руку перед собой. Притворившись, что не дрожит и что может справиться с этим, она провела рукой по холодному участку. Поводила рукой из стороны в сторону. По обе стороны от пятна оказалось тепло. Только область прямо перед ней ощущалась холодной.

— Кто ты и что тебе нужно?

Неважно, сколько раз происходили подобные случаи, они все равно пугали Энни, пока она не узнавала, с кем имеет дело.

Воздух словно наполнился статическим электричеством.

— Если хочешь, чтобы я помогла тебе, придется сказать, кто ты, или хотя бы показать себя.

Если бы она могла пнуть себя, Энни бы это сделала. Как будто она только что пригласила того, кто это был, чувствовать себя здесь как дома. Напряжение в комнате достигло такой степени, что она подумала, не случится ли что-то ужасное. Волна

беспомощности нахлынула на нее, а затем исчезла. Температура поднялась так же быстро, как и упала, и все снова стало казаться нормальным. Энни огляделась вокруг, надеясь, что в доме нет никого чужого, а затем побежала к входной двери и распахнула ее с такой силой, что в гладкой оштукатуренной стене образовалась выбоина.

«Дерьмо. Что мне сказать Уиллу? Извини, дорогой, у нас появился еще один призрак, который, как оказалось, немного застенчив. Но не волнуйся — как только он представится, мы сможем тусоваться все вместе». Она пошла к своей машине, не решаясь оглянуться на дом. Меньше всего ей хотелось увидеть в своем доме тень совершенно незнакомого человека.

Не обращая внимания на трясущиеся руки, пока она вставляет ключ в замок зажигания, Энни все же завела машину. Нажав кнопку вызова на руле, она решила, пора позвонить Дереку Эдмондсону и узнать, сможет ли он ей помочь. Телефон загудел в динамиках, наполняя всю машину звуками его голоса.

— Алло.

Энни задумалась. Должна ли она втягивать его в это? Разве она не причинила ему достаточно душевной боли в прошлом? Да, причинила, но она должна удостовериться, что ее дом безопасен для Альфи. Она не могла подвергать риску самое дорогое, что есть в ее жизни, и знала, Дерек все поймет. Кроме того, ей нужен только его совет. Она не ожидала, что он придет и все решит за нее.

— Дерек, это Энни Грэм. Как дела?

— Энни, как ты, моя дорогая? Все еще гоняешься за преступниками?

В душе Энни поселилось чувство вины. Она не удосужилась рассказать ему об Альфи, в то время как была беременна, и вот теперь ждет, что он придет ей на помощь.

— Я в порядке, спасибо. У меня родился ребенок. Ну, он уже не такой крошечный, ему восемь месяцев.

— Боже мой, неужели мы так давно не разговаривали? Это прекрасная новость, поздравляю вас обоих. Я читал о побеге того ужасного человека, но только после того, как все закончилось, и он погиб. Я был в больнице; со здоровьем у меня не очень хорошо. Мое старое сердце немного напугало меня, но я иду на поправку и очень скучаю. Моя сестра не разрешает мне делать что-либо напряженное, а это включает в себя большинство моих любимых занятий.

Энни услышала на заднем плане бормотание его сестры и улыбнулась.

— О, Дерек, мне так жаль слышать, что вы плохо себя чувствуете. Почему вы не сообщили мне? Я бы навестила вас в больнице.

— Именно поэтому я и не сказал. Ты очень занятая женщина, а сейчас тем более. Тебе не нужно беспокоиться о таком старом прохвосте, как я.

Энни чувствовала себя ужасно и решила, что не будет даже упоминать о своем доме и о том, что только что произошло. Что бы это ни было, ей придется разбираться с проблемой самой.

— Скажи лучше, тебе нужна моя помощь в чем-нибудь?

— Нет, я хотела просто поболтать и узнать, как вы.

— Ну, это очень мило с твоей стороны. У меня все хорошо, и я рад слышать, что у тебя тоже.

— Да, спасибо. Тогда я пойду. В следующий раз не буду так долго ждать, и, пожалуйста, не стесняйтесь звонить мне, если что-нибудь понадобится. Я все еще нахожусь в декретном

отпуске и очень скучаю, так что всегда могу прийти и навестить вас.

— Это было бы замечательно. Спасибо, Энни. О, и Энни, прежде чем ты исчезнешь если тебе понадобится, я здесь. Ты ведь знаешь это?

— Знаю. Спасибо, Дерек.

Она закончила разговор и почувствовала себя плохо. Она настолько заикнулась на себе и погрузилась в собственный мир, что даже не удосужилась проверить, все ли с ним в порядке.

Энни припарковалась на стоянке рядом с полицейским фургоном, в котором сидел Джейк, наклонив голову, и увлеченно печатая что-то в телефоне. Он даже не заметил ее появления. Энни выбралась из машины, сунула мелочь в автомат, чтобы получить билет, который прикрепила к окну, а затем подошла к его фургону и хлопнула руками по стеклу. Джейк выругался, подпрыгнул и уронил телефон из рук на подножку. Энни так смеялась над выражением шока на его лице, что ей пришлось скрестить ноги.

— Какого хрена ты вытворяешь? У меня от тебя сердечный приступ.

— Извини, я не смогла удержаться. Чем ты занимался, что тебя так увлекло?

Он взял в руки большой черный телефон, похожий на нечто среднее между телефоном и планшетом.

— Пытаюсь обновить эту кучу дерьма. Кэти сегодня утром говорила о том, что мы не поддерживаем их в актуальном состоянии.

— Что это, черт возьми?

— Твой худший кошмар стал явью, вот что это такое. Это наш новый карманный блокнот. На нем можно просматривать текущие журналы, проверять информацию через базу данных и электронную почту, а также использовать его как телефон. Это великолепно, когда работает. Единственная проблема в том, что при таком дерьмовом покрытии нормально поработать удастся нечасто. Ты полюбишь его, когда вернешься на работу.

Энни застонала. Она совершенно не любила технику.

— Отлично, значит, помимо того, что я не могу ни с кем работать в паре, должна еще пользоваться этой штукой самостоятельно, без присмотра. Знаешь, Джейк, ты совсем не убеждаешь меня вернуться на работу.

— О, не говори так, детка. Мы что-нибудь придумаем. К тому времени, как ты вернешься, все это сломается, и мы вернемся к ручкам и бумаге. Никто не сможет разлучить нас. Это все равно, что разделить Моркэма и Уайза. Мы работаем в паре, и им придется смириться с этим. Кэти все равно не выпустит тебя одну, поскольку ты слишком опасна, так что я заставлю назначить меня твоим телохранителем.

— Я вполне способна работать самостоятельно. Я неплохо справлялась до рождения Альфи, и ты знаешь, что это правда. Ничего из того, что случилось, технически не было моей виной. Просто пару раз никого не оказалось рядом, чтобы спасти мою задницу, и мне пришлось выручать себя самой. Так что спасибо за предложение, Капитан Америка, но я справлюсь.

Джейк притворился, что выглядит так, будто она только что смертельно ранила его.

— Да, наверное. Пойдем, мне нужно подкрепиться. Я умираю с голоду.

Энни улыбнулась. Вот что ей нравилось в Джейке. Он мог нагубить ей, она отчитывала его, а потом они снова становились лучшими друзьями. В их отношениях не возникало никаких сложностей. Просто дружба в ее лучшем проявлении, и она рада, что он есть в ее жизни. Жизнь без Джейка не была бы полноценной. Энни толкнула его руку, и он толкнул

ее в ответ.

— Ты вечно голодный.

— А ты всегда хочешь кофе.

— Разве мы не пара, созданная на небесах?

Они оба начали смеяться, пока шли по дороге к уютному кафе в деревне. Со стороны Энни и Джейк производили впечатление: огромный полицейский в полном обмундировании и женщина гораздо меньшего роста, одетая в выцветшие джинсы и черную футболку. Туристы не могли оторвать глаз от этой парочки, смеющейся и болтающей без умолку, и все они улыбались про себя. Приятно увидеть полицейского, который выглядит как нормальный человек и не боится быть самим собой.

Когда они вошли в кафе, их встретила Джо, стоявшая за прилавком и нарезавшая огромный шоколадный торт. Джо подняла голову и улыбнулась им обоим.

— Ну и ну, какое же прекрасное видение.

Джейк подмигнул Энни.

— Спасибо. Должен сказать, ты и сама выглядишь довольно привлекательно, стоя там.

На щеках Джо появился слабый румянец. Она вела себя гораздо тише, чем они вдвоем. Энни кивнула в знак согласия с Джейком. Приятно было видеть, как женщина, которая спасла ее жизнь и чуть не потеряла свою в процессе, стоит здесь здоровая.

На Джо была блузка, застегнутая почти до самого верха, чтобы скрыть большой, морщинистый, уродливый шрам в том месте, где ее муж, Хит, вогнал топор ей в шею, едва не убив. Не в силах остановиться, Энни бросилась к Джо и крепко ее обняла.

— Что это с тобой такое?

— Просто ты слишком классная, и я до конца жизни буду обнимать тебя при встрече.

Джо засмеялась.

— Энни, люди начнут о нас болтать, — Она подмигнула, и Энни начала смеяться.

Джейк расстегнул молнию на своем светящемся желтом жилете и сбросил его с плеч.

— Джо, как обычно, пожалуйста.

Джо кивнула. Ей не требовалось объяснять. Эти двое были ее самыми любимыми клиентами.

Глава 13

Уилл втиснулся на маленькое парковочное место на улице перед зданием хосписа. Ему не хотелось заходить внутрь и беспокоить персонал. Они и так загружены работой без их вторжения. Словно прочитав его мысли, Адель улыбнулась Уиллу.

— Да ладно, нам не придется их сильно беспокоить. Мы можем обратиться к менеджеру или тому, кто за него отвечает, и если они заняты, договоримся о встрече в другое время.

— Да. Отличная идея.

Он шел по дорожке, размышляя, с какой стати кому-то понадобилось убивать такого доброго и заботливого человека, как Полина Кук. Это не имело никакого смысла. Когда они открыли дверь со стеклянным фасадом, Уилл ожидал, что здесь будет пахнуть больницей, и приятно удивился, что это не так. Он ожидал, что в воздухе будет витать запах смерти, а все вокруг будут ходить и плакать в платки. Вместо этого его встретила приветливая секретарша, которая выслушала его просьбу и попросила их присесть, пока она звонит менеджеру.

Он посмотрел на Адель, которая кивнула. Они сидели в тишине и ждали, пока женщина,

выглядевшая примерно ровесницей Энни, не вышла в коридор и не остановилась перед ними.

— Здравствуйте, вы, должно быть, детективы? Я Диана Портер, менеджер. Может, вы пройдете в мой офис? Мы все в шоке из-за Полины. Она была такой милой леди. Я не могу в это поверить.

Они прошли за ней по коридору в кабинет, который был светлым, просторным и в нем пахло еще приятнее, чем снаружи.

— Пожалуйста, садитесь. Могу я предложить вам что-нибудь?

Адель покачала головой. Уилл присел.

— Нет, спасибо, но это очень мило с вашей стороны. Извините за беспокойство, но нам действительно нужно узнать, как можно больше о Полине.

— Конечно, нужно, и я расскажу вам все, что знаю. Она была такой милой женщиной, но очень застенчивой и держалась особняком.

— Как же ей удалось стать здесь волонтером?

— Она хорошо относилась к пациентам и их семьям. Она прекрасно общалась и с персоналом один на один. Я думаю, она была довольно одинока. Полина никогда не говорила о своей жизни за пределами этого места, что очень печально. Не могу поверить, что кто-то до такой степени хотел причинить ей боль, что она убила. Это невероятно.

— У вас есть контактные данные ее ближайших родственников? Просто мы не смогли найти никого, кроме ее соседки.

Диана покачала головой.

— Я не знаю, чем она занималась в свободное время, кроме чтения. Она приносила книги для пациентов, закончив их читать. Она не говорила о прогулках и общении. Она посетила рождественский ужин, но думаю, что это скорее из-за нашего давления на нее. Не потому, что Полина сама этого хотела, и она ушла после того, как подали десерт. Она вообще не пила.

Адель, казалось, изо всех сил старалась не расплакаться, ее сердце явно болело за эту милую леди, которая не сделала ничего плохого, кроме того, что помогала другим, нуждающимся в утешении. Уилл был в замешательстве; он ничего не понимал.

— Вы не знаете, могла она кого-нибудь расстроить? Может, какие-то сердитые родственники винили ее за то, что она находилась рядом с их близкими, когда следовало быть им?

Диана покачала головой.

— Никого. Пациенты, с которыми Полина сидела, и их семьи были крайне благодарны ей за то, что она могла составить им компанию и дать семье столь необходимую передышку. Я не могу представить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь рассердился на нее из-за чего-нибудь. Никто из персонала вообще не слышал о каких-либо проблемах, и, поверьте мне, если бы они возникли, сотрудники знали бы об этом. У меня здесь потрясающая команда, но они любят посплетничать, как и все остальные. Любой даже отдаленный скандал распространился бы по этому зданию как грибок.

Уилл провел рукой по волосам, затем встал. Адель последовала его примеру.

— Что ж, спасибо за уделенное время. Вы очень помогли.

— Не за что, но боюсь, что на самом деле это не так. Если бы она была ужасной и имела много врагов, принять ее смерть стало бы проще, но с Полиной все обстояло совсем по-другому.

Адель улыбнулась Диане.

— Да, спасибо вам.

Они вышли и пошли обратно к машине Уилла. Никто из них не говорил, потому что оба пытались понять мотив убийства Полины Кук. Уилл так злился. У них ничего не было. Обычно к этому времени появлялись зацепки, и темные секреты начинали всплывать на поверхность. Стоило узнать какую-то информацию о ком-то, и некогда идеальный муж или жена вдруг переставали быть такими уж идеальными. Ничего подобного не происходило, и он чувствовал, как в его груди нарастает разочарование. Выезжая с парковки, он повернулся к Адель.

— Должно же быть хоть что-то. Как может быть, чтобы на нее вообще ничего не нашлось? Как будто она никогда не существовала и не жила жизнью за пределами своих четырех стен и хосписа. Что это за жизнь?

— Ну, тогда твоя теория об убийстве незнакомцем верна? Нам нужно подумать о том, как убийца вышел на нее. Как она оказалась в верхней строке списка жертв для какого-то психопата?

— Ты права. Давай попробуем что-нибудь выяснить, потому что начальство уже злится, что у нас нет никаких зацепок. Только они не так злы, как я, потому что мне это не нравится. Мы упускаем какое-то звено, и я не могу понять, какое.

Остаток пути до участка он проехал в молчании. Уилл знал, что Энни хорошо разбирается в подобных вещах. Она могла бы покопаться и найти что-нибудь в Интернете. Возможно, она даже сможет поговорить с самой Полиной и расспросить ее о том, что произошло. Было бы здорово, если бы Энни смогла использовать этот странный талант разговаривать с мертвыми. Только он никак не мог спросить ее или рассказать об этом. Иначе это будет означать, что он слишком сильно вовлекает жену в это дело.

Хотя Энни все еще находилась в декретном отпуске, все знали, что в случае ее участия в расследовании велика вероятность серьезных неприятностей. У нее имелась привычка притягивать серийных убийц, и Уилл не мог позволить подвергнуть ее риску, к тому же теперь нужно думать об Альфи. После Энни Альфи — лучшее, что когда-либо случалось с ним, и он не хотел рисковать ни тем, ни другим. Ему нужно найти ответы самому. Так гораздо безопаснее для его семьи.

Лето 1950 года

Потягивая холодное пиво, Горди не мог выбросить из головы воспоминание о том, как он воткнул нож в мать Колина. Он слишком наслаждался этим. Какое же это приятное чувство, когда нож пронзает кожу, рассекает мышцы и органы. Он никогда не чувствовал себя так здорово, так уверенно.

Колин с головой окунулся в цирковую жизнь, и цирк «Барнардс» удивлялся, как они вообще обходились без услужливого, сильного парня, который никогда не жаловался и не хотел останавливаться на отдых.

Хлопнула дверь фургона, вырвав Горди из грез.

— Боже, как воняют эти слоны. На уборку их клеток уходит целая вечность. Ты бы видел, какого размера...

Горди поднял руку.

— Я могу себе представить, спасибо, Колин. Избавь меня от подробностей.

— Ну, я закончил, Горди. Можешь теперь показать мне, как быть Тафти?

Горди посмотрел вниз на газету, которую пытался читать. Он почувствовал, как запылали его щеки, когда взглянул на зернистую черно-белую фотографию матери Колина на третьей странице.

«Женщина убита в своей постели, сын пропал без вести».

Он закрыл газету, страх охватил его разум. Могут ли копы узнать, что это его рук дело? Горди так не думал, потому что не оставил после себя никаких улик. «Серьезно? Неужели правда ничего не оставил?»

— Да ладно, Горди, я работал хорошо, как ты и говорил. Мне надоело убирать дерьмо за животными. Я хочу быть клоуном, как ты.

Горди кивнул и поднялся на ноги. Выпив остатки пива, он вытер рот тыльной стороной ладони. Слегка пошатнулся вперед, но затем поймал равновесие. Он поднял газету и сунул ее под мышку.

— Дай мне пять минут, парень, а потом я займусь твоим лицом. Если ты продолжишь приставать ко мне, ничего делать не стану. Понял?

Колин кивнул, не решаясь заговорить снова, чтобы Горди не счел это за назойливость и не отказался наносить на него клоунский грим. В душном помещении фургона повеяло свежим воздухом, когда дверь открылась и Горди вышел наружу. Колину стало интересно, куда он направляется. Он услышал громкий треск, когда стеклянная бутылка разбилась о металлический бак, который они установили в середине каравана, чтобы складывать в него вонючий мусор. Колин улыбнулся, глядя, как Горди поднимается по ступенькам. Он почувствовал, что на его губах начинает собираться слюна, и провел рукой по лицу. Ему не хотелось злить Горди, а он мог бы, если бы размазывал слюни повсюду как дурак.

— Колин, садись на стул, ты такой же высокий, как и я. Не смогу же я достать до твоего лица таким образом, правда?

Ухмыляясь, Колин сел и закрыл глаза, терпеливо ожидая, когда Горди сотворит свою магию и превратит его из медлительного, неуклюжего типа в циркового клоуна. Об этом моменте он мечтал с того самого первого вечера представления. Он сидел на трибуне один, замороженный артистами, особенно клоунами. Они нравились ему, потому что смешили людей по-доброму, не так, как дети иногда смеялись над ним и заставляли Колина чувствовать себя глупым. Когда он станет клоуном, над ним не будут так смеяться — только по-доброму. Все захотят, чтобы он стал их другом, как когда-то он сам хотел подружиться с Горди.

Пока Колин сидел с закрытыми глазами, мечтая о жизни циркового клоуна, Горди изо всех сил старался наложить клоунский грим на его лицо. Но это получалось с трудом, потому что его мысли постоянно возвращались к газетной статье. Если полиция нашла ее тело, они захотят поговорить с Колином и, возможно, даже попытаются обвинить его в случившемся. Он не допустит этого. Он превратит парня в клоуна и замаскирует таким образом, чтобы обеспечить его безопасность. Когда он наконец нанес ярко-красную краску на губы Колина, то отступил назад и улыбнулся сам себе.

— Я уже могу посмотреть, пожалуйста? Я могу посмотреть?

— Еще нет, я не закончил. Ты же хочешь выглядеть на все сто? Потерпи.

Горди пошел в свою спальню, снял парик с подставки и стянул костюм с вешалки. Он отнес их обратно в тесную кухоньку, где Колин все еще сидел с закрытыми глазами. Горди натянул парик на голову парня.

— Так, не смотри пока. Вот, надень это.

Он передал свой костюм Колину, который протянул руку, но не стал хватать его.

— Ты уверен? Мне примерить его? Можно мне его примерить? Правда?

Горди засмеялся.

— Да, ты определенно можешь примерить костюм. Давай, он должен тебе подойти.

Колин разделся до майки и трусов. Осторожно влез в костюм, как будто боялся, что каким-то образом его повредит. На минуту Горди показалось, что у него дежавю. Словно он смотрелся в зеркало. Конечно, Колин коренастее его, и голова у него больше, но в костюме он выглядел довольно убедительно в роли клоуна Тафти.

— Так, теперь ты можешь пойти в мою спальню и взглянуть в зеркало, чтобы понять, как тебе нравится.

Колин почти оттеснил его с дороги, чтобы добраться до зеркала. Горди услышал восторженные возгласы и хлопки, когда Колин аплодировал себе, и не удержался от улыбки. Мальчишке так легко угодить, и из него получился довольно убедительный клоун; возможно, все сработает как надо. Кто бы мог подумать? Колин вполне способен стать таким же знаменитым цирковым клоуном, как и все остальные. Хорошо бы, чтобы его принимали сверстники, а не дразнили.

— Ну, что ты думаешь?

— Это самое лучшее, что я когда-либо видел. Я не могу перестать смотреть на себя. В смысле, это правда я, или это ты, и я вижу какой-то сон?

— Нет, это точно ты. Я думаю, из тебя получится отличный клоун. Как ты смотришь на то, чтобы пойти на сцену и попрактиковаться?

Колин не ответил. Он выбежал мимо него из фургона и направился к огромному красно-белому полосатому шатру. Горди достал из холодильника еще одно пиво, отвинтил крышку и последовал за ним.

Глава 14

Энни шла обратно к парковке вместе с Джейком, который потирал живот и стонал.

— Ну, ты сам виноват. Тебе ведь не нужно было съесть весь кусок своего торта, а потом доедать мой, правда?

— Нет, но опять же, да. Взгляни на это с другой стороны: ты заплатила за этот торт. Ты не съела его весь, поэтому его пришлось бы выбросить в мусорное ведро, и это уже просто ужасное расточительство. Так что мне пришлось съесть его за тебя.

Она засмеялась.

— О, нет, не так, и в следующий раз, когда пожалуешься мне, что Алекс издевается над тобой, потому что у тебя увеличились объемы, не жди сочувствия.

— Это так жестоко. Куда подевалась моя Энни Грэм? Она бы никогда не сказала ничего такого жестокого. Что ты сделала с моей подружкой? Я хочу ее вернуть.

Это заставило Энни смеяться еще сильнее.

— Джейк, мне все равно, что ты ешь, только не пытайся свалить вину на меня, если вдруг станет плохо. И твоя Энни все еще здесь. Ты же знаешь, что я здесь.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Знаю, сумасшедшая ты женщина. Гораздо легче избавиться от чувства вины, когда

вчинишь кого-то другого.

— О, я знаю все об этом. Это очень верно. Так чем ты сейчас займешься?

Он помахал ей желтой коробкой из полистирола.

— Собираюсь вернуться с мирным предложением для босса и посмотреть, улучшит ли это ее настроение. Она была такой злой сегодня утром, а ты знаешь, какая Кэти ужасная тетка, когда не поест. Знаешь, иногда она съедает больше, чем мы с тобой вместе взятые, и все равно остается недовольной.

— Надеюсь, у нее и Кава все в порядке. Мне бы не хотелось думать, что у них что-то случилось. Они такая замечательная пара.

— Да, кто бы мог подумать, но это так.

Энни забралась в машину и смотрела, как Джейк садится в фургон. Он завел двигатель и опустил окно. Собираясь что-то крикнуть ей, он остановился и начал говорить в рацию, закрепленную на его жилете. Затем наклонился вперед, чтобы нажать на кнопку, которая зажгла маячок на крыше фургона. Завыла сирена. Он пробормотал ей:

— Мне пора, — и рванул с места на большой скорости, чтобы добраться до места происшествия.

Провожая его фургон взглядом, Энни в какой-то степени позавидовала тому, что Джейк все еще живет своей жизнью и занимается любимым делом. Ей не хватало работы с ним и волнения от звонков о немедленном реагировании. Во все этом Энни не нравилось лишь то обстоятельство, что большинство таких вызовов происходило по ее вине. Но если они не смогут работать вместе, вряд ли она сможет выполнять свою работу в качестве офицера наилучшим образом.

Страх что кто-то захочет причинить ей вред всегда будет присутствовать в глубине ее сознания, как бомба замедленного действия. Что если она замешкается в ситуации, требующей быстрого решения, и подвергнет риску собственную жизнь или чью-то еще? Хотя это и не в ее характере, но сейчас можно потерять так много, что Энни не хотела думать о том, чтобы подвергать себя лишней опасности.

Она посмотрела на свои дрожащие руки. Энни чувствовала, как учащенно бьется ее сердце — от одной только мысли о том, в какую ситуацию может попасть сейчас Джейк. И вот тут-то она окончательно приняла решение. Она не могла этого сделать. Она не могла вернуться к работе офицера реагирования, как бы сильно ее ни любила. Энни слишком хорошо понимала, чем рискует и что может потерять.

Наверное, именно это чувствует Уилл каждый раз, когда думает о ее возвращении на работу. До этого момента ее это совсем не беспокоило. Когда муж придет домой, она обсудит это с ним, если еще не будет слишком поздно. Сказать, что Уилл испытает облегчение, услышав, что ее карьера офицера полиции закончена, наверное, слишком преуменьшить его радость.

Как только она въехала на подъездную дорожку, Лили подъехала и припарковалась рядом с ней. Прилив любви, который Энни испытала при мысли о том, что она снова увидит Альфи, накрыл ее с головой. Она не могла поверить, как сильно соскучилась по сыну меньше чем за сутки. Энни выскочила из машины и побежала доставать его из автокресла. Альфи улыбнулся, и через мгновение ее сердце растаяло. Этот парень всегда будет вертеть ею как хочет, и Энни это ни капельки не волновало.

— Он хорошо себя вел?

— Он был ангелочком, как и всегда. Ну, за исключением того, что помог мне разбить

трофеей Тома за победу в гольфе. Но ты оказал нам услугу, правда, милый, потому что это чудовищная штукавина.

Энни засмеялась.

— О нет, бедный Том. Он рассердился?

— Нет, как он мог сердиться, когда я месяцами уговаривала его убрать эту безвкусицу? В любом случае, я не могу задержаться, дорогая. Должна встретиться с несколькими дамами за обедом, чтобы поговорить о следующем мероприятии по сбору средств. Все идет своим чередом, ты же знаешь.

Лили подмигнула улыбающейся Энни. Она крепко обняла Альфи.

— Спасибо за перерыв. Я и не подозревала, как сильно он мне нужен.

— В любое время, с удовольствием.

Энни понесла сына, прижавшегося к ней своими крошечными ручками, крепко обняв ее за шею, в дом. Закрывая входную дверь, она услышала, как отъезжает тяжелая машина.

— Ну, вот мы и остались вдвоем, малыш. Что будем делать?

Его глаза закрылись, прежде чем она подошла к дивану и присела на него.

— Ничего не нужно делать, да? — Насытившись кофе и пирожными, она прилегла и натянула на них обоих покрывало. В коттедже было прохладно, что приятно в летние месяцы и не очень хорошо зимой.

Альфи крепко спал, и Энни почувствовала, что ее глаза начинают слипаться. Это стало привычной реакцией. Она быстро усвоила, что, как только ребенок заснул, нужно тоже спать, иначе дни становятся длинными и изнурительными. Довольная, вытянула ноги и расслабилась, ее дыхание замедлилось, когда она задремала. Энни понятия не имела, сколько времени она так пролежала, пока не заметила, что проснулась. Только она не вполне бодрствовала. Ее сознание словно продолжало оставаться в сновидении.

Она посмотрела на свой диван и увидела, что все еще находится там, прижавшись к Альфи. Как такое возможно? Как она могла наблюдать за собой? Такое странное, но в то же время захватывающее ощущение, и ей хотелось знать, как это происходит, или, что еще важнее, зачем она это делает.

Повернувшись, чтобы посмотреть в другую сторону, Энни перестала понимать, где находится. И теперь это не её коттедж. Вместо него она очутилась в огромном многоквартирном доме. Запах карри и специй заполнил ее ноздри. Где она? Дверь открылась, и Энни чуть не вскрикнула, увидев, как оттуда вышел человек в клоунском костюме: тот самый клоунский костюм, что и у убийцы в том доме.

Она затаила дыхание, боясь выдохнуть, вдруг он ее услышит. Энни понятия не имела, видит ли он ее, но надеялась, что нет. Клоун огляделся, затем вышел из квартиры, закрыв за собой дверь. Быстро выбежав из общего коридора, он поспешил в палисадник. Энни твердила себе, что должна выяснить, где находится, где этот дом. Голос в ее голове предупреждал — «проснись, ты не должна здесь находиться», но она не могла. Как ей уйти, если это может быть жизненно важно для Уилла? И потом она видела сон. Он ее ведь не замечает, правда?

Энни последовала за клоуном на улицу, понимая, что знает, где они находятся. Дом представлял собой один из больших особняков на Эбби-роуд в Барроу. Снаружи он был таким же обветшалым, как и внутри. Как убийца мог ходить по Эбби-роуд в костюме клоуна, и никто не обратил на него внимания? Затем она поняла, насколько темно снаружи. На дороге не видно ни машин, ни пешеходов. Луна светила высоко в небе. Должно быть, сейчас

раннее утро.

Она наблюдала, как клоун перебежал через обычно оживленную дорогу и перелез через металлические ворота, закрывавшие парк для посетителей после наступления темноты. Не то чтобы это мешало горожанам пользоваться парком, поскольку существовало множество других способов попасть туда. Но куда он направлялся? Энни знала, что должна последовать за ним и выяснить это. Перейдя дорогу, она каким-то образом оказалась по другую сторону ворот — к своему облегчению. В последний раз, когда ей пришлось перелезть через ворота, у нее порвались брюки.

Оглядевшись по сторонам, Энни пыталась понять, куда он пошел, и почувствовала холодную дрожь, когда свет исчез. Клоун стоял прямо перед ней, и она никогда не видела ничего более ужасающего, чем этот человек. Энни закричала и подумала, неужели это конец. Он выглядел растерянным, как будто думал, что услышал какой-то звук, но не уверен. Поднеся руку ко рту, она прикусила костяшки пальцев, понимая, что он ее не видит. Клоун чувствовал ее присутствие и знал, что кто-то есть рядом, но не мог понять, кто и где.

Энни оставалась совершенно неподвижной на случай, вдруг любое движение ее выдаст. Он начал медленно поворачиваться. «А если он увидит тебя, Энни, что тогда?» Клоун остановился на месте, глядя прямо на нее. Наклонив голову набок, он попытался решить, не галлюцинация ли это, а затем прошептал: «Я знаю, что ты там. Я не могу отыскать тебя прямо сейчас. Пока не знаю, как, но я найду. Я разыщу тебя, так что беги и молись, чтобы я тебя не догнал. Убирайся из моей головы сейчас же!»

С ужасом, наполнявшим ее вены, Энни смотрела, как он поднял огромный мясницкий нож и разрезал воздух прямо перед ней. Рефлексы заставили ее отпрыгнуть назад, и Энни пришла в себя. Она чуть не слетела с дивана, едва не уронив Альфи, который начал плакать от своего грубого пробуждения. Энни чувствовала, как у нее дрожат руки, а сердце сильно колотится. Кофе и пирожное, съеденные ранее, грозили вырваться наружу.

Уложив Альфи на кресло, она подложила ему подушку. Растерянная, она встала и оглядела комнату. Было еще светло. Она спала не так уж долго. Альфи плакал с каждой секундой все громче, и она бросилась на кухню, чтобы взять острый нож с разделочной доски. Энни не могла избавиться от ощущения, что страшный человек-клоун где-то рядом. Подбежав к каждому окну и двери, она проверила их надежность, а затем заглянула в каждую комнату, чтобы убедиться, что в доме никто не прячется.

Альфи уже почти кричал. Убедившись, что дом пуст, она побежала вниз и взяла сына на руки. Энни изо всех сил старалась прижать его к себе, пока кормила, несмотря на то, что все ее тело дрожало. Казалось, что ее внутренности превращают содержимое желудка в клейстер. Что происходит? Это сводило ее с ума. На всякий случай она должна все рассказать Уиллу, когда он вернется домой.

На какой случай? На тот случай, если эти сны — что-то вроде раздробленной реальности, и все это по-настоящему. Клоун-убийца может прийти за ней, и что тогда ей делать? Она не знала, как поступит. Однако понимала, что Уилл разозлится и скажет, что она влезла не в свое дело, хотя Энни ни в чем не виновата.

Глава 15

Уилл решил закругляться. Начальство устроило ему разнос из-за тупика в деле, и ему хотелось скорее отправиться домой и успокоиться. Провести немного времени с семьей. Порой так все и бывает. Не всегда удается раскрыть убийство в первые сорок восемь часов, и им нужно прекратить сваливать на него свои ожидания и посмотреть правде в глаза.

Адель ушла вместе с Брэдом и Шоной часназад. Все они собирались пойти в «Чернук собаку», чтобы выпить и поесть перед тем, как отправиться домой. Как бы ни велико было искушение пойти с ними, он не мог. От одной мысли о выпивке или запахе алкоголя Уиллу хотелось блевать. Он точно завязал с выпивкой на пару месяцев.

Покидая участок, он надеялся, что каким-то образом всё прояснится и они найдут убийцу до того, как тот решит, что получил гораздо больше удовольствия, чем предполагал, и наберётся смелости повторить всё сначала. Увидев огромный супермаркет «Теско», Уилл решил заехать в него.

Купив самый большой букет цветов для Энни и игрушечную машинку для Альфи, он взял коробку с индийской едой на вынос и несколько плиток шоколада. Уилл не знал, успела ли Энни приготовить ужин, но если нет, значит, он позаботится об этом. Расплатившись, он вернулся к машине, все это время ломая голову над тем, как много должен рассказать жене, когда вернется домой. Несомненно, она захочет узнать, как все прошло.

Поездка домой по проселочным дорогам успокаивала его беспокойный ум. Виды и окружающая сельская местность по дороге в Хоксхед не переставали улучшать настроение. Он подумал, каково это — не ходить на работу, не испытывать давления ответственности за поиск самых больных людей в этой части страны, и осознал, что без этого точно пропадет. Как бы она его иногда ни раздражала, он любил свою работу. Уилл не мог представить себе ничего другого.

Наконец он добрался до небольшой дорожки, ведущей к их коттеджу, и улыбнулся. Он не мог дождаться, когда увидит свою семью. Припарковавшись за машиной Энни, он заметил, как открылась входная дверь, и почувствовал, как в горле перехватило дыхание. Уилл и представить себе не мог, как материнство сделает самую важную для него женщину, еще прекраснее, чем она была. Ее волосы были убраны в пучок, на загорелом лице с веснушками не грамма косметики, а на руках Энни держала самого милого малыша на свете. Уилл вышел из машины, подошел к жене и притянул ее к себе, целуя в губы и изо всех сил стараясь не раздавить Альфи.

— Извини, малыш, твоя мама выглядит так хорошо, что ее можно съесть.

Энни засмеялась, но Уилл заметил, что это не ее обычный сердечный смех. Она поцеловала его, затем отстранилась улыбаясь.

— Я так рада, что ты уже дома. День вышел таким длинным. Я боялась, что ты приедешь намного позже.

Уилл забрал у нее Альфи, покачал его пару раз, а затем поцеловал в лоб.

— Почему ты боялась? Все в порядке?

— Все хорошо. Просто я устала и мне одиноко.

Он кивнул, передавая Альфи обратно Энни.

— Я только возьму вещи из машины. Ты уже приготовила поесть?

Она покачала головой.

— Я не была голодна, поэтому не стала беспокоиться. Но я бы сделала, если бы знала, что ты едешь домой.

Уилл повернулся, чтобы посмотреть на нее. Здесь что-то не так. Она выглядела нервной, что совсем не в стиле Энни, и он подумал, нет ли у нее для него плохих новостей.

— Мой отец в порядке?

Она кивнула.

Уилл схватил цветы и протянул букет Энни.

— Они прекрасны, спасибо.

Энни повернулась и пошла в дом, оставив Уилла доставать покупки. Поставила цветы в вазу и отнесла Альфи наверх в спальню, где положила его в кроватку, укрыв одеялом. Наклонившись, чтобы поцеловать его, она прошептала:

— Пожелай мне удачи. — Его глаза начали закрываться, и она наблюдала за ним несколько минут, пока он не уснул.

Хоть на улице только смеркалось, она включила ночник. Прикрывая дверь своей спальни, Энни оставила свет на лестничной площадке. Сама не знала почему, но ей не хотелось, чтобы сын оставался один в темноте. Затем она спустилась вниз, где Уилл распаковал коробку с индийскими блюдами и занялся их укладкой на противни, чтобы поставить в духовку. Энни села на один из барных стульев и наблюдала за ним. Закончив, он посмотрел на нее.

— Я собираюсь быстро принять душ. Я ненадолго.

Энни кивнула.

Уилл хотел спросить Энни, в чем дело, но для начала необходимо избавиться от этого костюма. В нем все тело горело и липло. Он примет прохладный душ, наденет шорты и футболку, а потом заставит ее рассказать, что ее беспокоит. Когда он спустился вниз с высушенными полотенцем волосами и пахнувший гораздо свежее, она все еще сидела там, где он ее оставил. В доме стояла невероятная тишина. Обычно работал телевизор или радио, но сегодня ничего не звучало. Он забрался на табурет напротив Энни.

— Какой прошел день? С Альфи пришлось повозиться?

Она покачала головой.

— Нет, он вернулся домой только в час. Я встретила с Джейком, чтобы выпить кофе сегодня утром.

Уилл подумал, не связано ли ее странное настроение с Джейком.

— Джейк сказал что-то, что тебя расстроило? Хотя, если подумать, может это я? Ты все еще злишься на меня из-за похорон?

Энни посмотрела на него и покачала головой.

— Конечно, я не сержусь на тебя, и нет, Джейк в кои-то веки вел себя прилично.

— Ну тогда я в тупике, Энни. Ты должна сказать в чем дело, потому что с тобой явно что-то не так.

Она вздохнула: тяжелый, усталый вздох, от которого Уиллу стало не по себе. Он ждал, когда она заговорит. Энни посмотрела на него, потом отвернулась, словно пытаясь найти кого-то, кто подтвердит, что все в порядке. Наконец она снова повернулась к нему.

— Тот дом, который недавно показывали в новостях — белый с ярко-синей дверью. Он приснился мне еще до того, как я вообще узнала о нем. Казалось, я нахожусь внутри и смотрю чужими глазами. Как только я увидела его в новостях, то поняла, что там произошло что-то ужасное.

— Что значит, ты смотрела чужими глазами?

— Я не знаю, это трудно объяснить. Я чувствовала себя так, как будто присутствовала там. Так странно.

— Ну, ты экстрасенс; возможно, ты видела будущее Полины Кук и не осознавала этого. Это ничего не значит. Я бы не стал беспокоиться.

— Я видела, как убийца выбежал из дома. Он был одет как клоун. Самый страшный клоун, которого я когда-либо встречала.

Уилл изучил ее лицо, чтобы понять, шутит ли жена, но не понял до конца. Он рассмеялся.

— Я не шучу. Это серьезно, Уилл. Я видела, как клоун в черно-белом костюме со страшной маской сбежал по лестнице и вышел через парадную дверь.

— Хватит клоунады, Энни. О боже, как удачно. Ха-ха, клоунада.

Энни встала, сжав руки в кулаки. Ее так разозлило, что Уилл не воспринял ее всерьез.

— Уилл, мне страшно. Сегодня, когда я лежала на диване с Альфи, то задремала, и это случилось снова. Я находилась там и видела, как он вышел из дома на Эбби-роуд в том же костюме. Я последовала за ним в парк. Только он знал, что я там. Клоун не мог видеть, но точно знал, что я наблюдаю за ним, и предупредил, что придет за мной.

— Ради всего святого, Энни, это всего лишь сон. Кошмар. Никакой клоун не придет за тобой. Ты опять начиталась страшных историй? Это серьезное дело об убийстве, и не стоит выставлять Полину Кук на посмешище подобной ерундой.

На мгновение Энни показалось, что от злости она сейчас поднимет вазу с цветами и запустит их мужу в голову.

— Что с тобой не так? Почему ты мне не веришь?

Уилл посмотрел на ее лицо и понял, что она не шутит. Он почувствовал, как серьезность ситуации обрушивается на его плечи. Его смех превратился в злость. Почему, ради всего святого, это происходит с ними? Разве они пережили недостаточно? Он начал ходить туда-сюда, гнев и разочарование мешали ему сосредоточиться.

— Это должно прекратиться, Энни; так больше не может продолжаться. Что с тобой происходит? Сколько раз я чуть не потерял тебя из-за этого дурацкого дерьма? Я больше не могу этого выносить, а теперь у нас есть Альфи, о котором нужно думать. Зачем тебе вообще понадобилось вмешиваться и давать убийце знать, что ты следишь за ним? Господи, да разве это вообще возможно? Ты понимаешь, насколько безумно это звучит? А как же Альфи? Это несправедливо втягивать его в такую жизнь. Ты должна это прекратить. Прекрати ввязываться в то, что не имеет к тебе никакого отношения.

На этот раз Энни все-таки дотянулась до стеклянной вазы и швырнула ее в сторону Уилла, на ее лице застыла маска ярости.

— Ты тупой болван, неужели думаешь, что я хочу этого? Что я просила об этом? Что я хочу глупую, поганую жизнь? Хочу бояться до чертиков девяносто процентов времени? Уйди с глаз моих долой, Уилл; ты ведь даже не представляешь, каково это?

Не в состоянии мыслить здраво и в шоке от того, что она действительно бросила в него вазу, Уилл схватил со стола ключи от машины и вылетел через заднюю дверь, сильно хлопнув ее за собой. Он был в ярости. Он никогда не испытывал такой злости на Энни, и ему нужно куда-то уехать, чтобы остыть. Он сел в машину и на скорости рванул с места задним ходом, не заботясь о том, что с другой стороны едет трактор, настолько сильно разозлился.

Энни смотрела, как Уилл уезжает, и поняла, что на улице темно, только когда его фары осветили проселочную дорогу, ведущую к их коттеджу. Ужас заполнил ее внутренности вместе с сожалением. Что она натворила? Почему она так разозлилась на него? Это на нее не похоже; она не склонна к насилию. Она посмотрела на беспорядок из разбитого стекла, воды и цветов и расплакалась.

Она выбежала на улицу, чтобы посмотреть, не остановился ли Уилл дальше по дорожке. Но не увидела ничего, кроме надвигающейся темноты, и почувствовала, как холодные нити страха пробираются по позвоночнику. Альфи — она оставила его одного. Он наверняка недоумеает, что это за шум. Энни побежала к входной двери, боясь, что та каким-то образом захлопнулась, и она окажется снаружи, не имея ни ключа, ни телефона. Страх сдавил ей грудь, стало трудно дышать. Она добежала до входной двери и практически ввалилась внутрь, так сильно в нее врезалась.

В доме стояла тишина; невероятно, что их споры не разбудили Альфи. Заперев входную дверь, она побежала вверх, чтобы его проверить. Он спал в своей кроватке. Энни почувствовала, что у нее дрожат ноги. Что с ней такое? Она вела себя не как здравомыслящий человек. Неужели она окончательно сошла с ума? Каждый раз, попадая в больницу с очередной черепно-мозговой травмой или опасным для жизни ранением, Энни задавалась вопросом, не перешла ли она черту.

Она не могла выбросить из головы образ клоуна, заявившего о намерении ее найти. Хотя поначалу Энни пыталась убедить себя, что это всего лишь сон, все казалось слишком реальным, а сейчас она предоставлена сама себе. Уилл оставил ее одну, когда она так в нем нуждалась. Энни никогда не видела мужа таким сердитым. Они никогда так сильно не ссорились. Конечно, они не идеальны, у них случались взлеты и падения, но не до такой степени.

Что ей теперь делать? Она чувствовала себя в безопасности, когда он был дома, а теперь осталась одна. Энни спустилась на кухню и взяла два самых больших ножа из стола. Затем пошла в подсобное помещение, открыла ящик с инструментами Уилла и достала рулон серебристой клейкой ленты. Один нож она приклеила под кухонным островом, а второй оставила при себе. Все это время ее руки тряслись, а ноги дрожали.

Достав из ящика тяжелую скалку, Энни положила ее за серебряное блюдо на сервант у входной двери, чтобы достать в случае необходимости. Вернувшись в подсобное помещение, она достала оттуда горсть больших отверток, которые разложила по дому, засунув одну в карман халата. Она чувствовала себя лучше, зная, что у нее есть оружие для самозащиты, если оно ей понадобится.

Следом Энни перенесла мониторы и установку системы видеонаблюдения из подсобного помещения и поставила их на барную стойку, чтобы иметь возможность наблюдать за внешней стороной коттеджа и видеть, если кто-то попытается незаметно подобраться к дому. Остальные ножи она спрятала, чтобы их не могли использовать как оружие против нее. Хотя ее не покидало ощущение, что клоуну нравится использовать свой собственный, когда в ее сознании возник образ огромного острого ножа, которым он размахивал перед ней.

Либо она ведет себя как параноик и не может успокоиться, либо проявляет осторожность. Как бы то ни было, ей стало немного легче. Энни никак не могла просто

бездействовать. Голос Уилла эхом отдавался в ее голове: «Ради всего святого, Энни, это всего лишь сон. Кошмар». Она прошептала вслух:

— Надеюсь, ты прав, Уилл, правда. Пожалуйста, возвращайся домой. Мне очень жаль. — Она подняла телефон и попыталась позвонить ему, но звонок попал на голосовую почту.

Убедившись, что периметр дома хорошо просматривается и все надежно заперто, Энни села и поняла, что чувствует запах горелой пищи. Вскочив, побежала выключать плиту. Когда она открыла дверцу, в ноздри ударил запах подгоревшей тикка-масалы и почерневшего хлеба наан. Она снова захлопнула дверцу. Запах напомнил ей о многоквартирном доме, в котором жил клоун. Там пахло индийской едой. От этого запаха ее затошнило, а она обычно любила индийскую кухню.

Энни чувствовала себя самой большой дурой в мире. Гнев, который она испытывала по отношению к Уиллу, сменился холодным страхом, и теперь оставалось только надеяться, что он успокоится и скоро вернется домой. Как все могло настолько обостриться? Не зная, чем себя занять, она взяла телефон и позвонила Джейку. Он поможет ей почувствовать себя лучше.

— Привет, Энни, ты соскучилась по мне?

— Да, забавно, что ты так говоришь. Я просто хотела проверить, все ли у тебя в порядке. Мне скучно.

— Уилл еще не дома? Господи боже, он слишком много работает. Не хочешь к нам приехать?

— Нет, спасибо. Альфи сейчас отдыхает. Я уверена, что Уилл скоро будет дома.

Они поболтали о детях минут пять. Энни поняла, что Джейк выпил бокал вина — возможно, несколько — и нечестно снова втягивать его в свои проблемы. Он тоже заслуживает покоя. Она сказала ему, что Альфи заплакал и ей пора идти.

— Спокойной ночи, цветочек.

— И тебе, Джейк.

Энни закончила разговор с тяжелым сердцем. Так хотелось собрать Альфи и поехать к Джейку в Барроу. Вытащив коляску Альфи из прихожей, она поставила ее на кухне. Затем поднялась наверх и осторожно вынула сына из кроватки. Если Уилла нет, она не хотела, чтобы он оставался наверху один. Пусть он полежит там, где она сможет его видеть.

Глава 16

Алекс спустился вниз с полотенцем, обернутым вокруг талии, его волосы были взъерошены.

— Кто звонил?

— Энни.

— Что случилось? Она в порядке?

— Ничего страшного, она просто захотела поболтать.

— Правда? Это странно. Как часто она звонит так поздно? Ее голос звучал нормально, ты не обратил внимание?

Джейк сел.

— Думаю, да. Что ты имеешь в виду, Алекс?

Он пожал плечами.

— Ничего, я не знаю. Возможно, я веду себя глупо, но это просто кажется странным. Она через многое прошла в последнее время, и мы оба знаем, как тяжело дается появление

ребенка. А Уилл дома? Он так много работает. Может ей не помешает перерыв?

— Черт возьми, Алекс, зачем ты это сказал? Теперь я волнуюсь и не могу поехать туда, потому что выпил бутылку вина.

Покачивая головой, Джейк взял телефон и набрал номер Энни.

— Ты в порядке? Seriously, скажи мне, если что-то не так, потому что чертова насадка Алекс вбил себе в голову, что у тебя проблемы.

Обычно Энни бы рассмеялась и посоветовала отвалить, но она не стала этого делать и через пару секунд ответила.

— Все в порядке. Скажи ему спасибо за заботу, но у меня все хорошо.

— Точно? Потому что могу подъехать и встретиться с тобой, только придется попросить кого-нибудь отвезти меня, ведь я уже выпил бутылку вина.

— Не будь болваном, Джейк. Я просто хотела поболтать с тобой. Уилла нет дома, а одной здесь может быть немного одиноко.

— У вас с золотым мальчиком все нормально? Вы поссорились?

Энни знала, если ответит «да», Джейк начнет ее защищать и позвонит Уиллу, чтобы выяснить с ним отношения. Она посмотрела на кучу битого стекла и покачала головой. Она просто хотела, чтобы Уилл вернулся домой. Он никогда раньше так не реагировал и так сильно не злился.

— Правда, Джейк, перестань волноваться. Мне скучно. Я люблю вас всех и пойду спать. Спокойной ночи.

— Если ты уверена... Мы любим тебя, Энни. Спокойной ночи.

Она почувствовала, как горячие слезы катятся из ее глаз, и закончила разговор, прежде чем разразиться рыданиями. Что, черт возьми, с ней происходит? Когда-то давно Майк разорвал бы ее в клочья, бил бы до посинения, а потом оставил на несколько часов, уйдя в паб. А теперь она в таком состоянии, потому что Уилл лишь накричал на нее и уехал. «Seriously, Энни, тебе нужно взять себя в руки. Это ненормально».

Она села на один из табуретов и изучила мониторы, чтобы убедиться, что снаружи дома никто не крадется. На улице гулял ветер. Погода изменилась, и этим вечером резко похолодало. Вглядываясь в каждый монитор, Энни не заметила ничего необычного. Ее глаза начали закрываться, а голова клониться вниз.

Очнувшись, Энни встала и сделала себе кружку крепкого кофе. Возможно, она слишком остро реагирует на происходящее, но Энни не могла избавиться от ощущения, что что-то не так. Она не могла успокоиться, пока Уилл не вернется домой, и она не извинится перед ним. Энни лишь надеялась, что это произойдет в скором времени, потому что устала и не знала, как долго сможет сохранять бдительность.

Уилл отправился в долгий путь вокруг Уиндермира, чтобы добраться до дома своего отца на противоположном берегу озера. Он собирался заехать туда на пару часов, чтобы остыть. Он уже почти доехал до поворота на дороге, когда понял, каким полным идиотом был, и остановился на обочине, включив аварийные огни.

Почему он так разозлился на Энни? Она плохо спала, и у нее появились черные круги под глазами. Что бы ни беспокоило Энни, это должно быть очень серьезно, раз она даже не сказала ему об этом, особенно зная, что он чувствует. И что он сделал? Повел себя как полный мудака, вот что. Уилл знал, почему он так поступил, но от этого не легче. Он хотел хорошей, нормальной жизни, как у большинства других пар. Он готов принять любую скуку вместо того, что им приходилось терпеть до сих пор. Уилл не помнил ни одной другой супружеской пары, которая прошла бы через такое, как они. Боль, страдания, душевные терзания и переживания за Энни не шли ни в какое сравнение с тем, что он когда-либо знал.

Он развернулся и направился обратно в сторону Хоксхеда, к своей жене и их ребенку, к своей идеальной семье. Он слишком остро отреагировал, и теперь Энни больше никогда ничего ему не расскажет. Он хлопнул рукой по рулю. Уилл сильно злился на себя. Нажав на педаль газа, он поехал по извилистым дорожкам так быстро, как только мог, чтобы вернуться домой и сказать жене, что ему очень жаль.

Когда он наконец свернул на дорогу, то сразу же выскочил из машины и побежал к входной двери. Достав из кармана ключ, он вставил его в замок — тот не повернулся. Должно быть, Энни заперла ее изнутри. Он постучал в дверь, но ответа не последовало. С бешено колотящимся сердцем он оббежал дом со стороны кухни, где все еще горел свет, и прижался лицом к стеклу.

Увидев ее, сидящую на барном стуле и положившую голову на скрещенные руки на островке перед мониторами видеонаблюдения, он почувствовал себя полным ублюдком. Энни крепко спала. Альфи посапывал в коляске рядом с ней. Уилл постучал в окно, заставив Энни вздрогнуть. Она выглядела растерянной, затем повернулась, чтобы посмотреть на окно, когда он снова постучал. Он помахал ей рукой, но из-за света на кухне она не смогла разглядеть его лица.

Уилл знал, что, пока жив, никогда не забудет выражение страха на лице своей жены. Она встала, потянулась в коляску за Альфи и одной рукой прижала его к груди. Потом начала отступать, взяв в другую руку самый большой нож, которым они владели. Уилл ужаснулся. Все оказалось гораздо хуже, чем он мог себе представить.

Достав свой телефон, он позвонил, и Энни подпрыгнула, когда ее телефон завибрировал на приставном столике. Подбежав к нему, она вздохнула с облегчением, услышав голос Уилла.

— Энни, открой дверь. Здесь холодно. Прости меня.

— Где ты?

— Смотрю на тебя с улицы через кухонное окно.

— Как я узнаю, что это ты? Я не могу тебя видеть.

— Энни, посмотри в монитор. Это я. Пожалуйста,пусти меня.

Она посмотрела на монитор и увидела, что Уилл машет ей рукой. Положив нож, подошла к задней двери и открыла ее достаточно широко, чтобы он смог пройти, а затем закрыла и снова заперла. Он промолчал, притянув ее к себе и крепко поцеловав. Они поговорят, но это подождет до утра. Он никогда не видел, чтобы она вела себя так. Даже когда Генри Смит сбежал из охраняемой психиатрической больницы и находился в бегах. Энни выглядела сильно измученной.

— Прости меня. Не следовало так срывать. Все, чего я хочу, это чтобы у нас была счастливая жизнь. Мы заслужили ее после последних нескольких лет. Давай уложим вас обоих в постель и поговорим утром.

Она кивнула и отстранилась, передав Уиллу Альфи.

— Мне нужно быстро принять душ. — Энни пошла наверх, явно радуясь, что он дома.

Уилл перезапустил сигнализацию, а затем отнес сына наверх, где положил его обратно в кровать со стороны Энни. Он разделся и скользнул под одеяло, испытывая облегчение от того, что наконец-то может расслабиться. Энни вышла из ванной, ее черные волосы были влажными и вились кольцами. На ней была пижама, которую он купил ей на день рождения, и от нее пахло «Шанель № 5».

Она закрыла дверь спальни и быстро пересекла комнату, забравшись рядом с ним. Только когда Уилл протянул руку, чтобы прижать ее к себе, он понял, что жена дрожит. Он обхватил ее руками, пытаясь согреть и заставить снова почувствовать себя в безопасности. Он любил ее больше всего на свете и ненавидел себя, когда злился на нее. Энни не заслуживала этого — не после всего, через что ей пришлось пройти.

— Уилл, прости меня.

— За что?

— Я — дура, вот за что. Я знаю, это нелегко — быть женатым на мне. Я тоже устала от этого, ты знаешь, но ничего не могу с этим поделать. У меня такое чувство, будто я на американских горках, и тормоза вот-вот откажут.

— Тебе не нужно извиняться. Ты ни в чем не виновата. Я просто повел себя как полный мудак. У меня стресс из-за работы, и мне нравится быть женатым на тебе, так что никогда не забывай об этом. Мы поговорим утром и посмотрим, что можно сделать. Постарайся немного поспать.

Он поцеловал ее влажные, пахнущие кокосом волосы, и она прижалась к его груди.

Энни закрыла глаза, надеясь, что усталость не даст снам прийти и что она не проснется оттого, что видит мир глазами убийцы. А еще хотелось верить, что Альфи проспит еще пару часов, потому что она внимательно посмотрела на себя в зеркало и поняла, что сейчас ей как никогда нужен сон.

Лето 1950 года

Прошло три недели, прежде чем Колину разрешили выйти на центральную арену для выступления. Горди усердно занимался с ним, и Колин делал все, что от него требовалось, и даже больше. Другие клоуны помогали, а остальные артисты наблюдали, как нескладный подросток превращается в настоящего артиста. Он держался естественно и умел сделать так, чтобы самый маленький трюк выглядел легко. Горди остался доволен и немного волновался, что Колин отнимет у остальных внимание.

Сегодня цирк проехал парадом по городу, в котором они находились, и дети стекались к Колину — к его удивлению и раздражению Горди. Он немного сомневался, что его протеже справится с этим выступлением. После парада Колин так радовался, что Горди почувствовал себя виноватым. Он лишил парня матери, хотя тот еще не знал об этом, и — пока все в порядке — полиция его не искала.

Но оставалась одна проблема. У него снова появился зуд, и он напоминал жжение внутри кожи. Ему хотелось расчесывать кожу до крови, но он знал, что это ничего не изменит. Единственный способ удовлетворить этот зуд — убить кого-нибудь. Неважно, кто

это будет — мужчина, женщина или ребенок. Если бы представилась возможность, он бы ею воспользовался. Одна мысль об этом приводила Горди в безумие. Ему пришлось пойти прогуляться, чтобы успокоиться.

Оставив Колина репетировать на арене, Горди прошел по периметру цирка, затем проскользнул через щель в заборе, чтобы попасть в парк. Вдалеке виднелась игровая площадка, и он отправился туда. Подойдя ближе, он увидел одинокую девочку, качающуюся на качелях. Оглядевшись вокруг, Горди не заметил ни ее родителей, никого-либо еще. Она раскачивалась вперед и назад, используя свое тело, чтобы заставить деревянное сиденье двигаться.

Он прошел через детскую площадку в ее сторону. Когда девочка заметила его, Горди кувыркнулся, подскочил и поклонился ей. Склонившись, он вытащил из рукава букет цветов и протянул его девочке. Ее угрюмое лицо расплылось в улыбке, и она начала смеяться. Он улыбнулся ей, а затем сел на качели рядом. И принялся подражать ей, раскачиваясь вперед-назад, пока не оказался на одном с ней уровне. Она огляделась вокруг, затем повернулась к нему.

— Что ты делаешь?

— Качаюсь. А ты что делаешь?

— Качаюсь.

Он засмеялся.

— Так нас двое. Почему ты здесь одна?

— А почему ты один?

Горди наклонил голову, обдумывая свой ответ.

— Я здесь, потому что мне захотелось тишины и покоя. А там очень шумно. — Он указал в направлении цирка.

— Я тоже. У меня закончилась воскресная школа. Я устала слушать, как они говорят об Иисусе.

— Ты думаешь, это разумно? Разве о тебе не будут беспокоиться?

Она покачала головой.

— Кто, монахини? Они не заботятся ни о чем, кроме Бога. Они захотят ударить меня линейкой или тапочком, когда я вернусь. Это же так больно. Думается, Бог не хочет, чтобы они обижали детей, но они это делают.

Горди впитывал информацию, которой только что поделилась с ним девочка. Она либо сирота, либо училась в интернате. Формально у нее нет никого, кто бы скучал по ней. Очень хороший знак.

— Не хочешь пойти и осмотреть цирк?

Она спрыгнула с качелей.

— Правда, прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Ну, точнее через минуту. Видишь вон то поле? Сначала мне нужно пойти и собрать еще немного цветов. Ты можешь пойти и помочь мне, а потом мы отправимся в цирк, и я покажу тебе львов и слонов. Скоро время кормления. Ты сможешь посмотреть. Если ты будешь хорошо себя вести, я даже принесу тебе попкорн. Что думаешь?

Она замешкалась на мгновение, размышляя, стоит ли ей идти с клоуном. Она его не знала. Горди улыбнулся ей и протянул руку. Она оглянулась через плечо на цирк, раскинувшийся неподалеку, потом посмотрела на него и протянула ладонь, чтобы взять его за руку. Он улыбнулся про себя, ведя ее через игровую площадку к пустому полю вдалеке.

Когда солнце село и прохладный ветерок начал трепать деревья и цветы, зашевелился и материал некогда белого, а теперь кроваво-красного платья девочки. Несколько полицейских вместе с горсткой добровольцев прочесывали парк и окрестные поля в поисках маленькой Эстер Уайт, которая сегодня утром убежала с урока Библии, и с тех пор ее никто не видел. Люди очень серьезно подошли к заданию, и не раздавалось ни звука, когда они били деревянными палками по длинной траве и кустарникам. Сестре Саре в приюте оставалось только заламывать руки, пока мужчины занимались поисками.

— Кровавый ад, я ее нашел. Боже правый, во всяком случае, мне кажется, что это она. Офицеры, сюда.

Сержант Янг дунул в свисток, чтобы предупредить своих коллег, и побежал к парковому сторожу, который теперь согнулся вдвое и лежал на траве. На бегу Янг увидел две белые ноги, торчащие из-под куста на обочине зарослей. Одна нога в ботинке, другого нигде не видно.

Не желая идти дальше, он перекрестился, потому что, если пойдет, значит, это будет правдой. Он не мог придумать ничего хуже, чем смотреть на мертвое тело ребенка. Понимая, что у него нет выбора, Янг заставил себя двинуться с места. Звук, вырвавшийся из его уст, выражал полный ужас. Лицо девочки, с которой ему неоднократно приходилось разговаривать из-за ее дерзкого поведения, потеряло всякую узнаваемость, и он почувствовал, как подкосились ноги, когда упал на землю.

Кто мог сделать такое? Где-то здесь появилось чудовище; их городок не так уж велик. Худшие случаи насилия, которые у них случались, происходили за закрытыми дверями после того, как мужья возвращались из паба после слишком большого количества пива. Он никогда не видел ничего подобного и молил Бога, чтобы больше никогда не увидеть. Питерс подбежал к нему сзади, запыхавшись. Не смотря перед собой, он озаботился вопросом, почему его сержант лежит на земле. Янг указал перед собой, и услышал резкий вздох Питерса при жалком виде девочки.

— Что случилось? Она... вы знаете?

Сержант Янг заставил себя встать.

— Да, Питерс, она мертва. У нее все лицо истерзано.

— Как? Может быть, животное из цирка сбежало и убило ее?

Янг всем сердцем желал, чтобы все обстояло так просто. Намного легче принять и поверить, что лев или медведь совершил это ужасное деяние. Только Эстер не выглядела так, как будто ее загрызли. По всему ее телу и лицу отчетливо виднелись ножевые раны. Он сильно сомневался, что дикое животное попыталось бы спрятать тело под кустом.

— Правда? Ты думаешь, цирк не уведомил бы нас, если бы лев сбежал? Думаешь, может, он убил ее и вернулся к вечернему представлению, чтобы не попасть в беду?

— Ну, теперь, когда вы так говорите, нет.

— Нет, ты прав. С ней это сделало животное, но не четвероногое, а двуногое чудовище, и ставлю свою месячную зарплату на то, что он работает в этом цирке. А теперь возвращайтесь в участок. Мне нужен врач и больше офицеров. Я хочу, чтобы это поле отгородили от посторонних глаз, пока мы не перевезем ее в больницу.

Питерс кивнул, затем повернулся и зашагал обратно к машине. Янг заставил себя повернуться лицом к девочке и прошептал:

— Мне очень жаль, Эстер Уайт. Мне жаль, что тебе пришлось умереть вот так. Я обещаю найти его, и когда найду, он будет повешен за свои преступления. Я даю тебе слово, милая. — Смахнув рукавом катившиеся слезы, он закашлялся, представив, что вместо Эстер там лежит его собственная дочь.

Пока Колин и Горди исполняли свой последний номер на арене цирка, они совершенно не подозревали о том, что скоро начнется хаос. Толпе все нравилось. Они хлопали и пели вместе с ними, смеялись над их выходками. Колин держался так естественно, что даже Горди впечатлился тем, как легко парень справился со своей ролью.

Когда Горди повернулся, чтобы убежать от Колина, он обратил внимание на двух громил-полицейских, которые стояли в стороне и шептались с рингмейстером. Его сердце учащенно забилось, и он понял, что они нашли девчонку. Ему следовало спрятать ее получше. Он знал, что рискованно оставлять ее спрятанной лишь частично, но услышал вдалеке лай собаки и смех детей. Горди запаниковал, и теперь все кончено.

Он мог бы сбежать, развернуться и убраться отсюда подальше. Выскользнуть через один из пожарных выходов; но что потом? Его жизнь принадлежала цирку. Без него он все равно умрет, и, кроме того, они могли прийти не за ним. Он повернулся и помахал рукой толпе, затем направился к тому месту, где они стояли.

Колин задавался вопросом, что ему делать. Такого не было в программе. Тафти не должен просто уходить с ринга и оставлять его одного. Он начал паниковать, недоумевая, что происходит. Свет померк, сигнализируя о том, что артистка на трапеции вот-вот начнет свое выступление, и Колин последовал за Горди, который сейчас разговаривал с рингмейстером и полицейскими.

Колин запаниковал, когда они переглянулись. Что, если они пришли забрать его домой? Наверное, его маме надоело ходить в магазин за пивом и сигаретами, и она послала их за ним. Ну, он не собирался возвращаться. Ему все равно. Она ему не нравилась, и он ей не нравился, и вообще она не очень-то любила своего собственного ребенка.

Он повернулся и побежал в противоположном направлении. Горди бросился за ним в погоню вместе с двумя полицейскими, но Колин ни за что не собирался возвращаться в тот дом. Он побежал через кулисы. Горди уже почти догнал его, когда раздался громкий крик: люди, поднимавшие один из тяжелых столбов на веревке и колесе для замены сломанного за пределами шатра, услышали суматоху, поднятую полицией, рингмейстером, Колином и Горди. На мгновение их внимание рассеялось, и столб, слишком тяжелый для веревки, дернулся, когда веревка оборвалась. Столб рухнул на землю, упал на двух клоунов и пригвоздил их обоих намертво.

Он очнулся в больнице, не зная, сколько времени там пролежал. Слегка повернув голову, посмотрел в сторону и увидел, что его друга на кровати рядом с ним осматривает врач. На голове и шее его товарища красовалась повязка. Он держал глаза открытыми, но не двигался. Он закричал, и к нему подбежали врач и медсестра.

— Все в порядке, ты в порядке. У тебя просто сильный удар по голове, в отличие от

твоего друга, который принял на себя основную тяжесть падения и получил разрыв гортани. Он не может говорить. Так что это очень важно: ты можешь сказать мне свое имя, сынок?

Он задумался. Как его звали? Началась паника. Он не мог вспомнить, но потом в памяти всплыло имя.

— Колин... Я Колин, а это Горди. С ним все будет в порядке?

Доктор взглянул на медсестру, которая смотрела на двух полицейских, стоявших у его кровати.

— Колин, этот человек — Горди Маршалл?

Колин кивнул, затем поморщился от боли, пронзившей его голову.

— Да, это Горди. А что?

Доктор повернулся к полицейским и кивнул.

— Нам просто нужно знать, чтобы мы могли с ним все уладить.

— Понятно. Почему полицейские здесь? Они преследовали нас. Я не сделал ничего плохого и не собираюсь идти домой. Я достаточно взрослый, чтобы остаться в цирке, если захочу.

— Конечно, да. Тебе не нужно идти домой. Я думаю, эти полицейские захотят потолковать с тобой. Ты чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы поговорить с ними?

Он кивнул.

— Хорошо, вот молодец.

Самый крупный из двух мужчин подошел к его кровати.

— Колин, почему ты побежал, когда нас увидел?

— Я не хочу возвращаться домой. Мне здесь нравится. Я испугался, что вы заставите меня вернуться к маме.

— Ты был днем с Горди?

— Нет, он пошел гулять один.

— Ты знаешь куда он пошел?

Колин помедлил. Он не хотел, чтобы у его друга возникли неприятности — и что такое разрыв гортани?

— Все в порядке, сынок; мне просто нужно знать, видел ли ты, куда он пошел.

— Он пошел в парк. Я подумал, Горди разозлился на меня, и пошел за ним, чтобы извиниться, но он заговорил с какой-то девочкой на детской площадке, и я решил вернуться в фургон.

Сержант Янг понимающе кивал, пытаясь записать все, что рассказывал ему парень. Он не ошибся. У них появился свой монстр, и он вырядился клоуном. Сплошные грязные, гнилые трюки. Все знали, что дети любят цирковых клоунов и не думают, что за улыбающимся лицом прячется зло. Они поняли, что это клоун, потому что, когда переносили тело Эстер, под ней оказался раздавленный букет шелковых цветов — таких, какие клоуны вытаскивают из рукавов.

У Янга имелось все что нужно. Ублюдок на койке напротив не мог ни пошевелить головой, ни говорить из-за травмы, но это неважно. Он оставит с ним одного из своих парней до тех пор, пока тот не будет достаточно здоров, чтобы перевести его в тюрьму. Этот больной ублюдок больше не причинит вреда детям, потому что, как только он поправится,

его повесят. По мнению Янга, больница напрасно тратила свое время и ресурсы на убийцу.

Глава 17

Уолтер Лейси чувствовал себя не очень хорошо. Открыв глаза, он задался вопросом, где же, черт возьми, оказался. Он знал, что не лежит в своей постели, это совершенно точно. Попытался пошевелиться и услышал стонущий скрип пружин в старом прохудившемся диване. Уолли застонал еще громче. Он не помнил, как ложился на диван, не помнил, как вообще ложился спать. На самом деле он даже не знал, какой сегодня день и который час.

Нащупывая в кармане свой дрянной телефонный аппарат, он почувствовал под пальцами гладкий, прохладный, шелковистый материал клоунского костюма. «Что ты наделал, Уолли? Почему ты одет в этот костюм и почему ничего не помнишь?» Паника заполнила его грудь, он попытался встать с дивана, но ему стало жарко и закружилась голова. Должно быть, он подхватил вчера в доме той старухи какую-то гадость. Там было довольно грязно.

Перекатившись, пока не упал с дивана на четвереньки, он застонал еще громче. Ему казалось, что его голова вот-вот взорвется и мозговой сок, и вещество останутся на стенах и мебели. Его тело пропиталось застоявшимся потом. Он чувствовал запах затхлости при каждом движении, поскольку все вокруг пропиталось этим ароматом.

Встав на ноги, он зашагал вперед, боясь, что упадет и не сможет подняться. Ему удалось удержаться на ногах, и Уолли направился в сторону тесной ванной комнаты. Распахнув дверь и включив свет, он схватился за потрескавшуюся, грязную раковину и уставился в разбитое зеркало. Его лицо посерело. По щеке расплывалось большое красное пятно. Он наклонился ближе. Что это? Он начал тереть его кончиками пальцев. Облизал их, потер след, потом снова облизнул и зарычал.

Кровь. Засохшая кровь. Металлический привкус невозможно перепутать, и она покрывала все его лицо. Посмотрев вниз, увидел, что его руки окрашены в тот же цвет. Страх заполнил все его тело: он сделал что-то очень плохое. Уолли знал, что сделал, но что и кому? Когда он посмотрел вниз на костюм клоуна, то закричал. Белый шелковистый материал приобрел темно-красный оттенок.

Он попытался снять его с себя, вертясь в тесном пространстве и молясь, чтобы костюм не прилип к его коже, как ему казалось. Сняв одеяние, он отбросил его в сторону и посмотрел на свои худые руки и ноги. Они покрылись красными пятнами. Чья это кровь? Он не помнил, как оделся и вышел из квартиры, но потом в памяти всплыли воспоминания. Он пошел в парк, а что потом? Да, он отправился в парк, никем не замеченный, но не один? Кто-то следил за ним. Уолли вспомнил, как чувствовал, что кто-то дышит ему в затылок, следя за каждым его движением.

Он обернулся, но рядом никого не оказалось. Какой-то невидимый человек наблюдал за ним. Уолли начал нервно смеяться, что вызвало ударную волну в его голове. Подняв обе руки, он схватился за голову, прижав ладони к ушам, чтобы заглушить звук собственного голоса, потому что тот звучал как голос сумасшедшего.

Включив душ, он заставил себя встать под теплую струю. Он бы все отдал за обжигающе горячий душ, чтобы избавиться от крови, которая засохла на его теле, словно краска. Уолли не обращался к хозяину дома с просьбой разобраться с отоплением. Он тратил слишком много денег на свой дрянной телефон, чтобы пытаться дозвониться до него.

Выдавлив последний гель для душа на руки, он оттирал кожу ногтями. Ему не нравилось, что он ничего не помнил о событиях, произошедших после выхода из парка. Он собирался

позже пойти и купить газету, чтобы проверить, не упоминалось ли в ней о найденном трупe. Ступив на холодный кафельный пол, представлявший собой смертельную ловушку для мокрых ног, Уолли наскоро вытерся полотенцем.

Он чувствовал себя немного лучше, чем сразу после пробуждения, ведь теперь он чист и не пахнет так, как будто побывал на скотобойне. Голова все еще болела, когда он ею двигал. Натянув чистые трусы и футболку, Уолли забрался под одеяло. Он мог бы попытаться проспать и избавиться от этого ужасного похмелья, которое творилось у него в голове. Он бы не возражал, если бы даже напился прошлой ночью. Впрочем, Уолли точно знал, что не пил, потому что в доме нет алкоголя.

Все дело в костюме клоуна. Он должен его выбросить, избавиться поскорее. Уолтер никогда не хотел никого убивать, пока не принес костюм в дом. Как будто его прокляли. Голоса в его голове звучали тихо до сих пор. Но кто-то увеличил громкость, и Уолли теперь не знал, его ли это голос. Он откинул одеяло, натянул спортивные штаны, обул кроссовки и достал из-под раковины хозяйственный пакет. Зайдя в гостиную, Уолли ожидал увидеть костюм висящим на двери и с облегчением выдохнул, обнаружив, что тот все еще лежит скомканным на полу, куда он его скинул.

Собрав костюм в пакет, он завязал ручки узлом. Раскачивая пакетом и стараясь держать его как можно дальше от себя, он вышел из дома. Перейдя дорогу, Уолли вернулся в огромный общественный парк, где шел до тех пор, пока не нашел урну. Он засунул пакет внутрь. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он пошел прочь.

Уолли почувствовал себя намного лучше. Голова еще болела, но уже не так, как утром, когда он открыл глаза. Ему стало легче, спокойнее, как будто он впервые в своей дерьмовой жизни поступил правильно. Пару часов сна, и он сможет пойти за газетой. Если будет держать себя в руках, все это может сойти на нет, и никто не узнает о его кровавой череде убийств. Уолтер не думал, что сможет вынести тюрьму. Он лучше умрет, чем проведет остаток жизни взаперти. Возможно, сейчас у него дерьмовая жизнь, но он ведь может приложить усилия, чтобы что-то сделать и ее изменить?

Услышав, что Альфи зашевелился, Уилл встал с кровати и взял его с собой вниз, чтобы Энни могла еще немного поспать. Он забыл о прошлой ночи, пока не зашел на кухню и не увидел мониторы на острове. Кроме того, Уилл обратил внимание на пустую полку для ножей, что лишний раз напомнило ему о необходимости спросить Энни, где они находятся. Он даст ей еще полчаса, а затем разбудит; им нужно поговорить о том, что происходит и почему она так напугана.

Как настоящий мастер, Уилл переделал и покормил Альфи, а затем усадил его в коляску на кухне, чтобы тот мог наблюдать, как он расставляет все по местам. Отсоединив мониторы, он понес их в подсобное помещение. Уилл не слышал, как Энни спустилась вниз.

— Что ты делаешь?

Он попытался не замечать ее повышенного тона, не желая верить, что она все еще так сильно расстроена.

— Просто привожу все в норму для тебя.

— Ну, не трудись. Я хочу, чтобы они стояли здесь — там, где могу их видеть в любое время, а не торчали где-то в глубине дома. Я не могу сидеть там весь день и смотреть на них. В подсобке не хватит места для всех вещей Альфи.

Уилл остановился и повернулся, опустив монитор, который нес в руках.

— Что случилось, Энни? Это на тебя не похоже.

— Я не знаю. Мне страшно оставаться здесь одной с нашим сыном.

У Уилла зазвонил телефон. Он его проигнорировал.

— Я не хочу, чтобы что-то случилось, но не уверен, что это выход.

Его телефон зазвонил снова, и Уилл взял трубку. Звонили с работы. Он хотел пропустить звонок, но не мог. Это может быть важно.

Энни смотрела на него, не решаясь ответить. Уилл изо всех сил старался не нажать на зеленую кнопку, но в последнюю секунду все-таки нажал.

— Эшворт.

Он пожал плечами и извинился перед Энни, которая не видела, потому что слезы, наполнившие глаза, заставили ее отвернуться.

Энни не знала, почему так себя ведет. Но не могла допустить, чтобы Уилл увидел ее плачущей только потому, что ему пришлось ответить на звонок. Она наклонилась, чтобы взять Альфи на руки и отнести его в гостиную, устроившись с ним на диване. Энни включила телевизор, и на экране появились знакомые зеленые лужайки и эстрада в центре парка в Барроу.

Ее сердце пропустило удар. Что случилось? Прошлой ночью она видела парк во сне. Могла ли она остановить преступление, если бы не испугалась клоуна и не убежала?

Вошедший Уилл увидел экран телевизора и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Мне нужно идти. Произошло еще одно убийство.

Энни кивнула. Что она могла сказать? Это его работа, и она знала о ней с самого начала, когда выходила за него замуж. Только потому, что ей приснилась пара страшных снов, она не могла ожидать, что Уилл не пойдет на работу и останется здесь.

— Я позвоню тебе, когда у меня появится свободная минутка, и мы сможем поговорить. Почему бы тебе не поехать и не остаться с Джейком и Алексом на весь день? По крайней мере, ты не будешь здесь одна.

— Возможно. Я позвоню тебе, если соберусь.

— Все в порядке, Энни. Мы в порядке, правда?

— Конечно, в порядке. Иди и найди этого убийцу.

— Я постараюсь. Если ты не хочешь к Джейку, почему бы тебе не съездить к моему отцу?

Энни заставила себя улыбнуться. Она обожала Тома и Лили, но не хотела торчать в их доме целый день. Том всегда знал, когда с ней что-то не так, и она не хотела его ничем обременять.

— Я найду чем заняться.

Уилл развернулся и зашагал к выходу, и Энни потребовалась каждая унция силы, чтобы не закричать в след, что если он уйдет, она никогда его не простит.

Входная дверь закрылась, и она услышала, как завелась его машина. Энни не могла пошевелиться. Она примерзла к дивану, почувствовав, как кто-то стоит за ее спиной и дышит в затылок. Мысль о том, что вчерашний клоун ее нашел, пронеслась в голове.

Она схватила Альфи и вскочила с дивана, кружась на месте и одновременно отступая назад. В комнате никого не было. Ну, никого, кого Энни могла бы физически увидеть. Она

оглядела комнату, проверяя, не спрятался ли клоун где-нибудь, и порадовалась, что они выбрали открытую планировку, поэтому у них не так много укромных мест. Двери вели только в подсобное помещение и гардеробную.

Энни отступила назад, где у нее был спрятан нож, и вытащила его. Если этот жуткий ублюдок в ее доме, то она не сдастся без боя. Подбежав к кухонному окну, чтобы посмотреть, нет ли Уилла на улице, она почувствовала, как заныло сердце, увидев пустое место, где всего несколько минут назад стояла его машина. Она могла позвонить мужу, попросить вернуться — и что тогда? Он подумает, что она расклеилась и потеряла рассудок, а именно так Энни себя и чувствовала. Все выходило из-под контроля.

Не желая оставлять Альфи на время поисков, но и не желая бороться с ним на руках, она не знала, что делать.

Она выбежала на улицу и пристегнула его в автокресле, затем быстро отправила сообщение Джейку.

«Ты можешь приехать ко мне как можно скорее? Мне нужно с тобой поговорить». И отправила его. Если в ее доме кто-то появился и одержит верх, по крайней мере, Джейк уже будет в пути и сможет позаботиться об Альфи.

Энни сдавленно вскрикнула. Мысль о том, что ее могут убить в собственном доме, а ее ребенок останется снаружи, оказалась слишком тягостной. Однако совсем уйти из дома она не могла. Кто бы это ни был, он мог поджидать ее или Уилла внутри, а если она уйдет, а Уилл вернется, о Боже, мысль о том, что убийца подстерегает его, лишила Энни рассудка. Однажды она уже чуть не потеряла его от рук убийцы. Она ни за что не допустит, чтобы это случилось снова.

Энни забежала в дом и проверила подсобное помещение, гардеробную, а затем поднялась наверх. Было так тихо; телевизор все еще стоял на паузе. Проверяя каждую спальню, она постепенно успокаивалась, пока не добралась до спальни Альфи. Там оказалось так холодно, что она покрылась мурашками.

— Кто ты и что тебе нужно? Я хочу знать, что ты делаешь в спальне моего ребенка!

Выглянув в окно, она увидела Альфи в его автокресле, тихонько посапывающего. Вдруг она почувствовала, как маленькая рука скользнула в ее руку, и, посмотрев вниз, различила слабые очертания стоящей там Софи.

— Софи, это ты? Ты дышала мне в ухо?

Призрачная девочка покачала головой, и Энни почувствовала ее голос в своем сознании. «Нет, это мужчина. Он напуган и хочет, чтобы ты ему помогла».

— Где он, Софи? Я не могу видеть его так же, как тебя.

«Он стоит в углу. Он сказал, что ему жаль, если напугал тебя. Он не знает, что делать. Он не хотел умирать, а все повторяется снова».

Софи отпустила ее руку и направилась к углу, на который указывала мгновение назад. Энни услышала мягкий, успокаивающий голос Софи, шепчущий в углу, и выглянула, чтобы проверить Альфи, который сладко спал. Прищурившись, она подошла ближе к окну. Казалось, что его детское кресло слегка покачивается, и она улыбнулась. Элис. Энни повернулась и встала лицом к углу.

— Ты не должен бояться. Ты поступил очень храбро, придя и найдя меня. Прости, что я немного испугалась. Если получится помочь, я помогу. Почему бы тебе не сказать мне или Софи, в чем тебе нужна помощь?

Пронзительный звонок домашнего телефона нарушил тишину, и Энни поняла, что

мужчина ушел вместе с Софи.

Возможно, теперь, когда она знала о нем, он проявит смелость, вернется и скажет, что ему нужно. Она побежала в спальню, чтобы взять запасную трубку, чувствуя себя намного лучше. Подхватив телефон, она понесла его вниз, чтобы забрать спящего ребенка из машины.

— Алло.

— Энни, это Дерек. Надеюсь, я тебя не побеспокоил?

Она не ожидала, что ей будет так приятно услышать его голос.

— Нет, не побеспокоили. Как вы себя чувствуете?

— Намного лучше, если не считать имени, которое все время вертится у меня в голове и никак не проходит.

— Мое?

— Как ты догадалась?'

Он засмеялся, отчего Энни почувствовала себя не такой виноватой за то, что беспокоила Дерек, когда он не здоров.

— Происходит что-то пугающее, но думаю, я разобралась или почти разобралась.

— Ну, раз уж я заперт в этой душной спальне на постельном режиме, пока Глэдис не вернется домой, может, ты мне расскажешь. Я бы хотел помочь, если смогу.

— О, Дерек, вы слишком добры. Я не хочу вас беспокоить.

— Хорошо, давай я скажу, о чем думаю. И тогда ты увидишь, что я уже знаю кое-что из этого.

Энни не ответила, и он продолжил.

— У меня такое чувство, что в твое личное пространство вторгся дух, подобрался слишком близко и напугал тебя. А еще мне кажется, что тебе снятся сны, которые, скажем так, немного слишком реалистичны. Я близко?

— Вы очень близко. Да. В этих снах я как будто присутствую при происходящем — наблюдаю. И человек, за которым наблюдаю, знает, что я там. Он чувствует меня, но не видит. Во всяком случае, пока. Боюсь, он узнает, кто я, и начнет меня искать.

— Это опасный человек?

Она разрывалась. Не хотелось расстраивать его слишком сильно, но он, похоже, уже знал.

— Да, он убийца.

Дерек тяжело вздохнул.

— Энни, как это происходит?

— Хотела бы я знать, и тогда смогла бы все прекратить. Мне так надоело жить, оглядываясь через плечо.

Она посмотрела на Альфи, который все еще спал в своем автокресле.

— Ну, я думаю, хорошая новость в том, что если этот человек не экстрасенс, он не сможет узнать, кто ты.

Энни выдохнула, не понимая, что задержала дыхание.

— А что, если так?

— Ты бы уже знала об этом. Это очень редкий дар, которым, к счастью, обладают не многие убийцы. Плохие новости: я думаю, что ты, возможно, передала свой дар своему маленькому милому ребенку, и поэтому, похоже, все идет не так, как обычно. Тебе трудно найти общий язык с этим духом в твоём доме?

— Да, обычно я могу видеть их и слышать. Сейчас, похоже, это невозможно.

— Похоже Альфи действует как усилитель.

— О боже, это ужасно. Значит ли это, что он видит то, что вижу я в этих снах?

— Нет, он бы их не понял. Его мозг недостаточно развит, к счастью. Но сейчас он действует как усилитель сигнала — немного похоже на те коробки, которые можно купить для улучшения широкополосного доступа в интернет.

— Что мне делать, Дерек? Я не хочу для него такой жизни.

— Боюсь, сейчас ты ничего не можешь сделать. Когда он подрастет, и все будет развиваться, тогда мы сможем рассмотреть вопрос о создании некоторых блоков и стратегий, призванных помочь ему справиться с ситуацией. Насколько нам известно, он может перерасти это. Не все дети родителей-экстрасенсов обладают тем же даром, что и их родители. Он может вырасти просто немного чувствительным, но не полноценным медиумом.

— Надеюсь, вы правы, Дерек. Что мне делать дальше?

— Я не уверен. У меня не было большого опыта в таких вещах. Я спрошу нескольких своих друзей из группы и узнаю, что они думают. Просто держись от этого подальше, насколько можешь. Где происходят эти убийства?

— В Барроу.

— Тогда не едь в Барроу, если только это не отчаянная ситуация. Постарайся сохранять спокойствие, когда ты рядом с Альфи. Может быть, ты можешь попробовать спать с ним в разных комнатах? Это может ослабить связь.

Альфи начал извиваться, его лицо стало ярко-красным. Он приоткрыл один глаз и громко закричал. Энни прислонила телефон к уху плечом, наклонилась, отстегнула его и взяла на руки. Он кричал громче, чем их сигнализация.

— Извините, Дерек, мне придется пойти и покормить маленького мужчину. Спасибо вам большое.

— Нет проблем. Звони, если тебе понадобится, и я буду на связи.

— Пока.

— Будь очень осторожна, Энни. Пока.

Но связь оборвалась, и она так и не услышала его последнего предупреждения. Дерек откинулся на подушки, положив трубку на место. В животе у него бурчало, а в груди поселилось ужасное чувство — очень похожее на то, какое он испытал, когда впервые увидел Энни Грэм. Она сидела в зале спиритической церкви, где он выступал в качестве приглашенного оратора, когда ему пришлось передать Энни сообщение о том, что она в смертельной опасности. Он надеялся, что причиной тому стала его излишняя чувствительность, а не предупреждение свыше, потому что не представлял, сколько жизней осталось у прекрасной Энни Грэм.

Глава 18

Уилл ехал по извилистым дорогам так быстро, как позволяла безопасность, радуясь, что еще достаточно рано, и они не полны туристов, плетущихся со скоростью пятнадцать миль в час, любуясь видами.

Когда он наконец выехал на шоссе A590, ведущее в Барроу, то сбавил скорость. Он сожалел, что у него не получилось, как следует поговорить с Энни. Как только у него появится свободная минутка, он позвонит Лили и просит ее проведать Энни. Лили любила,

когда есть чем заняться, и если она сможет выманить Энни из дома и заставит пойти по магазинам, то это позволит ей расслабиться.

Он никогда не видел жену такой усталой и бледной; возможно, им нужен отпуск. Можно ли брать детей в полет на самолете в жаркие страны? Уилл не знал. Он спросит у Адель. Она должна быть в курсе.

Родительство для него пока еще в новинку, не говоря уже о том, насколько оно пугало. Он никогда не испытывал ничего подобного той любви, которую питал к своему малышу, сочетавшему в себе его и Энни. Уилл даже не думал, что быть родителем — это так здорово, даже несмотря на бессонные ночи.

Он не мог дождаться, когда сможет взять Альфи на регби. Уилл любил регби и бросил играть только потому, что проводил больше времени вне поля из-за травм, чем на нем. Это не тот вид спорта, который подходит мужчине его возраста. Не то чтобы он сильно постарел, просто Уилл слишком взрослый, чтобы каждое воскресное утро получать локтем в пах и по ногам.

Не успел он оглянуться, как оказался на Эбби-роуд — одной из главных дорог в город, с видом на больницу, слишком хорошо знакомую ему по столкновениям Энни с жестокими мужчинами. Он проехал мимо отеля «Эбби Хаус», красивого здания из песчаника. Наконец добрался до светофора и поворота на Парк-драйв, откуда можно попасть в общественный парк. Уилл въехал на парковку, где стояли полицейские и фургон криминалистов. Дебс уже переоделась в костюм и ботинки, готовая к работе. Он кивнул ей.

— Доброе утро. Закончила предварительные процедуры?

— Еще нет, решила подождать тебя.

Брэд, который сегодня утром появился в офисе первым, захватил Адель с собой, когда она пришла на работу.

— Босс.

— Брэд, что тут у нас?

— Один из бомжей, устроившийся на ночлег под мостом — там полный хаос. Повсюду кровь. Некоторые утки и вон тот огромный лебедь, который набрасывается на любого, кто пытается подойти к телу, покрыты кровью. Они, должно быть, плавали в этой крови.

Он указал на лебедя, чьи белые перья отливали розовым и ярко-красным. Лебедь плескался у берега рядом с телом под мостом.

Уилл провел рукой по волосам.

— Дерьмо.

— Точно.

— Что будем делать? Нельзя ли его как-нибудь прогнать?

Адель пожала плечами.

— Я спросила парня, который держит эллинг, может ли он одолжить лодку, чтобы один из нас мог отправиться на озеро и отогнать птицу.

Брэд начал смеяться и Уилл уставился на него.

— У тебя есть идея получше, Брэд?

Он покачал головой.

— Позвонить в Службу защиты животных или той женщине, которая занимается птицами?

— Мы не можем ждать часами, пока кто-нибудь приедет. Брэд, сходи за весельной лодкой и попробуй свои силы. Ты можешь подплыть и попытаться его прогнать.

— Ха-ха, отлично, босс.

Уилл уставился на него.

— Я не шучу. Чтобы через пять минут ты был в лодке и готов к отплытию.

Брэд прекратил смеяться и нахмурился.

— Почему всегда я?

— Потому что Стью больше нет с нами, а ты есть. Перестань ныть. Ты же умеешь управляться с лодкой?

Брэд повернулся и ушел, даже не ответив ему, а Адель рассмеялась.

— Ты всегда с ним так суров?

— Нет, но он имеет обыкновение раздражать меня до смерти своим бесчувственным характером, а сейчас еще слишком рано для этого. Уже тепло. Если мы не сможем добраться до тела в ближайшее время, оно начнет вонять еще хуже, чем сейчас, а я точно не поеду в лодке.

Он подмигнул Адель, которая снова засмеялась.

— Нет, я не хочу. Может, мне позвонить в службу защиты животных на всякий случай?

— Надо бы. Нам придется закрыть парк. Здесь слишком много входов, и можно запросто увидеть кровавую бойню. Я не хочу потерять ни одной улики или чтобы семьи приходили сюда покормить уток, а их встречал лебедь, залитый кровью, и тело под мостом. У нас есть свидетели?

Адель указала на худощавого мужчину лет пятидесяти, сидевшего на скамейке с полупустой бутылкой «Ламбрини» между ног.

— Знакомься, это мистер Иэн Гиббс — лучший друг жертвы, некоего Билли Маркса. Очевидно, они поссорились из-за какой-то женщины вчера вечером, и он оставил Билли здесь одного около девяти часов. Вернувшись около шести утра, чтобы извиниться и разделить с ним бутылку «Ламбрини», Иэн обнаружил тело Билли и злобного лебедя. Он продолжает бормотать о странном клоуне, которого видел, когда выходил из парка у входа на Эбби-роуд.

Уилл посмотрел на него. Гиббс не выглядел заляпанным засохшей кровью, но он мог зайти куда-нибудь переодеться, а потом вернуться с чувством вины. Уже второй раз Уилл слышал упоминание о клоуне. Ему нужно это проверить.

— Тогда давай его пригласим.

Уилл махнул рукой одному из офицеров, который пытался отогнать птиц от места происшествия.

— Поскольку мистер Гиббс видел жертву последним, я хочу, чтобы его доставили на допрос. Не окажете ли нам такую честь?

Офицер посмотрел на вонючего, грязного, пьяного Гиббса и скорчил гримасу.

— Да, сэр.

— Все, что нужно сделать, это доставить его в участок. Он еще не в том состоянии, чтобы его допрашивать. Мы дадим ему выспаться, потом он сможет принять душ и поесть. Один из нас вернется вовремя, чтобы сделать все остальное.

— Без проблем.

— Спасибо.

Со стороны озера донесся громкий всплеск и кваканье, и Уилл вовремя обернулся, чтобы увидеть Брэда, который стоял в лодке и махал веслом на лебедя. Он слишком сильно наклонился на одну сторону и накренил старую деревянную весельную лодку. Все

происходило как в замедленной съемке, когда Брэд изо всех сил пытался удержать равновесие и потерпел поразительную неудачу. Адель ахнула, а Уилл усмехнулся, когда Брэд с размаху плюхнулся в воду и закричал:

— Чертова ублюдочная птица!

Уиллу пришлось отвернуться. Все офицеры, оппэшники и люди, которым разрешено находиться в этом районе, теперь наблюдали за Брэдом и смеялись над ним. Брэд сидел в не очень глубоком озере, покрытый слизью, водорослями и птичьим дерьмом. Именно в этот момент фотограф, которого Уилл страстно не любил, сумел сделать снимок века. В ближайшие двадцать четыре часа эта фотография украсит местную газету и национальные издания. Уилл уткнулся головой в руки.

— Я не верю в это. Такое просто невозможно подстроить.

Он крикнул ближайшему офицеру:

— Уберите отсюда этого чертова фотографа, немедленно!

Лебедь, который наконец оставил свой пост, поплыл в сторону дальнего берега озера, и Уилл посчитал, что лебедь, должно быть, понял, что если Брэд его догонит, то свернет ему шею и не задумается, оттого плыл довольно быстро.

Уолтер проснулся и пошевелил головой, чтобы проверить, не кажется ли ему, что она вот-вот взорвется. Она болела, но не так, как раньше. Он встал и обнаружил, что может ходить без головокружения, и впервые за сегодня почувствовал голод. Открыв дверцу холодильника, вспомнил, что до сих пор не ходил за покупками, и захлопнул ее.

Он полез в ящик в своей спальне и достал носок, в котором спрятал свою записку в двадцать фунтов. Вытащив ее, он сунул банкноту в карман. Этого будет достаточно, чтобы купить немного нездоровой пищи в магазине на углу и продержаться до завтра. Уолли натянул куртку, провел пальцами по волосам и вышел.

Удивительно, насколько лучше он чувствовал себя теперь, когда на него не давил этот дурацкий костюм клоуна. Все воспринималось как сон. Ничего из произошедшего не казалось реальным. Запах последнего кулинарного шедевра миссис Батты наполнил его ноздри, и желудок застонал, когда Уолли прошел через общий вход. Он подумал, каково это — войти в ее квартиру, сесть и поесть нормальной домашней еды. Как давно это было.

Он дошел до магазина на углу, где было полно детей, покупающих пакеты со сладостями и банки с газировкой. Парочку из них прогнал из магазина несчастный мужчина, который им управлял, и Уолтеру пришлось спрятать улыбку, услышав, как они на улице обзывают его старым пердуном. Он взял корзину, наполнил ее чипсами, шоколадными батончиками и банками колы. Изучил упаковку бекона, но мысль, что его нужно готовить, удержала Уолли от покупки. На полке лежала упаковка сосисок для микроволновки с ярко-желтой уменьшенной наклейкой, и он положил ее к остальным товарам. Можно ли на самом деле приготовить сосиски в микроволновке? Впрочем, плевать. За фунт стерлингов он бы попробовал.

Уолли взял буханку хлеба и четыре банки «Стеллы» и отнес корзину к прилавку. Ворчливый мужчина проверил его товары и протянул руку за деньгами, не сказав ни «пожалуйста», ни «спасибо», что очень разозлило Уолли. Он терпеть не мог грубых людей; ведь не так уж много нужно, чтобы сказать «пожалуйста»? Он передал ему деньги, затем протянул руку за сдачей, все время хмурясь. Когда вышел на улицу, к нему подошли те двое

мальчишек, которых прогнали.

— Эй, мистер, не могли бы вы купить нам сигарет, пожалуйста?

Уолли посмотрел на них. Сколько им лет? Восемь, двенадцать?

— Я не думаю, что вы достаточно взрослые, чтобы курить.

— Неа, но какая вам разница, если мы сами себя убьем?

Уолли пожал плечами. Никакой, он полагал. Он протянул руку за деньгами, и они передали пятифунтовую купюру, вот так просто. Господи, да ему в их возрасте пришлось бы целый месяц развозить газеты, чтобы получить такую сумму.

— Пачку «Ламберт и Батлер», дружище.

Уолли не знал, хватит ли ему этих денег, но зашел внутрь и попросил сигареты. Хозяин дал ему пачку и совсем немного сдачи. Уолли вышел и отдал их.

— Спасибо, мистер, я умираю от желания покурить.

Он уставился на парня.

— Не за что.

Затем он повернулся и пошел прочь. Возможно, они вели себя нахально и были слишком молоды, но, по крайней мере, у них хватало манер, чего не скажешь о владельце магазина. Уолли улыбнулся, переходя дорогу и двигаясь мимо входа в парк, огороженного сине-белой полицейской лентой. Там стояла сотрудница полиции, охранявшая вход, и он почувствовал, что его сердце учащенно забилось. Что, если она узнает, что это сделал он? Уолли почувствовал, что его кожа покрывается мурашками, а голова снова начала пульсировать.

Дежурившая женщина-полицейский посмотрела на него, и Уолли кивнул улыбаясь. Она улыбнулась в ответ, и Уолли продолжил идти. Ему нужно вернуться домой, потому что там он будет в безопасности. Кроме того, необходимо что-то делать с его сокрушительной паранойей.

Когда он наконец достиг входной двери в квартиру, то облегченно вздохнул. Зайдя в квартиру, он закрыл за собой дверь.

Повернувшись, Уолли увидел, что костюм клоуна висит на вешалке с обратной стороны двери, где он обычно его хранил. Он уронил пакет с покупками. Открыв рот от шока, он огляделся вокруг. Это же не могло быть реальностью? Как, черт возьми, он сюда попал? Должно быть, кто-то следил за ним, когда он отнес пакет с костюмом в парк. Они, должно быть, смотрели, как он выбросил пакет, а потом ждали, пока Уолли уйдет, чтобы положить его обратно.

«В этом сценарии есть только одна проблема, Уолтер: как они попали внутрь? Ты закрыл дверь за собой. Ты вернулся за ним и даже не заметил, точно так же, как убил человека в парке. Ты ведь понятия не имеешь, почему ты убиваешь незнакомцев?» Уолли покачал головой и побежал проверять окна спальни и ванной. Нет, должно быть, кто-то проник в дом через открытое окно. Оба окна оказались закрыты, и мало того, плотно заперты на маленький ключ.

Сердце бешено колотилось, а кровь стучала в голове, и он вернулся в гостиную. Может быть, у него просто галлюцинации, и костюма там вовсе нет. Уолли вошел и почувствовал, что пол уходит у него из-под ног. Там во всей своей окровавленной красе висел костюм клоуна. Он висел так, словно принадлежал ему и никогда не покидал комнату. Уолли не знал, что делать и что происходит, но не мог оторвать глаз от костюма.

Лето 1950 года.

Колин не вернулся в цирк. Он не хотел оставаться там один. Никто из других артистов не стал бы ему помогать, и все стало бы совсем по-другому. Ему некуда было идти, и когда Колин вышел из больницы, то пошел бродить по рынку. Цирк оставался в городе еще два дня.

Колин ночевал в парке и радовался, что сейчас тепло; если бы пошел дождь, у него возникли бы проблемы. Теперь он не знал, что делать. Он не мог вернуться домой, потому что у него нет дома. Он был растерян и сбит с толку, когда с ним заговорила женщина, владелица киоска с овощами и фруктами. Она наблюдала за ним последние два дня, пока он бесцельно бродил.

— Что с тобой, парень? Ты выглядишь так, словно твой мир рухнул.

Он задумался, потом кивнул. Так и было. Она протянула самое большое красное яблоко, которое он когда-либо видел, и улыбнулась ему.

— Давай, бери. Похоже, тебе не помешала бы хорошая еда и горячая ванна. Неужели о тебе некому позаботиться?

Колин взял яблоко, повертел его в руках и удивился, какое оно красочное. Затем, поняв, что она сказала, покачал головой.

— Я сам по себе и не знаю, что делать и куда идти. Спасибо за яблоко. Я умираю с голоду.

Она смотрела, как он откусывает яблоко, и сок стекает по его подбородку. Он напомнил ей ее сына Фредди; его призвали, он ушел на войну воевать с этими чертовыми немцами и не вернулся домой. Это почти доконало ее, когда она не смогла попрощаться с сыном, которого боготворила с того дня, как впервые увидела. Он был таким хорошим мальчиком — всегда готовым помочь ей — и часто работал в ларьке, если у нее выдавался плохой день и она не могла выйти из дома.

Она не знала, пожалеет ли об этом, но, возможно, этот парень послан ей не просто так. Она могла бы помочь ему, не очень многим, но предложить комнату для ночлега, немного еды и одежды. Взамен он мог бы работать в ларьке для нее. Работать становилось все труднее. Окровавленные пальцы и колени болели с момента пробуждения и до сна, а если ей удавалось поспать, то это становилось просто чудом. Она протянула руку.

— Я Мэгги Уилкс, это мой ларек. Мне нужен помощник, если ты заинтересован, а взамен я могу предоставить тебе комнату и жилье. Правда, платить много не смогу.

Он взял ее руку и пожал.

— Я Колин. Я собирался стать клоуном, пока мне на голову не уронили столб, а моего друга не посадили в тюрьму.

Мэгги уставилась на него с открытым ртом.

— Что ж, дорогуша, боюсь, это будет не так захватывающе, как жизнь в цирке, но все-таки хоть что-то, пока ты снова не найдешь свой путь. Что скажешь?

Он улыбнулся ей, согласно кивая.

— Да, я говорю, да. Спасибо, Мэгги.

В камере было скучно. Но он не возражал. Это лучше, чем многие другие места, где он

мог бы оказаться. Он так и не смог восстановить речь после несчастного случая в цирке, и всякий раз, когда его спрашивали, виновен ли он, пожимал плечами. Он не знал, что произойдет, но понимал, что все будет плохо. Он словно смирился со своей участью. Он не мог говорить; не мог стоять прямо, не испытывая ужасных головных болей из-за повреждений, нанесенных огромным деревянным столбом в тот ужасный день. И если он не мог работать в цирке, то и жить дальше не имело смысла.

Вчера его спросили, какое у него любимое блюдо, и он, как мог, нарисовал картинку, но даже она не вышла блестящей. Когда охранники открыли дверь и внесли поднос с жареной курицей, он съел все, вымазав подливой подбородок. Они даже принесли ему в придачу пудинг, так что он не жаловался. Когда он отправил в рот последнюю ложку холодного пудинга, то поднял голову и увидел священника.

Мужчина спросил, может ли он войти и помолиться с ним, но он лишь тихо рассмеялся и покачал головой. Он ненавидел церковь — всегда ненавидел, и если они думали, что, подкрепившись хорошим ужином, он захочет послушать священника, они могут подумать еще раз. Лежа на койке со скрещенными за головой руками, он вспоминал тот день на ринге, когда все шло идеально, пока не появились те полицейские. Он услышал, как тяжелый ключ, которым тюремный надзиратель открывал металлические ворота, повернулся в замке. Он приподнялся, чтобы посмотреть, что происходит, и с удивлением увидел четырех охранников и священника.

— Давай, парень, пора.

Ему стало интересно, для чего именно пришло время? Может быть, они собирались отпустить его обратно в цирк? Он встал, и двое охранников шагнули вперед, сковывая его руки. Он позволил им это сделать, не желая драться и портить настроение. Они ненавидели, когда он ссорился с ними. Они подхватили его под руки и повели из камеры. Через несколько шагов они оказались за стеной, а он стоял перед тем, что выглядело как неровные деревянные ворота.

На его голову натянули коричневый мешок из грубой ткани, и он запаниковал. Почему они это делают? Это нечестно, когда он даже не мог говорить, чтобы их спросить. Он не смог дышать, когда почувствовал, как что-то тяжелое накинули ему на голову, на шею и затянули. Силясь снять мешок с головы, почувствовал, как пол уходит у него из-под ног, и он падает вниз через отверстие в люке. Веревка натянулась, а потом все исчезло — шея сломалась, и он остался болтаться, как марионетка в натуральную величину.

Глава 19

Энни не могла вынести ощущения беспомощности и страха. Она должна выяснить больше о костюме клоуна и, что он означает. Она не поедет в Барроу. Она старалась держаться подальше от этого города, но это не означало, что нельзя поискать информацию в Интернете. Энни села за компьютер. По крайней мере, это займет ее мысли. Покачивая Альфи в его коляске ногой, она пыталась одной рукой съесть порцию супа, а другой набрать текст в поисковой строке.

Громкий хруст шин на дороге заставил ее остановиться. Энни повернула голову, умудрившись пролить ярко-красный томатный суп на свою футболку. Снаружи стояла полицейская машина. Черт — это Джейк. Встав, попыталась вытереть брызги супа, отчего пятно расплылось еще больше. Она подошла к входной двери и открыла ее прежде, чем Джейк ударил по ней своим огромным кулаком и разбудил Альфи.

— Что случилось, мисс Грэм? Ты меня звала?

Энни почувствовала, что ее щеки начинают гореть, пытаясь придумать убедительную причину, почему она попросила Джейка зайти и не смогла.

— Ничего особо важного. Ты голоден?

— И как ты думаешь, что я отвечу?

Она рассмеялась.

— Да, потому что ты всегда хочешь есть.

— Правильно. Ты правда хотела, чтобы я приехал сюда только для того, чтобы накормить меня до отвала?

Энни открыла рот, не совсем веря в то, что слышит.

— Ладно, иди и поешь где-нибудь в другом месте. Я не собираюсь откармливать тебя.

Джейк усмехнулся.

— Если я обвиню тебя, Алекс не станет на меня кричать.

Он посмотрел вниз на пятно на ее груди.

— Если все, что ты можешь предложить, это банку томатного супа, я пас. Я больше склоняюсь к сэндвичу с беконом и яйцом, с колбасой и грибами. И все это хотелось бы запить огромной кружкой чая.

— Господи, если бы знала, что ты хочешь завтрак из всего, что только можно съесть, я бы не стала беспокоиться. — Джейк скривился, а она покачала головой. — Это эмоциональный шантаж.

— Расплата за то, что заставила меня ехать к тебе в жаркий день, когда сотни туристов разъезжают как придурки по этим извилистым, живописным дорогам. Знаешь, я до сих пор не простил тебя за то, что ты заставила меня перевестись на Озера, а сама отправилась в отпуск.

Энни прошла на кухню и начала доставать из холодильника все, что Джейк просил. Ему повезло, что она сделала запасы для Уилла.

— Если бы ты работал в Барроу, то, скорее всего, охранял бы место происшествия в парке. Медленно ездить за туристами, наверное, лучший из двух вариантов.

— Правда. Ты слышала об этом?

Энни не знала, хотела она знать об этом деле или нет. Прежде чем она успела ответить, Джейк принялся рассказывать ей все подробности. Энни порадовалась, что стоит к Джейку спиной, так что он не мог видеть выражение ее лица, когда она принялась жарить бекон и сосиски.

— Уилла может не быть дома несколько часов. Почему бы тебе не поехать и не навестить Алекса? Я волнуюсь за вас с Альфи, застрявших в этом доме в глуши.

— Я не должна ехать в Барроу.

Она могла бы попинать себя, но теперь уже слишком поздно.

— Почему?

— Потому.

— Потому что?

— Потому что мне снились странные сны о том, кто убивает людей, и Дерек велел держаться от Барроу подальше.

Она закончила делать его сэндвич и повернулась, поставив тарелку перед ним. Посмотрев на его лицо, Энни поняла, что Джейк собирается над ней посмеяться.

— Дерек, тот странный медиум из Дома-Призрака?

Она согласно кивнула.

— Как он? Прошло несколько лет с тех пор, как ты его чуть не угробила.

Энни скрестила руки и грозно посмотрела на Джейка.

— Я не это имел в виду. Это была не твоя вина. Просто ты давно о нем не вспоминала.

— Ну, я не хотела его впутывать, но он сам позвонил. Сказал, что почувствовал, что должен это сделать. Я не знаю, что мне делать, Джейк. Мне страшно, потому что в этих снах я словно нахожусь там, где и убийца.

— Что?

— Ты понимаешь.

— Нет, не понимаю.

— Когда он убивает своих жертв. Мне снилось, что я слежу за ним; только он догадался, и сказал, что знает обо мне.

Джейк жевал огромный кусок сэндвича, который только что взял, и, казалось, обдумывал ее слова.

— Убийца в реальной жизни выяснил, что ты следила за ним во сне, и теперь ты до смерти напугана?

Она кивнула.

— Энни, это совершенно новый уровень странности даже для тебя. Он знает, кто ты?

— Нет.

— Аллилуйя. Что ты собираешься делать?

— Держаться подальше от Барроу и надеяться, что Уилл поймает этого убийцу как можно скорее.

— Ты рассказывала золотому мальчику об этом?

— Да, и он взбесился.

— И поэтому ты звонила мне вчера вечером. Прости, Энни. Сейчас у вас с ним все в порядке?

— Да, думаю, да. Он конечно не в восторге.

Джейк рассмеялся.

— Я не шучу и не принимаю сторону Уилла, но разве можно его винить? Ведь не то чтобы у тебя имелся дерьмовый послужной список в этих странных делах с привлечением серийного убийцы, верно?

Она села на стул напротив него и вздохнула.

— Нет.

— Слушай, если хочешь мой совет, держи двери закрытыми, телефон заряженным, и да, тебе лучше не приближаться к Барроу. Я не вижу способа, которым этот больной мог бы о тебе узнать. Может тебе принять снотворное, чтобы не видеть снов?

— А что, если приснится продолжение, и убийца будет преследовать меня во сне, а я не смогу проснуться, чтобы предупредить всех, потому что вырублюсь? Я лучше буду держать себя в руках и не спать много.

Телефон Джейка зазвонил. Он ответил на звонок, и даже Энни услышала голос Кэти на заднем плане, которая его отчитывала. Он держал трубку подальше от уха, чтобы она его не оглушила. Когда она закончила свою тираду, он просто ответил:

— Да, босс.

Джейк положил телефон обратно в карман.

— В участке не все в порядке. Я должен был присутствовать на встрече с местными членами совета, но забыл.

Энни рассмеялась.

— Как ты мог забыть что-то настолько важное?

— Потому что получил от тебя то загадочное сообщение и решил, что лучше пойти и убедиться, все ли с тобой в порядке. Я беспокоюсь о тебе больше, чем о ком-либо за всю свою жизнь, хотя ты и заноза в заднице.

Он встал, вытер рот тыльной стороной ладони и отнес свою тарелку в раковину. Затем подошел к ней, сидящей на барном стуле, и обхватил ее своими огромными руками, крепко сжав.

— Звони, если я тебе понадобится. Я тебя люблю.

Она крепко обняла его в ответ.

— Позвоню, и я люблю тебя больше.

Джейк поцеловал ее в щеку и направился к входной двери. Выйдя на улицу, он повернулся к Энни.

— Я думаю, на этот раз все будет хорошо, малышка. Это всего лишь сон, и если ты не похожа на ту девушку из «Кошмара на улице Вязов», то с тобой все будет в порядке.

Она закатила глаза.

— Спасибо, Джейк. Я так рада, что ты напомнил мне об этом фильме. Какое облегчение.

Она помахала ему рукой и закрыла дверь на замок. Теперь Энни пришло в голову, что она нечаянно поставила трех человек в известность о своей способности следить за убийцей в своих снах, и это может быть опасно для любого из них.

Она снова села за компьютер и начала читать страницы, которые выдал ее поиск. Клоуном-убийцей Тафти оказался человек по имени Горди Маршалл, арестованный после того, как в кустах неподалеку от цирка нашли тело ребенка. Энни вздрогнула. Какой ужас — бедное дитя, должно быть, испытало ужас. Клоуны пугали, и когда вели себя по-доброму, не говоря уже о злых клоунах.

Она прочитала несколько подобных статей, а потом нашла еще одну, где рассказывалось о клоуне-стажере, который убежал от полиции в тот день, когда арестовали Тафти. Произошел несчастный случай, в который попали и Тафти, и парень. Ей пришлось перечитать статью, чтобы найти его имя: Колин Листер. Оба они попали под падающий цирковой столб, который серьезно ранил Тафти и травмировал Колина.

Энни порадовалась, что клоун хоть немного расплатился за то, что сделал с бедным ребенком. История напоминало что-то из киносценария. На самом деле Энни удивлялась, что никто еще не снял об этом фильм. Она набрала в поисковике имя Колина и с удивлением увидела статью двухлетней давности с фотографией пожилого мужчины, улыбающегося и держащего букет цветов для своей сиделки в доме-интернате, где он жил.

Энни не знала, тот ли это Колин, но он подходил по возрасту. Для своих лет он выглядел довольно крепким и подвижным. На его лице не было желтизны или впалых щек. Возможно, он еще жив. Набрав название дома престарелых, она обнаружила, что он находится на окраине Грейндж-Овер-Сэндс, что не так уж и далеко.

Она села. Не слишком ли это хорошо, чтобы быть правдой? Возможно, но Грейндж находился совсем недалеко от Барроу, так что это добрый знак. Она могла бы навестить его, и попытаться выяснить, тот ли это Колин из цирка, а потом узнать, что случилось с костюмом клоуна Тафти. Конечно, все это может быть просто совпадением, и она выяснит, что он никогда в жизни не выступал в цирке. Но поговорить с ним не помешает? Так она

поможет Уиллу, и при этом он не будет знать о ее помощи, и ей будет чем заняться. Энни взяла телефон и набрала номер дома престарелых.

— Добрый день, «Мидоу Филд».

— О, здравствуйте, может, вы сможете мне помочь? Я ищу дальнего родственника по имени Колин Листер, и, насколько знаю, он проживал в этом месте.

— Я могу узнать ваше имя?

Энни смутилась.

— Энни Грэм. — Она не хотела называть свою супружескую фамилию на случай, если ее будут проверять.

— Ну, я не должна сообщать информацию о жильцах по телефону, но могу подтвердить, что у нас проживает пациент с таким именем.

— Правда? О, это чудесно. Могу я его проведать? Он меня не знает, но я бы хотела поздороваться, когда буду в этом районе, и представиться ему.

— Конечно, можете. У нас нет времени для посещений, мы открыты в любое время. Хотите, я передам ему, что вы собираетесь зайти?

— Эмм, да, если хотите. Будет здорово, спасибо. Я приеду в ближайшие пару часов.

— Я уверена, Колин придет в восторг. К нему не приходят гости. Это будет приятная перемена для него. До свидания.

Она повесила трубку, и Энни задумалась, во что только что себя втянула. Ее щеки горели. Конечно, она не умела лгать, и ей стало не по себе, но если сможет узнать побольше об этом ужасном костюме, то, возможно, получится помочь Уиллу поймать убийцу, пока он не убил снова.

Уилл отправил Брэда домой переодеться, потому что от него воняло, и этот запах, казался хуже, чем кровь вокруг жертвы, сейчас высыхающая на солнце и привлекающая всех насекомых в радиусе трех миль. Дебс почти закончила брать все образцы, и тело оставалось лишь доставить в больничный морг.

Лебедь — к всеобщему облегчению — держался в стороне и позволил им заняться делом. Весь парк оцепили, пока собиралась поисковая группа и выясняла, как убийца мог войти и выйти. Уиллу пришла в голову мимолетная мысль: что же такое сказала Энни? Во сне она последовала за убийцей в парк. Она могла знать, через какой вход он вошел, и сэкономить им часы поисков.

Он разрывался. Спроси он у нее, это значительно облегчило бы им жизнь. Но тогда ему придется рассказать, откуда она узнала, и тогда ее втянут во все это расследование. Ему также пришло в голову, что Энни, возможно, даже сможет опознать убийцу. Вот дерьмо, почему у нее не появилось способности сочинять потрясающие стихи или печь умопомрачительные торты? Зачем ей нужно шестое чувство, которое, по-видимому, сводит ее с опасными убийцами и их призраками?

Уилл шел обратно к машине, размышляя, что ему делать. Сняв пиджак и галстук, он расстегнул несколько верхних пуговиц на своей теперь уже влажной рубашке. Он сел в машину, завел двигатель и включил кондиционер на полную мощность, чтобы охладиться. Его голова раскалывалась от жары, и он откинулся назад, прижавшись к прохладному кожаному подголовнику. Закрыв глаза.

У них две жертвы, без каких-либо известных связей, разного пола; единственное, что их

объединяло, — это возраст. Насколько он знал, они не были знакомы друг с другом. Убийца не оставил никаких видимых улик, хотя ДНК и соскобы из-под ногтей Полины Кук обрабатывались в ускоренном режиме, так что сегодня может быть найдено совпадение.

Боже, он надеялся на это. Он просто хотел, чтобы тот, кто это сделал, оказался под стражей, и больше никому не смог причинить вреда. Они могли бы разобраться с тем, почему и что, как только его поймают.

Громкий стук в окно заставил Уилла подпрыгнуть. Он увидел Адель, которая стояла там и выглядела такой же разгоряченной и взволнованной, как и он сам. Он нажал на кнопку, чтобы опустить окно.

— Все хорошо, Уилл?

Он кивнул.

— Прибыли работники погребальной конторы. Они готовы перевезти тело.

— Хорошо, это хорошо. Что насчет команды по уборке? Кто-нибудь запрашивал? Мы не можем оставить там всю эту застывшую кровь. Это опасно для здоровья.

— Да, я думаю, это сделали пару часов назад. Они наготове, как только место происшествия будет очищено.

— Спасибо, Адель, я ценю твою помощь.

— Без проблем, для этого я здесь и нахожусь. Оперативная группа готова к работе. Очевидно, Хоббс сказал, что они всегда входят и выходят через ворота на Эбби-роуд, так что ребята начнут оттуда и пройдут весь путь до места преступления.

— Звучит неплохо.

Уилл вышел из машины, все еще размышляя, не стоило ли ему просто упростить всем жизнь, позвонив Энни. Они прошли небольшое расстояние от парковки развлекательного центра до моста и спустились по ступенькам. Навстречу им попала знакомая серебристая машина «Частной санитарной службы». Машина припарковалась на травяной обочине как можно ближе к мосту. Два рабочих прислонились к ней, ожидая разрешения забрать тело.

Уилл направился к ним, в последний раз оглядывая окрестности. Он поднял большой палец вверх и кивнул, чтобы они приступали к делу. Он хотел оказаться подальше от солнца, в своем кабинете, где вентилятор будет обдувать его лицо холодным воздухом. По крайней мере, в больничном морге всегда прохладно — еще один бонус работы в качестве детектива, занимающегося последними убийствами. Уилл чувствовал себя усталым так, как никогда раньше, как будто все его тело и кости измождены. И так оно и было, потому что он устал иметь дело с таким количеством смерти и насилия.

Когда гробовщики покинули место преступления, а за ними последовала полицейская машина, Уилл решил, что ему нужен холодный душ и ледяной напиток. Он обратился к Адель.

— Поехали, мы сделали свою часть работы. Наряды и сотрудники общественной полиции могут охранять место происшествия, пока не закончатся обыски.

Выражение радости на ее лице заставило Уилла улыбнуться. Они шли к его машине в молчании, оба слишком разгоряченные и уставшие, чтобы вести светскую беседу. Когда он завел двигатель и кондиционер заработал на полную мощность, Адель закрыла глаза и вздохнула.

— Слава богу. Даже не знаю, что хуже — работать на месте убийства летом или зимой. Как думаешь?

— Я думаю, что лучше бы вообще не работал, если честно, но если бы мне пришлось

выбирать, то это была бы зима. Я не выношу такой жары, а летом запах всегда в сто раз хуже.

Адель кивнула в знак согласия. Она все еще не открывала глаза.

— Что бы я отдала за ледяной стакан чего-нибудь алкогольного, чтобы заглушить боль и снять стресс.

Уилл усмехнулся.

— Я бы тоже не отказался, но лучшее, что могу предложить, это один из тех напитков типа шипучки из «Коста». Ты бы согласилась на один из них?

— О боже, да, пожалуйста; тропический на вкус как «Малибу» с ананасом.

— Так, тогда нужно взять два. Интересно, знает ли о них Энни? Она равнодушна к «Малибу» и ананасам время от времени.

— Ну, если она не знает, возьми ей домой один. В такую жару это хорошая замена кофе. Как она вообще? Ты сегодня не очень разговорчив. Все в порядке?

Уилл раздумывал, стоит ли рассказывать ей, что произошло прошлой ночью, но потом передумал. Он знал, что Адель не станет сплетничать, но не хотел расстраивать Энни, вдруг это дойдет до нее. У Джейка так много способов выведать информацию. Он без колебаний рассказал бы Энни, если бы ему показалось, что Уилл говорит об их супружеской жизни больше, чем обычно.

— Она в порядке, спасибо; просто ей немного надоело сидеть дома, я думаю — и она не знает, чем себя занять.

— Должно быть, нелегко жить там, где вы поселились. Полагаю, она довольно изолирована от мира.

— Да, хотя в этом есть свои плюсы. Она не может попасть в большие неприятности в этой глуши.

Адель улыбнулась.

— У вас выдалась трудная пара лет. Наверняка вам обоим нелегко пережить то, что случилось.

— Это лучшее и, возможно, худшее время в моей жизни. Никогда не думал, что встречу человека, который заставит меня почувствовать то, что я чувствую к Энни. И в то же время мы пережили столько страшных событий, что просто невероятно.

— Ну, теперь, надеюсь, все уладилось, у вас обоих есть Альфи, и Энни не работает.

— Да, это было замечательно. Но время идет так быстро. Ему уже восемь месяцев, и ей скоро придется решать, возвращаться ли на работу. Уверен, она так же разрывается, как и я. Она любит работать и любит быть независимой. Я бы никогда ее этого не лишил. Я просто не хочу, чтобы она работала в полиции, разве что в офисе, но это не в стиле Энни. Ей бы не понравилось сидеть взаперти в одном месте.

— Я не могу ее винить. Как бы я иногда ни ненавидела эту работу, не представляю себе ничего другого. А вы можете себе это позволить, если она не будет работать?

Уилл рассмеялся.

— Да, можем. Ей вообще не нужно работать. Я удивлен, что никто еще не посвятил тебя во все подробности моей жизни.

— Ах, я слышала кусочки, но предпочитаю получать информацию из первых уст, а не из сплетен.

— Брэд.

— Я не могу сказать.

— Мы не миллионеры, если тебе так сказали. Ну, во всяком случае, пока нет. Хотя мой

отец довольно обеспечен, а я единственный ребенок, так что, полагаю, когда-нибудь, о чем предпочитаю не думать, до этого может дойти. А пока, скажем так, я могу более чем обо всем позаботиться.

— А что насчет тебя? Неужели тебе так нужна работа в полиции?

Он посмотрел на Адель.

— Что ты имеешь в виду?

— Если тебе повезло, и ты можешь содержать вас обоих, зачем нужна работа в полиции, Уилл? Она истощает психику, угнетает, а ты и раньше выглядел так, будто измотан.

— Я не знаю. Никогда об этом не задумывался. Раньше мне нравилась работа полицейского, но после Генри Смита и Хита Тайсона она потеряла свою привлекательность. Хотя я не знаю, чем бы занимался, если бы не мог ходить на службу.

— Тогда, возможно, Энни чувствует себя именно так — она боится делать что-то еще. На вашем месте я бы подумала о создании какого-нибудь бизнеса, где вы могли бы работать вместе и забыть об этом месте. Вы сделали все возможное для жителей Барроу. Вы ловили убийц и чуть не погибли, выполняя свою работу. Может, пришло время начать что-то новое?

— Например?

— Я не знаю. Может быть, вы могли бы организовать консалтинговый бизнес, стать частными детективами. Должно быть что-то лучше этого. Только не говори, что ты не волнуешься каждый раз, когда оставляешь ее одну, потому что наверняка ты в ужасе. Я бы переживала.

Адель замолчала, явно беспокоясь, что перегнула палку. Она приоткрыла один глаз и посмотрела на Уилла, который пытался придумать, как они с Энни могли бы начать все сначала — с чего-то другого. Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— Спасибо.

— За что?

— Ты заставила задуматься, что в жизни есть нечто большее, чем это. Идея отличная, и я постараюсь придумать что-нибудь, с чем Энни согласится.

— Не за что. А теперь, босс, везите меня за моим «тропическим коктейлем», пока я не скончалась от теплового удара.

Глава 20

Энни оставила Альфи в доме Лили и Тома. Она не хотела брать его с собой и втягивать в свои дела. Хотя знала, что это не опасно: в Англии шесть тысяч Колинов Листеров, и он вряд ли поймет, о чем она говорит. Она поцеловала Альфи, передавая его Лили.

— Спасибо, я буду через пару часов, не больше.

— Милая, ты можешь задержаться хоть на пару дней, нам все равно. Нам нравится, что он с нами, правда, Том?

Том усмехнулся.

— Конечно, нравится. Альфи не дает Лили думать о ремонте.

Энни засмеялась.

— Ах, тогда я рада быть полезной. — Она подмигнула Тому и побежала обратно вниз по ступенькам к машине, чтобы достать сумку для переодевания. Она передала ее Тому, который все еще ждал Энни. Лили исчезла в огромном доме вместе с Альфи.

— Скажи мне, если я лезу не в свое дело, Энни, но ты в порядке?

— Я бы никогда вам этого не сказала, и да, я в порядке, спасибо.

— А как насчет моего сына? С ним все хорошо?

— Да, с ним полный порядок. Вы слышали об убийствах?

Том кивнул.

— К сожалению. Позволь только спросить — твои дела не имеют к ним никакого отношения? Я так беспокоюсь о вас обоих, а теперь еще и этот великолепный ребенок.

— Я обещаю, что не буду вмешиваться. А то Уилл сам меня убьет. Я просто помогаю с небольшими исследованиями. Я не собираюсь приближаться к Барроу.

Он вздохнул с облегчением.

— Хорошо. В любом случае ты больше не думала об этой бизнес-идее?

Энни улыбнулась.

— Да, думала, и с каждой минутой она кажется все лучше и лучше. Мне просто нужно обсудить это с Уиллом. Он сейчас так занят, что у нас нет времени.

— Ну, скажи ему, чтобы он нашел время. Это очень важно для вас обоих.

— Я передам, увидимся позже. — Она помахала ему рукой, и он помахал в ответ. Она почувствовала себя ужасно, солгав Тому. За один час она солгала дважды, хотя обычно никогда этого не делала. Что с ней случилось? Технически это нельзя назвать большой ложью, и она не вмешивалась в дело Уилла. Она просто пыталась выяснить, откуда, черт возьми, взялся этот клоунский костюм, и кто его купил, чтобы Уилл мог заняться делом и поймать убийцу, пока никто больше не пострадал. И ничего плохого в этом нет; это даже хорошо, и совсем не опасно.

Она собиралась в дом престарелых, а не в тюрьму или психиатрическую больницу. Она отъехала. Дорога до Грейнджа займет минут тридцать, а то и меньше, если только по пути не будет слишком много пробок. К тому же она знала, где находится этот дом престарелых. Энни много раз проезжала мимо него, направляясь в причудливый приморский городок, где в ее детстве находился самый лучший открытый бассейн, в котором она когда-либо бывала.

Когда она свернула на дорогу к некогда роскошному особняку, превращенному в дом престарелых, то подумала, не слишком ли увлеклась. Не может ли это быть опасно? Мимо нее проехал микроавтобус, полный пожилых людей с седыми волосами и улыбающимися лицами, и она помахала им рукой. Они все дружно замахали в ответ, и Энни сказала себе, что нет, ничего опасного здесь нет, а она просто слишком осторожничает.

Она припарковала машину, покрасила губы тонким слоем нюдовой помады и сбрызнула себя «Шанель». Энни не хотела выглядеть или пахнуть как обыкновенная взволнованная мать.

По периметру здания стояли камеры, и ей стало интересно, следят ли они за стариками или за теми, кто приходит в дом престарелых. Грейндж довольно богатый район, и, скорее всего, здесь проживает немало состоятельных пенсионеров.

Приемный покой выглядел огромным и величественным. Здесь висела хрустальная люстра, такую она с удовольствием повесила бы в своем доме. Все намного современнее, чем она ожидала, хотя и не совсем понимала, чего ждала. Стол администратора стоял без присмотра, и она села на кожаный диван напротив него. Не хотелось показаться слишком нетерпеливой или грубой.

Через несколько минут к ней подошла элегантно одетая женщина.

— Извините, мне срочно пришлось отойти. Могу я вам помочь?

Энни узнала ее голос по предыдущему телефонному звонку.

— Да, я звонила около часа назад, чтобы узнать, могу ли поговорить с Колином Листером.

Женщина протянула руку.

— Значит, это вы. Энни Грэм, верно?

Энни взяла руку и пожала.

— Да, это я.

— Я передала Колину, что вы собираетесь приехать. Он слегка удивился, если честно. Не думал, что у него еще остались живые родственники, но он с нетерпением ждет встречи с вами.

Если Энни и чувствовала себя виноватой, то сейчас признаться самое время: мало того, что она солгала о родстве, так еще и бедный мужчина мог понадеяться, что он не совсем одинок. О Боже, что ей с этим делать?

— Пойдемте, я отведу вас в его комнату.

На какой-то миг Энни чуть не развернулась и не побежала обратно к машине. Это ужасно. Но она не могла так поступить с Колином. Самое меньшее, что она могла сделать, это пойти и увидеться с ним и честно рассказать о причине своего прихода. Она пошла за администратором по длинному коридору, ее желудок подрагивал. Женщина остановилась и постучала в белую дверь с номером тринадцать. Энни удивилась, что у них есть номер тринадцать — большинство пожилых людей склонны к суевериям. Дверь открылась, и перед ней, улыбаясь, появился мужчина, фотографию которого она видела в газете.

— Вы, должно быть, Энни. Входите. Приятно познакомиться.

Администратор улыбнулась Колину.

— Мне распорядиться, чтобы принесли чай, Колин?

Он кивнул.

— Это было бы замечательно, Кейт, спасибо.

Энни улыбнулась. Он протянул руку, и Энни взяла ее. Она не ожидала, что его рукопожатие будет таким крепким, и что он так молодо выглядит для своего возраста. Колин отступил назад, и она последовала за ним, любуясь светлой и просторной комнатой. На стене висело несколько черно-белых гравюр — все со сценами из цирковой жизни, и она почувствовала крошечную искорку надежды.

— Мне нравится. Вы любите цирк, Колин?

Он кивнул.

— Я обожаю цирк. Когда-то это было мое самое любимое место во всем мире. Пожалуйста, присаживайтесь. Кейт скоро организует чай, и тогда вы сможете рассказать мне о себе побольше. Я удивился. Не думал, что у меня осталась семья.

Энни села на стул, на который он указал. Дверь открылась, и вошла девушка лет семнадцати, балансируя с подносом чая на одной руке и пытаясь удержать дверь. Энни вскочила и забрала у нее поднос, пока та не получила ожог третьей степени.

— Спасибо, Линдси.

Она улыбнулась.

— Не за что. — Затем удалилась, позволив двери захлопнуться за ней.

Энни смотрела, как Колин наливает две чашки чая, добавляя молоко.

— Сахар?

— Нет, спасибо.

Колин передал чашку, и Энни взяла, не замечая, что ее руки дрожат, пока та не начала дребезжать, и ей пришлось поставить чашку на стол, стоявший между ними.

— Мне очень жаль, Колин. Я должна сказать, что на самом деле не родственница, и

чувствую себя ужасно из-за того, что солгала. Просто меня поставили в затруднительное положение, когда позвонила, и я не думала, что мне позволят прийти и увидеться с вами, если скажу, что мы не знакомы.

Колин внимательно слушал, как будто очень хорошо обдумывал ее слова, а затем улыбнулся Энни.

— Я уже знал это, дорогая. У меня нет семьи. Я был единственным ребенком, но заинтригован, так что расскажите мне, почему вы здесь?

— Это немного сложно и не совсем понятно, но я офицер полиции, и в Барроу произошло несколько серьезных инцидентов. Я считаю, что преступник ходил в костюме клоуна.

— Чем я могу вам помочь? Какого рода инциденты? Если хотите, чтобы я был откровенен с вами, дорогая, тогда придется сказать мне, о каких именно инцидентах вы говорите.

Энни понятия не имела, правильно ли поступает, но об убийствах говорили во всех новостях. Единственное, чего не упомянули, так это костюм клоуна.

— Это между нами, Колин.

Он кивнул.

— Было совершено два убийства. Я провела небольшое исследование старинных костюмов клоунов и нашла один, очень похожий на тот, который, как мы думаем, носил подозреваемый. Вы когда-нибудь работали в цирке, Колин?

— Работал, очень давно, но недолго — к моему большому сожалению.

— Вы когда-нибудь работали вместе с клоуном по имени Тафти? Он носил черно-белый полосатый клоунский костюм с большой оборкой на шее, а на голове у него красовались три хохолка.

Она достала из сумочки листок бумаги с маленькой фотографией газетной статьи с изображением Тафти, которую распечатала перед отъездом. Энни протянула ему лист.

Колин помедлил, затем кивнул.

— Да, и он был просто потрясающим клоуном. Он был таким смешным и научил меня всему, что знал, за такой короткий срок. Он полностью изменил мою жизнь.

Она почувствовала, как выдохнула, не понимая, что сдерживала дыхание.

— Боже, как давно это было. Мне было семнадцать, когда я встретил Горди Маршалла, больше известного как Тафти. Я не могу вам ничего рассказать. Когда я был моложе, то не очень хорошо справлялся с житейскими ситуациями. Моя мать была пьяницей, которая никогда не помогала мне в учебе и вообще в жизни. Я не знаю, что произошло тогда, это случилось так давно.

— Мне жаль. Я не хочу ворошить воспоминания и расстраивать вас. Просто пытаюсь проследить, что случилось с тем костюмом клоуна. Ну, вы понимаете?

Он покачал головой.

— Не уверен, что знаю. Моя память уже не та, что раньше. Я думаю, что он мог остаться в цирке. Кто-то из клоунов мог сохранить его или, может быть, тот, кто получил фургон Горди. Мне жаль, что я не могу быть вам полезен.

Энни улыбнулась.

— Не стоит извиняться. Не стоило мне вас беспокоить. Просто подумала, вдруг вы знаете. Если честно, понадеялась на удачу.

Они оба отпили свой чай. Энни поставила чашку и встала.

— Спасибо, что встретились со мной. Простите, если я вас чем-то расстроила.

Колин смотрел на нее так, словно искал что-то в ее лице. Возможно, она напоминала ему кого-то из давних знакомых, но Энни стало немного не по себе.

— Меня не надо провожать.

— Спасибо, что пришли, Энни. Рад был вас принять. У меня не бывает посетителей. Если вы когда-нибудь узнаете, что случилось с костюмом, не могли бы вернуться и сообщить мне? Я совсем позабыл о тех жарких, сладких, долгих днях. Они были потрясающими: запах жирной краски и животных. Знаете, укротитель львов мог засунуть голову в пасть льву. Толпам это нравилось. Мне это нравилось.

Она взяла листочек и нацарапала на нем свой номер телефона.

— Если вы что-то вспомните, пожалуйста, не могли бы мне позвонить? Я живу не так далеко. Я могу быть здесь через тридцать минут — и спасибо, что уделите мне время, Колин.

Она вышла из комнаты, оставив Колина, разглядывающим газетную статью об аресте клоуна Тафти. К счастью, Энни увидела, как в противоположном конце коридора администратор помогает пожилой даме. Энни пошла еще быстрее, чтобы выйти из дверей до того, как женщина остановится, чтобы задать вопрос о ее суперкоротком визите.

Выбравшись на улицу и сев в машину, она дала задний ход и поехала прочь так быстро, как только могла, не подозревая, что Колин наблюдает за ней из окна своей спальни и улыбается. Ее приход вызвал у него множество воспоминаний, которые он постарался отодвинуть в сторону и забыть о них. Он не думал, что сможет выжить вне цирка, но ему это удалось.

Он нашел свой путь и место в жизни, и все у него складывалось как нельзя лучше. Несколько месяцев он помогал хозяйке фруктовой лавки Мэгги Уилкс, пока однажды гробовщик напротив не попросил его помочь, потому что ему нужен был сильный человек, и Колин согласился. Никогда не оглядываясь назад, он все еще скучал по цирку, но понял, что есть и другие способы прожить свою жизнь, даже если они и не такие веселые.

Уолли вернулся в постель и проспал несколько часов. На этот раз, проснувшись, он снова почувствовал себя почти человеком. Его желудок жалобно застонал. Он умирал от голода и нуждался в нормальной пище. На оставшиеся деньги он заказал пиццу с доставкой, а пока ждал, сходил в магазин и купил вечернюю газету, чтобы посмотреть, нет ли там упоминания о найденном трупе. Если бы ему очень повезло, они бы не нашли его, и это принесло бы огромное облегчение. Впрочем, полицейские работали довольно дерьмово, так что могли не найти труп и за несколько дней.

Он постарался выкинуть эту мысль из головы, потому что, если думать о ней слишком долго, болезнь возвращалась, отбивая аппетит, а ему очень хотелось пиццы. Уолли не стал пошел мимо парка, иначе увидел бы, что сотрудники общественной полиции все еще стоят у входа перед сине-белой полосатой полицейской лентой, натянутой поперек, чтобы никто не мог проникнуть на место преступления.

На улице толпились подростки со своими скейтбордами, а дети помладше размахивали мобильными телефонами, желая зайти внутрь, в поисках покермонов, которых нужно поймать. Вместо этого Уолли пошел в противоположном направлении, к ближайшему магазину за газетой и плотком свежего воздуха. Он действительно чувствовал себя по-

другому, как будто провел последние несколько дней в тумане и сейчас проснулся. Должно быть, дело в костюме; возможно, в нем живет тот, кто надевал его в последний раз, и этот человек, должно быть, злобный, больной ублюдок.

Он взял газету и большую бутылку колы, даже не глядя на заголовки, чтобы не спровоцировать приступ паники на виду у всех. Ему удалось проделать весь путь до дома, и Уолли уже входил в ворота, когда услышал, как на улице с визгом остановилась машина. Обернувшись, он увидел, что доставщик пиццы роется в красных термопакетах на заднем сиденье своего автомобиля.

Уолли поспешил внутрь подъезда и начал открывать свою дверь, готовый приступить к своему горячему, жирному, сырному пиршеству. Общая входная дверь стукнула за ним, и он почувствовал запах еды, который, в свою очередь, заставил его желудок громко булькнуть. Парень с пиццей последовал за ним.

— Это твои, приятель?

Уолли кивнул.

— Пятнадцать фунтов девяносто восемь пенсов, пожалуйста.

Он добавил «пожалуйста», и Уолли прикусил язык. Войдя в квартиру, он положил газету на угол дивана, затем повернулся, передавая деньги и принимая от курьера теплые коробки. Захлопнув входную дверь одной ногой, он повернулся и прошел в гостиную. Уолли смахнул газету, и она упала на пол.

Уолли совсем забыл о костюме, пока не увидел его во всей его окровавленной красе. Он почувствовал, как пальцы разжались, и коробки выскользнули из его рук прямо на пол. Он посмотрел вниз на огромный заголовок на первой странице газеты: «В парке найдено тело»; затем бросил взгляд на костюм, висевший на вешалке с обратной стороны двери. И почувствовал, как его желудок сжался, когда комната снова начала вращаться. Когда он упал на пол, все вокруг стало черным. Уолли ударился головой о коробку с пиццей, которая, к счастью, для него, остановила падение и не дала его голове удариться о холодный бетонный пол и разбить лицо.

Когда Уолли в конце концов разлепил веки, то удивился, почему лежит на полу. Он сдвинул голову, чувствуя под собой смятый картон. Его тело затекло, и он чувствовал, как холод пробирается сквозь одежду и заставляет его кожу онеметь. Приподнявшись, он открыл коробку с пиццей. Она немного остыла, и к крышке прилипли кусочки вязкого сыра. Его желудок застонал, и Уолли подумал, не потерял ли сознание из-за болезни.

Он сел, прислонившись к спинке потертого дивана, и принялся есть пиццу. Уолли не смотрел на газету и не оборачивался, чтобы посмотреть, на месте ли костюм. Сейчас ему нужно топливо для нормальной работы организма, и это все, что его волновало. Из-за бурления в желудке ему было трудно проглотить пиццу, но он откусил еще кусочек и медленно его прожевал.

Съев почти три четверти пиццы, Уолли пододвинул к себе коробку с картофелем фри и съел те, что удалось спасти и которые не расплющились об пол при падении. Когда он уже физически не мог есть, то все равно не двинулся с места, застонав от тяжести. Стоит ему повернуться и увидеть костюм, как его вырвет всем, что он съел. Тогда он поднялся на ноги и пошел в ванную, чтобы посмотреть на свое лицо, потому что у него болел нос и саднило щеку.

Ему потребовалось несколько попыток, чтобы схватиться за веревку, но он поймал ее и дернул достаточно сильно, чтобы свет наполнил комнату. Уолли посмотрел в зеркало и

скривился. Неудивительно, что у него болел нос. Вокруг ноздрей засохла кровь. На щеке виднелись зачатки темного сине-черного синяка, заполнившего почти всю сторону. Он потрогал его пальцем, и боль заставила Уолли вздрогнуть.

Подставив полотенце под кран и отжав, он сел на бортик ванны и прижал его к лицу. Что ему теперь делать? Как этот костюм вернуть? Он ничего не понимал, и все это не имело никакого смысла. Почему он не мог вспомнить, как вернулся за ним? Когда лицо уже не чувствовало боли, Уолли встал, помочился, затем глубоко вздохнул и открыл дверь туалета. Он надеялся, что ему все привиделось и костюма там нет, но в ужасе уставился на него. Клоунский костюм висел там во всей своей красе, чтобы весь мир увидел, что он сделал.

Уолли заставил свои дрожащие ноги идти вперед, к костюму. Он собирался снять его с вешалки и сжечь. Костюм не сможет вернуться, если превратится в кучку обугленного пепла. Когда Уолли стоял в нескольких сантиметрах от костюма, то протянул руку, чтобы взять его, но резко ее отдернул. Он не мог этого сделать, так сильно дрожал. Он боялся костюма. Это просто смешно. Как такое вообще возможно?

Он отступал от него, пока его икры не уперлись в диван, и Уолли не упал на него. Не переставая смотреть на костюм, он все еще не понимал, находится ли в каком-то сильнейшем приступе, или его таблетки оказались бракованной партией и не работают должным образом. Возможно, он чем-то заболел и у него галлюцинации.

Словно вспомнив, как ему было плохо раньше, боль в голове вернулась, и Уолли лег на диван, не сводя глаз с костюма, пока ему не стало больно держать их открытыми. Затем он повернулся на бок, подальше от костюма. Чувствуя сонливость, Уолли надеялся, что когда проснется, все это окажется дурным сном. И не будет никакого полосатого, окровавленного костюма, способного по собственной воле вернуться, чтобы наблюдать за ним и отдавать приказы.

Все происходящее слишком нереально, и Уолли подумал, не бредит ли он. Может быть, да, а может, у него случился настоящий психический срыв, и он не может отличить сон от бодрствования? Все эти варианты выглядели лучше, чем тот, который у него имелся. Уолли хотел, чтобы его закравшееся подозрение оказалось правдой. Гораздо легче поверить, что в костюме завелись привидения и велят ему убивать. Даже если на самом деле костюм не имеет ничего общего с реальностью.

Колин оделся, выбрав одежду, которая не выделялась бы в толпе. Сегодня никаких клетчатых рубашек или ярких джемперов. Вместо этого он предпочел надеть темно-коричневые брюки, черную футболку и пиджак. Он взял свою камеру, повесил ее на шею и пошел по коридору к стойке регистрации.

— Добрый день, Колин, вы куда-то собираетесь?

— Да, думаю, да. Слишком хороший день, чтобы торчать здесь круглые сутки. По правде говоря, я чувствую себя немного беспокойно. Думаю, сесть на поезд до Ульверстона и побродить там, если вы не против?

— Вы можете сесть на поезд и до Лондона, если только вернетесь до того, как закроют дверь на ночь. Вы же знаете, каков менеджер ночной смены.

Колин подмигнул ей.

— Знаю. Она строже, чем монахиня, управляющая домом для слезливых мальчишек.

Он повернулся и пошел прочь. Кейт рассмеялась ему вслед и продолжила просматривать последние фотографии с отдыха в интернете.

Колин всегда испытывал облегчение, когда выходил из здания. Когда он увидел свое отражение в окне автомобиля, то остановился. Неужели этот пожилой человек, смотрящий на него оттуда, действительно он? Как быстро пролетела его жизнь.

Он улыбнулся про себя и продолжил идти в направлении вокзала. Если поторопится, то, возможно, даже успеет на следующий поезд и ему не придется торчать на платформе сорок минут или больше. Ему нравилось ездить на поездах. В детстве он никогда не ездил на них, и они напоминали Колину о его коротком пребывании в странствующем цирке.

Лучше бы эта женщина-полицейский не приходила к нему. Ему было хорошо и так. Он не думал о своей прошлой жизни, которая так отличалась от нынешней, и все это происходило так давно. Колин предпочитал вспоминать хорошее, что было тогда, а не плохое или грустное. Теперь, благодаря ей, он снова чувствовал себя беспокойно, и должен сделать что-то, чтобы избавиться от этого. Только он не был уверен, что именно вернет нормальность в его жизнь. Поэтому пока что ему следовало побродить по городу и немного поснимать.

Глава 21

Колин сошел с поезда в Барроу, его так поглотили воспоминания, что совершенно пропустил остановку в Ульверстоне. У привокзального кафе он увидел заголовки газет на рекламном щите, что в общественном парке найдено тело, и решил прогуляться по Эббироуд до входа в парк. Зрелище жуткое, он знал, но давно не видел ничего столь захватывающего. Конечно, тело давно увезли, и, наверное, он не сможет войти в парк, чтобы посмотреть, но у него не имелось других дел.

Дойдя до того места, где виднелась толпа молодежи, Колин ненадолго остановился на противоположной стороне дороги. Затем, пройдя немного дальше, нашел низкую стену, чтобы прислониться к ней и снять нагрузку с ног. Он услышал, как позади него хлопнула дверь. Колин не стал оборачиваться, чтобы посмотреть, кто вышел. Это не его дело, и тут до него донесся шепот:

— Это сделал клоун, это сделал клоун, это сделал клоун. — Снова и снова высокий худой парень из аукционного дома, которого Колин спрашивал о костюме клоуна, проходил мимо него, наклонив голову, и бормотал одни и те же слова. Колин наблюдал за ним.

Этот парень был такого же роста, как и Горди, только гораздо стройнее. Когда Колин уже собирался встать и продолжить свой путь, парень вернулся. На этот раз его бормотание раздавалось громче, и он выглядел гораздо более взволнованным, чем несколько минут назад.

— Это сделал клоун, это сделал клоун.

Колин повернулся и наблюдал, как этот чокнутый избегал смотреть в сторону парка напротив, а затем бросился обратно через входную дверь, оставив ее открытой.

Колин знал, что ему не стоит обращать на него внимания. Парень явно не в себе. Это сразу видно, и он мог быть опасен. Но Колин не мог проигнорировать сказанное. Что значит: «это сделал клоун?» Он не удержался и вошел в распахнутую настежь дверь. Колин оказался в общем коридоре и увидел, что дверь самой дальней квартиры приоткрыта.

Ему не следовало здесь находиться. Он должен пойти и сказать полицейскому, стоящему на другой стороне улицы, что здесь находится человек, который ведет себя очень подозрительно. Он двинулся к входной двери, вышел на улицу и остановился, поскольку в

его голове промелькнули многоцветные слайды из его жизни, когда он был по-настоящему счастлив.

Уилл прошел в кабинет, закрыв за собой дверь. Ему нужно немного пространства, чтобы все обдумать. А еще ему не помешает помощь. Ожидать, что он справится с обоими делами, неразумно. Адель заставила его задуматься, предложив бросить службу в полиции и заняться бизнесом с Энни или даже найти другую работу.

Он сел с листом бумаги и попытался написать список всего, что у него хорошо получалось. В перерывах между жеванием кончика ручки ему удалось записать; секс, раскрытие убийств, отцовство. В чем еще он хорош? Уилл зажмурил глаза, пытаясь придумать что-нибудь дельное. Был ли он хорошим мужем? Он подумал, что не так уж плох; потом вспомнил вчерашний вечер и нехватку времени, чтобы как следует поговорить с Энни. Уилл начал записывать, но потом поставил большую черную прочерк. Нет, он не очень хороший муж, если даже не нашел времени выяснить, что так пугает его жену.

Уилл попытался подумать, что еще он может делать. Это оказалось чертовски трудно. Он мог заниматься кое-какой работой по дому, но предпочитал ее избегать. Он не умел рисовать пейзажи или писать книги, а о поэзии речи вообще не идет. Он мог открыть частное детективное агентство, но это все равно увело бы его из дома и, возможно, привело к контакту с опасными людьми, что предполагало угрозу для Энни. И, кроме того, если он собирался заняться чем-то подобным, то с таким же успехом мог оставаться в полиции. Как же сложно. Ему придется спросить Энни, в чем, по ее мнению, он хорош. Боже, помоги им, если она скажет, что в сексе, раскрытии убийств и отцовстве.

В дверь постучали, и гораздо более чистый, приятно пахнувший Брэд со все еще влажными волосами ее открыл.

— Босс.

Уилл сел, задвинув лист бумаги, на котором писал, под потрепанную коричневую папку на своем столе.

— Брэд.

— Что мне делать?

Уилл выдержал паузу, как будто действительно задумался над этим.

— Для начала научись грести на лодке. — Он не смог сдержаться и рассмеялся.

Брэд нахмурился.

— Может сейчас ты и смеешься, но не будешь, когда я заболею птичьим гриппом и передам его всем вам. Вы, толпа придурков, ни один из вас не пришел мне на помощь.

Это заставило Уилла рассмеяться еще сильнее. Снаружи раздались какие-то крики и громкий стук, заставивший его подняться. Брэд повернулся посмотреть, что происходит, и Уилл услышал, как он пробормотал:

— Черт.

Уилл последовал за ним, чтобы выяснить, в чем дело, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как два офицера в форме избивают друг друга до полусмерти. Брэд подбежал и схватил одного, а Уилл — другого, оттащив их обоих друг от друга.

Шона стояла с красным лицом и выглядела так, словно хотела, чтобы пол проглотил ее целиком. За несколько секунд Уилл оценил ситуацию и понял, что Шона, очевидно, встречалась с обоими молодыми копами, и они узнали об этом.

Уилл потащил своего копа в свой кабинет, а Брэд повел своего по коридору, чтобы они оба могли успокоиться, пока главный суперинтендант не понял, что происходит, и не вышел из своего кабинета, чтобы отстранить их обоих от работы. Адель отвела Шону в дамскую комнату, чтобы та пришла в себя. Уилл захлопнул свою дверь. Взглянув на несчастное выражение лица молодого парня, он почувствовал жалость к нему.

— Слушай, я не хочу знать подробностей, потому что итак догадываюсь в чем дело, но нельзя устраивать драки в участке.

Он чувствовал себя немного лицемером. Когда он только начал встречаться с Энни, они с Джейком были настроены примерно так же, потому что Джейк не хотел, чтобы Уилл разбил ей сердце, а Уилл имел репутацию плейбоя.

— Извините, сержант, больше такого не повторится.

— Конечно, не повторится, потому что в следующий раз ты можешь попасться на глаза Суперу. Я предлагаю вам обоим извиниться друг перед другом и позволить Шоне заняться своей собственной жизнью, а не вашей карьерой. Я ясно выразился?

Тот кивнул. Уилл указал на дверь. Он определенно становился слишком старым для всех этих драм. Офицер ушел, а Брэд появился в проходе и усмехнулся. Очевидно, он обрадовался, что болтать о его позорном падении в озеро в парке теперь долго никто не станет. Сплетникам будет чем заняться еще несколько недель. Брэд сел за свой стол, ожидая возвращения Шоны, чтобы от души поиздеваться над ней. Уилл не знал, что хуже: работать в офисе, полном двадцатилетних, или гоняться за убийцами.

Телефон на его столе зазвонил, и он поднял трубку. Голос, на другом конце, сказал ему все, что нужно, даже не вдаваясь в подробности.

— Вы уверены? Да, я уже еду.

Уилл взял пиджак со спинки стула и надел его, допив последний глоток кофе и выбросив бумажный стаканчик в урну. Он пошел искать Адель, которая как раз выходила из дамской комнаты.

— Ты можешь поехать? Там еще одно тело.

Выражение ее лица отражало все, что он чувствовал в этот момент: злость с огромной примесью усталости и мигренью от стресса в придачу.

— Где?

— Тот многоквартирный дом на Эбби-роуд, напротив парка, где несколько дней назад ударили электрошокером бедную девушку. Пока не ясно, насколько все серьезно. Это может быть самоубийство, но на жертве окровавленный костюм клоуна, и офицер на месте происшествия не увидел никаких открытых ран.

— Правда?

— Правда.

— Это не какая-то шутка?

— После сегодняшнего дня у меня больше нет чувства юмора. Нет, это не розыгрыш.

Адель громко вздохнула. Уилл повернулся к Брэду, который сидел и играл в какую-то дурацкую игру на своем телефоне.

— Брэд, прекращай заниматься ерундой и отправляйся в морг. Возьми с собой Шону. Я хочу, чтобы мне на стол лег полный отчет о Билли Марксе. Узнай, готовы ли они сделать вскрытие. Когда вернешься, достань мне всю имеющуюся в системе информацию о нем. Он человек старой закалки, и на него наверняка есть досье длиной с мою руку. Я хочу получить распечатку всех его знакомых и поговорить с самыми последними из них.

— А вы куда собрались?

— Есть еще одно тело.

Даже лицо Брэда побледнело при мысли о том, какую нагрузку вызовут три внезапные смерти за пару дней. Адель последовала за Уиллом.

— При таком темпе и количестве времени, которое мы тратим на то, чтобы приходить и уходить из участка и работать на месте преступления, нет необходимости ходить в спортзал. Я никогда так много не ходила с тех пор, как приступила к работе патрульной и обходила участок.

Эбби-роуд была одной из самых оживленных дорог в городе, и хорошо, что квартира находилась именно здесь, на участке с четырьмя полосами для движения, иначе они вызвали бы столпотворение. Уилл припарковался за полицейским фургоном. Прямо перед ним стояла пустая машина скорой помощи. Из обшарпанной передней двери вышли два фельдшера. Одна из них, присутствовавшая также в доме Полины Кук, покачала головой.

— Что-то показалось подозрительным?

— Все очень странно, так что да, я думаю, можно сказать, что эта смерть вызывает подозрения.

Уилл почувствовал, как его желудок сжался при мысли, что так скоро ему придется столкнуться с еще одним трупом.

— Он совсем плох?

— Нет, он относительно свежий. Еще теплый. Нам позвонили и сказали, что кто-то перестал дышать. Мы приехали, дверь квартиры оказалась открытой, мы зашли внутрь и тогда увидели, что он лежит на диване с полиэтиленовым пакетом на голове.

Уилл почувствовал искру надежды, что это окажется самоубийством, а не полноценным расследованием убийства. Не то чтобы самоубийство намного лучше. Это по-прежнему трагическая потеря жизни и ужасная боль для семьи. Он просто был эгоистом и думал о том, как облегчить свою жизнь. Офицер, приехавший на место происшествия после скорой помощи, доложил о случившемся по телефону. Сейчас он стоял у входа в квартиру.

Уилл повернулся к Адель.

— Нам лучше одеться, на всякий случай.

Она не сказала ни слова и последовала за ним к багажнику его машины, чтобы достать полный комплект защитного снаряжения.

— Придется пополнить запасы, босс; у тебя почти все закончилось.

Уилл кивнул. Если подумать, то в плохой год можно использовать два или три таких комплекта, а не три за неделю.

— Когда я сказала своему сержанту, что хочу перевестись в Барроу, он рассмеялся и заявил, что если хочу легкой жизни, то обманываю себя. Я думала, что он просто преувеличивает, но теперь понимаю, сержант говорил правду. Серьезно, не может все время быть так плохо?

Уилл не знал, что ответить; нет, обычно такого не было. Однако случались фазы — он не знал, как лучше это сказать, — когда в городе царил настоящая суматоха, а потом все затихало на пару месяцев.

— Хотелось бы сказать «нет», но я бы солгал. Так бывает не всегда; однако, случается довольно часто. Держу пари, что после этого ты как можно скорее отзовешь свое заявление о переводе.

Адель посмотрела на него.

— Не-а, веришь или нет, но как бы я ни устала, мне нравится работать с тобой. Да и остальная команда не так уж плоха, если учесть, что все они вдвое моложе меня.

Они зашли в многоквартирный дом. По крайней мере, запаха не будет, раз труп свежий, что несказанно радовало. Уилл думал, что поднимется наверх, в квартиру, которую они посетили той ночью после серьезной бытовой ссоры. Он полагал, что: либо девушка довела дело до конца, либо парень покончил с собой.

Когда он начал подниматься по лестнице, то услышал, как офицер крикнул ему:

— Это внизу, босс, нижняя квартира справа.

Уилл обернулся и понял, что это та самая квартира, в которую он стучался с тем странным, нервным парнем. Как его звали? Зажмурил глаза, Уилл попытался вспомнить, но не смог. По крайней мере, у него остались данные о нем в записной книжке, которую оставил в машине. Он посмотрит, когда выйдет обратно.

Адель подождала, пока он укажет дорогу, и последовала за ним внутрь. Парамедик оказалась права: Уилл никогда в жизни не видел ничего подобного, а он видел немало странных вещей. Тощий парень лежал прямо на диване, одетый в черно-белый атласный костюм клоуна, который действительно был покрыт пятнами крови. Хотя для подтверждения этого ему понадобился бы Мэтт; насколько Уилл знал, это мог быть и томатный соус. Пятна выглядели засохшими, а не свежими.

На голове у парня висел прозрачный полиэтиленовый пакет, завязанный черным галстуком — таких у него дома полный гараж. Уилл подошел ближе и достал миниатюрный планшет. Единственное, для чего он его использовал, — это для фотографирования. Вспомнив пароль и открыв эту чертову штуку, он сделал пару снимков. Уилл хотел показать их Энни. Разве она не говорила что-то о клоуне в доме Полины Кук?

Адель, которая до сих пор молчала, посмотрела на Уилла.

— В городе выступает цирк?

Он пожал плечами.

— Не имею ни малейшего понятия. — Убирая планшет обратно в карман, он отметил синяки на лице мужчины, но других повреждений не увидел. Отойдя от тела, он оглядел квартиру. Ничего ценного он не обнаружил; по сути, это была просто дыра. Отсутствовали следы взлома. Жертва могла оставить входную дверь открытой, надеясь, что кто-нибудь придет, найдет его и спасет ему жизнь. Уилл так хотел сказать, что ничего подозрительного в здесь нет, но не мог. Все это не укладывалось в голове, как-то не вязалось.

— Пойдем, подождем Мэтта снаружи. Мне нужно знать, кто позвонил. Я не могу сказать, что это самоубийство; как бы мне этого ни хотелось, это неправильно. Есть в этой смерти нечто странное, и у меня в глубине души звенят тревожные колокольчики.

Адель мрачно улыбнулась ему.

— Я согласна; выглядит странно.

Они вышли, оставив мужчину там, где его нашли. Уилл вдруг вспомнил его имя: Уолтер Лейси. Пока дожидались приезда Мэтта, они начали обходить квартиры, чтобы узнать, когда в последний раз соседи видели его или разговаривали с ним.

Глава 22

Всю дорогу домой Энни не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают, и решила, что это призрак молодого человека в ее доме. А еще она расстроилась, что не узнала никакой информации о костюме клоуна, которая могла бы помочь Уиллу. Теперь она собиралась вернуться домой и постараться сделать все возможное, чтобы помочь призраку

перейти к свету. Энни не хотела, чтобы какие-то духи витали вокруг и расстраивали Альфи, который, вероятно, чувствовал его так же, как и она. Тут раздался звонок телефона, и она нажала на кнопку на руле, включив громкую связь.

— Энни, пожалуйста, не приезжай пока за нашим драгоценным малышом. Моя подруга едет из Манчестера и еще его не видела.

Энни засмеялась.

— Ну, я уже закончила и собиралась к вам, но сначала могу заехать домой. На самом деле это как нельзя кстати. Спасибо, Лили.

— Всегда пожалуйста. Увидимся позже.

Закончив разговор, Энни задумалась, есть ли у Лили шестое чувство, о котором она даже не подозревает. У большинства людей оно присутствовало. Просто они никогда им не пользовались. Лили всегда четко знала, когда Энни нужно немного пространства и времени, чтобы управиться с делами — либо она была очень проницательной.

Припарковавшись у дома, Энни посмотрела на окно своей спальни. После встречи с Бетси Бейкер она никак не могла избавиться от этой привычки. Сколько бы раз она ни смотрела, ее не покидала мысль, что кто-то пристально за ней наблюдает. Она вышла из машины и направилась к гаражу, который служил еще и кладовкой. Там стояла большая коробка, полная свечей, а рядом — лампочек. Энни ненавидела темноту, а в глуши, если отключат электричество, жить в одиночку не самое веселое занятие.

Вытащив четыре белые церковные свечи, отнесла их в дом. Свернув ковер, она зажгла свечи в комнате отдыха, а затем велела призраку идти на свет. Ей не приходилось заниматься этим раньше, но Энни видела, как это делается по телевизору, так что вряд ли это так уж сложно?

Убирая с плюшевого ковра детскую коляску и игрушки Альфи и сворачивая его в рулон, она подумала, не позвонить ли Дереку, чтобы посоветоваться с ним. Она не боялась духа, который каким-то образом оказался здесь, но ее беспокоило, что он не может с ней поговорить. Энни нагнулась, чтобы достать коробку спичек со стороны дровяной горелки, и начала зажигать каждую свечу. Когда она зажгла четвертую свечу, зазвонил ее мобильный. Она посмотрела на журнальный столик, чтобы выяснить, кто это, но не узнала номер. Как бы ей ни хотелось проигнорировать звонок, Энни не смогла. Она взяла трубку и ответила.

— Это Энни Грэм?

— Да, говорите.

— Это миссис Браун из церковного прихода. Боюсь, у меня плохие новости.

Энни почувствовала слабость в коленях и села на диван.

— Отец Трелмейн упал в обморок и был срочно доставлен в больницу. Врачи думают, что у него случился сердечный приступ.

— Он жив?

Энни закусила губу и скрестила пальцы. Она с ужасом ждала, что скажет ей пожилая женщина на другом конце телефона.

— Да, но он в плохом состоянии.

— В какой он больнице?

— Вестморленд, кажется. По правде говоря, все случившееся как в тумане. Отец Джон меня так потряс. Он спешил из дома настоятеля в сторону церкви, и тут раздался такой грохот. Я выбежала на улицу, а он лежит на земле. Кто-то из рабочих из церкви вызвал скорую помощь и привел его в чувство. Это было так ужасно. Он выглядел серым, схватил

меня за руку и прошептал: «Энни».

— Спасибо, что сообщили мне, миссис Браун.

Энни закончила разговор и выбежала из дома к своей машине. Она любила отца Джона. Он был ей как отец, которого она никогда не знала. Она чувствовала себя ужасно. Джон выглядел неважно, когда Энни зашла поговорить с ним несколько дней назад, а она только и делала, что рассказывала о своей жизни. Следовало тогда настоять на том, чтобы он сходил к врачу. А лучше самой его отвезти.

Перед тем как отправиться в путь, она позвонила Уиллу, но он не взял трубку, и это так ее разозлило, что она не оставила сообщения. Она даже не знала точно, в какую больницу отвезли отца Джона. Она позвонила в Вестморленд, где ей сказали, что у них работает ограниченное количество отделений интенсивной терапии, и, скорее всего, его отвезли в больницу Фернесс в Барроу.

Энни села за руль, надеясь, что Уилл сможет связаться с ней до того, как она доберется до окраины Барроу. Неважно, что она обещала не приближаться к Барроу. Главное, чтобы она находилась рядом с Джоном, когда он в ней нуждается.

Чаепитие в доме престарелых «Мидоу Филд» всегда проходило бурно. Медсестра Андреа Уоллис, раздававшая лекарства, посмотрела на стол, за которым обычно сидел Колин, чтобы дать ему таблетки. Она удивилась, увидев, что его место свободно. Она схватила за руку, проходившую мимо помощницу.

— Эмма, пожалуйста, отнесите лекарство Колину — он плохо себя чувствует?

Эмма пожала плечами.

— Не знаю. Я работаю с другой стороны коридора. Дженни занимается Колином.

Андреа огляделась в поисках Дженни и не нашла ее.

— Пожалуйста, спустись и проверь его вместо меня. Я бы пошла, но не могу оставить тележку с лекарствами.

Эмма взяла у нее маленький пластиковый стаканчик с таблетками, отправилась к комнате Колина. Она постучала, ожидая, что он ее пригласит. Он не отозвался. Она постучала еще раз и слегка приоткрыла его дверь.

— Колин, уже время чая. Что случилось? На тебя не похоже пропускать чай.

Ее встретила тишина. Открыв дверь шире, она вошла внутрь. Его комната оказалась пустой. Она осмотрела маленькую ванную комнату, в которой тоже никого не было, и, развернувшись, пошла обратно в столовую.

— Колина нет в комнате.

Андреа нахмурилась.

— Где же он тогда?

— Если бы знала, я бы наверно не стояла здесь? Я бы знала, на какие шесть чисел нужно поставить в евролотерее.

— Присмотри за тележкой. — Андреа поспешила к стойке администратора. — Ты не видела Колина?

— Он вышел перед самым обедом. Сказал, что собирается прогуляться в Ульверстон. Обещал вернуться до начала твоей смены. Его нет?

— Нет, черт возьми, нет. Почему ты не сказала мне об этом раньше при передаче дел?

— Я не подумала. К все время куда-то ходит. Возможно, он опоздал на поезд, вот и все.

Он скоро будет здесь.

— Когда он вообще опаздывает на поезд? Я скажу тебе: никогда. Он был в порядке, когда уходил? Выглядел нормально?

— Думаю, да; он никак не изменился.

— Случилось что-нибудь, о чем я должна знать?

— Сегодня утром к нему приходила посетительница — какая-то женщина, сказавшая, что она дальняя родственница, приехавшая сюда.

Лицо медсестры побледнело.

— Кто она такая? Что она хотела?

— Ради всего святого, что происходит — испанская инквизиция? Он взрослый человек, если ты не заметила. Я думаю, он достаточно взрослый, чтобы решить, хочет ли он поговорить с давно потерянными родственниками или выйти из этого проклятого места и подышать свежим воздухом. Он, наверное, в пабе, нажрался как последний пердун.

— Потому что именно там я и оказалась бы, если бы мне пришлось жить в этом мавзолее изо дня в день, ожидая смерти, — пробормотала она себе под нос. Андреа не обратила на это никакого внимания. Она слишком увлеклась звонком в полицию, чтобы заявить о пропаже Колина.

Джейк сидел за своим столом и смотрел на вложение, которое недавно получил от Уилла. Снимок мертвого человека, лежащего на диване в костюме клоуна, стал одной из самых странных вещей, которые он видел за последнее время. Он ответил на письмо Уилла, спросив его, что происходит.

Все это время он возился с огромным салатом перед собой, ожидая ответа. Он съел всю курицу и небольшую порцию капустного салата. Он никогда не любил кроличью еду. Кроме того, он чертовски проголодался и проклинал Алекса за то, что тот не положил ему пару кусков хлеба. Остальные сотрудники участка отсутствовали. Из-за автомобильной аварии на шоссе А590 у Ньюби Бридж все патрульные, кроме него, отправились туда. Джейк услышал позади себя смех Кэти.

— Господи, какое жалкое подобие ужина. Он почти такой же плохой, как мой.

— Почему? Что у тебя?

— У меня был цельнозерновой салат, на вкус как дерьмо, без масла и майонеза. Кав и Алекс сговорились о том, чем нас кормить? Потому что я не могу больше этого выносить. Мне нужна сытная, жирная, калорийная еда, чтобы продержаться в этой дыре.

Джейк рассмеялся. Он почувствовал себя лучше из-за качества своего обеда. Если и Кав заставил Кэти заняться здоровым питанием, значит, дела обстоят плохо.

— Что ты скажешь, если мы с тобой сходим в пирожковую и купим пару пирогов и кремовых пирожных? Я не скажу Алексу, если ты не доложишь Каву.

Джейк встал.

— По-моему, это чертовски блестящая идея, босс.

Она кивнула.

— Я тоже так думаю. Давай, у меня пена уже изо рта идет. — Они вышли из участка и сели в фургон, который вел Джейк. Пирожковая находилась всего в нескольких минутах ходьбы, но ни один из них не хотел заниматься пешим патрулированием оживленного Боунесса. В городе слишком много туристов, и Джейк не думал, что Кэти справится, если их

будут останавливать каждые тридцать секунд, чтобы спросить дорогу, время отплытия лодок или сфотографировать.

Он включил аварийные огни и припарковался на двойной желтой полосе у магазина деликатесов, где продавались также пироги и торты. Он даже успел дойти до двери, прежде чем его рация затрещала. Джейк выслушал, как диспетчер попросила его отправиться в «Мидоу Филд» в Грейндже, поскольку он единственный свободный патрульный.

— Это срочно?

— Второй класс. Пропал пациент, которого не видели несколько часов. Медсестра говорила очень расстроено, так что я бы посоветовала вам приехать как можно скорее.

— Понял.

Он быстро заказал пироги и торты, затем поспешил к фургону.

Кэти взглянула на него.

— Если бы ты вышел из магазина с пустыми руками, я бы тебя съела.

— Спокойно, босс; ты же знаешь, что я женатый человек.

Кэти уставилась на него, ожидая, пока он положит пироги на приборную панель, затем ударила его по руке.

— Мерзость, офицер Симпсон. Какая гадость.

Джейк рассмеялся.

— Ты слышала вызов?

— Слышала, и, поскольку мне скучно, я поеду с тобой, чтобы составить компанию. Я сто лет не бывала в Грейндже. Это будет хорошая прогулка, и я смогу съесть свой пирог и торт раньше тебя.

Он поехал по оживленной дороге, не включая мигалки, потому что это не был вызов первого класса, но ехал быстрее, чем обычно.

Глава 23

Когда Энни наконец добралась до больницы, то припарковалась на двойной желтой линии, и бросила машину, не заботясь, что ей выпишут штраф. Ей нужно как можно скорее увидеть Джона. У него была сестра, но она умерла в прошлом году. Энни теперь для него самый близкий человек. Она бросилась в отделение неотложной помощи и спросила о нем.

— Кто вы?

— Я его дочь.

Энни чувствовала себя ужасно. За один день она трижды откровенно солгала, но ее просто не пустят, если сказать, что она его друг, а Энни не могла этого допустить. Она не могла вернуться домой, не убедившись лично, насколько он плох. Она дала регистратору данные Джона, чтобы его записали, а затем сообщила свои. Приятный мужчина улыбнулся и даже не поднял бровь, когда Энни назвала адрес Джона — церковный приход. Он указал на жесткие синие пластиковые стулья.

— Вы можете подождать здесь или пройти в комнату для родственников. Решайте сами. Я бы на вашем месте пошел в комнату родственников. Там более удобные стулья, и конечно спокойнее.

Энни по опыту знала, насколько жесткими бывают эти синие стулья, но решила рискнуть. Не хотела, чтобы ее упрятали и забыли в комнате родственников; если Джона повезут в реанимацию или в операционную, она обязательно увидит.

— Спасибо, я подожду здесь. Можете передать ему, что я приехала?

— Я скажу медсестре.

Энни пошла и села на стул лицом к выходу. Она достала свой телефон, чтобы посмотреть, не пытался ли Уилл ей перезвонить, и поняла, что телефон разряжен. Засунув его обратно в карман, Энни решила, что позвонит Уиллу снова, как только узнает, что происходит. Сумочку и кошелек она оставила в машине, а мелочи для телефона-автомата у нее с собой не нашлось.

Спустя, казалось, целую вечность врач позвала ее по имени, и она встала и прошла в кабинет.

— Боюсь, у вашего отца случился серьезный сердечный приступ. Нам пришлось его реанимировать, когда он поступил в отделение.

Энни почувствовала, как горячие, соленые слезы наполняют ее глаза, и врач потянулась и взяла ее за руку.

— Но нам удалось стабилизировать его состояние. Скоро мы переведем его в интенсивную терапию, а пока не хотите посидеть с ним?

— Да, пожалуйста. С ним все будет в порядке?

— Боюсь, пока говорить об этом рано. Это был довольно тяжелый сердечный приступ. Следующие двадцать четыре часа будут решающими.

Доктор провела ее в палату в конце отделения. Энни могла по памяти перечислить палаты, в которых она побывала в качестве пациента. Их было так много. Она удивлялась, как Уилл справлялся со стрессом и душевной болью. Доктор отошла в сторону, чтобы пропустить ее внутрь. Она увидела лежащую на кровати хрупкую фигурку, подключенную почти ко всем аппаратам в комнате, и разрыдалась. Доктор похлопала ее по плечу и оставила одну. Энни вытерла слезы рукавом, затем подошла к кровати и наклонилась, чтобы поцеловать Джона в лоб. Он выглядел таким серым. Она села на стул рядом с кроватью и нежно обхватила пальцами его руку.

— Я здесь, Джон, и с тобой все будет хорошо. Поспи, и тогда тебе станет намного лучше.

Энни сидела, наблюдая за тем, как поднимается и опускается его грудь, и все это время молила Бога позаботиться о своем верном слуге.

Кэти съела свой пирог и как раз запихивала в рот последний пончик с джемом и кремом, когда Джейк подъехал к дому престарелых. Он посмотрел на нее, и Кэти пожала плечами.

— Девушка должна есть. Ты сможешь полакомиться своим, когда вернешься. Если не будешь там сильно тянуть, он может быть еще теплым.

— Ты не зайдешь?

— Я сказала, что составлю тебе компанию, а не буду делать за тебя твою чертову работу.

Джейк покачал головой и вышел из фургона.

— Не смей есть мой торт.

— Разве я бы с тобой так поступила?

Хлопнув дверью, он подошел к входу и пробормотал:

— Да, черт возьми, легко.

Администратор и медсестра встретили его у двери.

— Извините, что вызвали вас. Я Андреа Уоллис — медсестра, отвечающая за

начавшуюся смену.

Джейк посмотрел на часы над стойкой регистратуры. Еще не было и половины пятого. Если он считал, что его рабочее время оставляет желать лучшего, то ее рабочие часы и вовсе ужасны.

Она объясняла, что произошло, и он кивал, слушая.

— Значит, Колин часто гуляет сам по себе и пользуется поездами?

— Да.

— Но обычно он возвращается к четырем часам. Иногда поезда опаздывают, вы же знаете, как это бывает.

— Мы уже поговорили с персоналом на станциях Грейндж и Ульверстон, и это не так. Они нам очень помогли. Сказали, что подготовят записи камер видеонаблюдения, чтобы офицер мог просмотреть время, когда Колин садился на поезд и где он выходил.

Джейк был впечатлён. Теперь в его списке на одно дело меньше.

— Что-нибудь случилось, что расстроило Колина? Каково его психическое здоровье в данный момент?

— Ну, сегодня утром к Колину приходили, что довольно неожиданно, потому что у него нет семьи, о которой мы бы знали. Его никогда никто не навещает.

— Каким он был после этого визита?

— В порядке, он выглядел как обычно. Очень бодрым и счастливым. Он не склонен к депрессии. Колин не принимает никаких лекарств, кроме сердечных таблеток и обезболивающих для коленей, которые иногда доставляют ему некоторые проблемы.

— Могу я взглянуть на его комнату? Понимаю, это покажется смешным, и я не намекаю на то, что вы этого уже не сделали, но должен спросить. Проверил ли персонал все здание: туалеты, ванные комнаты, комнаты других жильцов, кухни, сады, чтобы убедиться, что он не находится в одной из них?

— Да, все здание обыскали. В данный момент двое сотрудников проверяют сады. Я также проверила камеры видеонаблюдения, и он не возвращался через главные двери. У нас есть только его выход.

Андреа провела его в комнату Колина. Джейк надеялся, что старик свернулся калачиком в своей постели и крепко спит. Он вошел вслед за медсестрой и чуть не застонал. Колина определенно не было в его аккуратно заправленной постели. Джейк посмотрел на винтажные цирковые эстампы на стене и заметил коробку на прикроватной тумбочке. Он поднял ее и снял крышку, обнаружив стопку черно-белых фотографий. Заинтересовавшись, он начал их просматривать.

Снимки выглядели очень хорошо, учитывая их возраст, и он улыбнулся, увидев фотографии циркового шатра с вереницей клоунов снаружи. На следующей фотографии присутствовали только два клоуна, и она выглядела гораздо четче. Что-то в ней было такое, что заставило Джейка задуматься. Он уставился на изображение. Почему она показалась ему такой знакомой? И тут он понял, что именно показалось ему знакомым. Он набрал номер Уилла на клавиатуре рации и стал ждать ответа.

— Говорите.

— Это Джейк. Я нахожусь в доме престарелых «Мидоу Филд» в Грейндже. Есть кое-что, на что тебе стоит взглянуть.

— О чем ты говоришь? Джейк, у нас три трупа в морге. У меня нет времени на поездку в Грейндж.

— Ну, думаю, тебе лучше найти время, потому что я только что нашел несколько старых фотографий в одной из спален жильцов, и на них клоун в точно таком же костюме, как и на твоём последнем трупе.

— Уже еду.

Медсестра смотрела на него с открытым ртом, все краски исчезли с ее лица.

— Черт, это не тело Колина — простите, я не так выразился. Обнаружен труп в костюме, похожем на тот, что на этой фотографии. Это молодой парень.

— О, слава Богу. О нет, я не это имела в виду. Конечно, ужасно, что кто-то умер, но я чувствую облегчение, что это не Колин.

Джейк понимал, что она хотела сказать. Он просто хотел бы знать, что все это значит. Он подошел к окну, выходящему на автостоянку, и постучал в него, чтобы привлечь внимание Кэти. Она подняла руки вверх и указала на бумажные пакеты, все еще лежавшие на приборной панели, что заставило его улыбнуться: совесть ей не позволила. Джейк пригласил ее войти, но она покачала головой, и он набрал ее номер на рации.

— Что, Джейкоб?

— Босс, вы нужны мне здесь, пожалуйста.

— Ты просто заноза в заднице, Джейк. Я не притронулась к твоему торту.

— Хорошо, иначе я бы подал жалобу. Пожалуйста, мне нужен совет.

Она закатила глаза, но открыла дверь фургона и выпрыгнула. Джейк вышел из комнаты и встретил Кэти в коридоре. Рассказал ей, что нашел, и она посмотрела на него.

— Что думаешь?

Кэти посмотрела на медсестру, которая все еще стояла рядом.

— Вы не дадите нам минутку?

— Конечно.

Она пошла обратно в огромный холл, где, похоже, собрали всех обитателей дома престарелых.

— Я не знаю. Уилл прислал мне фотографию с места недавней смерти, на которую он выезжал раньше. На парне был какой-то странный костюм клоуна в черно-белую полоску. Я только что просматривал фотографии Колина Листера, и там есть стопка снимка прошлых лет — сделанных в цирке — и на них клоун в таком же костюме.

Он наклонился и стал возиться со своим планшетом, пытаясь открыть письмо, чтобы показать ей. Наконец ему это удалось, и он передал планшет Кэти.

— Да, соглашусь, странный наряд для самоубийства; может, у него какой-то фетиш на клоунов.

Джейк вернулся в комнату Колина и взял фотографию, которую раньше положил на маленький прикроватный столик. Он протянул ее Кэти. Она изучила снимок и посмотрела на фотографию на планшете.

— Ну, я точно могу сказать, что это не один и тот же человек.

Джейк уставился на нее.

— Конечно, это не один и тот же гребаный человек. Я этого не говорю.

— Тогда что ты хочешь сказать? Да, костюмы похожи, но я не эксперт по костюмам клоунов. Может, это обычный для них костюм. Мертвый парень, вероятно, купил его на *eBay*.

Он закатил глаза, жалея, что не оставил ее в Боунессе.

— Тебе не кажется это странным? Находят тело в костюме клоуна, а этот старик,

Колин, который, возможно, работал в цирке, имеет фотографии клоуна в таком же костюме и пропал без вести?

— Джейк, ты слишком много смотришь телевизор. Это реальная жизнь, а не «Секретные материалы». Думаешь, у нас на руках семидесятилетний серийный убийца, который любит переодевать своих жертв в клоунов, прежде чем их задушить? Да ладно, это слишком даже для тебя.

— Вообще-то ему за восемьдесят.

Кэти начала смеяться — своим слишком громким, бурным, сотрясающим живот смехом — и Джейк присоединился к ней. Смех оказался заразительным, пока медсестра не вернулась посмотреть, что происходит, и не остановила их обоих.

— Все в порядке?

— Да, извините. У вас есть недавняя фотография Колина, которую мы можем распространить среди офицеров в Ульверстоне, и описание его одежды?

Медсестра кивнула и снова исчезла.

— Вы плохо на меня влияете, босс.

Кэти кивнула.

— А ты болван, но я люблю тебя, несмотря на это.

— Ты говоришь такие приятные вещи. Уилл уже в пути. Мы можем узнать, что он скажет. Если посчитает это ерундой, мы продолжим поиски?

— О, ты вызвал подкрепление; может, ты не такой уж и болван, в конце концов. Если повезет, он возьмет это себе, и ты сможешь отвести меня за таблетками от несварения желудка. Чертовы пироги убивают меня каждый раз, когда я их ем.

Они вернулись в приемный покой, чтобы посидеть и подождать Уилла. Медсестра передала фотографию Колина, которую Джейк сфотографировал и добавил в приложение, отправив в диспетчерскую. Они передадут ее офицерам, которые будут прикреплены к журналу происшествий и отправлены на поиски Колина. Один из помощников принес им две кружки кофе и тарелку печенья, что вернуло улыбку на лицо Кэти.

Она наклонилась и прошептала:

— Не буду сильно ругать тебя, Джейк. По крайней мере, у них есть приличное печенье.

Глава 24

Адель подсказывала Уиллу дорогу со своего телефона. Его спутниковый навигатор застыл во времени и пространстве. Уилл очень надеялся, что между этим пропавшим мужчиной и последним трупом есть какая-то связь. Это даст им хоть что-то, на что можно опереться. В любом случае лучше, чем ничего, что у них есть на данный момент.

— Ты думаешь, будет какая-то связь? — Адель прочитала его мысли.

— Надеюсь.

Она кивнула.

— Я тоже, нам не помешает подсказка. Следующий поворот налево, потом первый направо.

Она остановила назойливый голос женщины, дающей указания, и выглядела так, словно собиралась выбросить телефон из окна. Уилл притормозил у дома престарелых, и Адель присвистнула.

— Если мои дети когда-нибудь отправят меня в дом престарелых, то я хочу оказаться в таком месте. Здесь красиво.

— Неплохо, правда?

Они вышли из машины и вошли в здание, где их ждали Джейк и Кэти, попивая кофе из кружек.

— Спасибо, Джейк.

Кэти поднялась.

— Пока не уверена, что есть за что его благодарить.

Адель протянула руку Кэти, та ее пожала.

— Ну, если я вам не нужна, пойду посижу в фургоне. Мне все это немного напоминает работу полиции.

Она подмигнула Уиллу и вышла на улицу. Джейк отвел их с Адель в комнату Колина.

— Я ничего не трогал, кроме жестяной коробки, в которой лежали фотографии. Я оставил их на прикроватной тумбочке. Возможно, это огромное совпадение, но мне показалось, здесь что-то не так, если понимаешь, о чем я?

Уилл точно знал, что Джейк имел в виду. Натянув пару латексных перчаток, он зашел внутрь и посмотрел на фотографии. Поднес фотографию с крупным планом двух мужчин к лицу. Определенно, это тот же костюм, что был на Уолтере Лейси, а если и нет, то очень похожий. Уилл передал фотографию Адель, которая ее изучила. Уилл пролистал остальные.

Он посмотрел на фотографии на стене и заметил листок бумаги, который упал за кресло. Уилл поднял его и развернул. Это была фотокопия газетной статьи с крупным планом одного из клоунов с фотографии и заголовком «Клоун-убийца Тафти». Он прочитал статью, в которой говорилось, что клоуна повесили за убийство женщины, собственных родителей и ребенка. Уилл передал статью Адель, которая ее отсканировала.

— Черт, все это слишком странно. Здесь точно должна быть какая-то связь.

— Нам нужно найти этого Колина Листера. Похоже, он ключ ко всему происходящему, потому что я не могу понять ни логики, ни смысла. Определенно есть какая-то связь. Я просто не знаю, где и в чем.

Уилл искал Джейка.

— У тебя в фургоне есть пакеты для улики?

— Да, много.

— Мне нужно всего несколько.

Медсестра, которая выглядела взволнованной, вышла из комнаты отдыха.

— Кто-нибудь может сказать, что происходит? Я не могу держать наших пациентов здесь всю ночь. Некоторые из них хотят в туалет.

— Если честно, в данный момент я не могу вам ничего сказать, кроме того, что в комнате Колина есть несколько интересных вещей, которые могут иметь отношение к расследованию убийства, ведущемуся в настоящее время. Боюсь, мне придется попросить нашего криминалиста приехать и сфотографировать их на месте. Я не могу никого впустить в его комнату. От Колина что-нибудь слышно?

Потрясенная, Андреа не знала, что сказать, и покачала головой. Джейк вернулся, держа в руках несколько пакетов, и передал их Уиллу.

— Сегодня утром к Колину неожиданно приехал давно потерянный член семьи.

Уилл посмотрел на медсестру.

— У вас есть записи о том, кто это был? Нам нужно будет поговорить и с ним.

— Есть. Мы обычно ведем список тех, кто входит и выходит.

Андреа подошла к столу и начала просматривать журнал. На сегодняшней странице ничего не нашлось. Затем она заметила рядом клочок бумаги, на котором значилось имя

Колина, а под ним — незнакомое ей имя.

— Да, вот запись. Энни Грэм.

Уилл почувствовал, как его сердце заколотилось, а ноги задрожали. Джейк покачал головой.

— Вы уверены, точно Энни Грэм?

Она передала ему листок, и он протянул его Уиллу, который почувствовал, как в его животе формируется знакомый клубок ужаса.

— Уилл, совсем не значит, что это была именно наша Энни. В Англии наверняка есть не одна Энни Грэм, и, кроме того, она ведь больше не Грэм? Она Эшворт.

Уилл почувствовал, как кровь прилила к мозгу, и потряс головой. Он достал свой телефон. У него два пропущенных звонка от Энни. Он набрал номер и попал на голосовую почту. Покачав головой, Джейк достал свой телефон и набрал сообщение, отправив его Энни, скрестив пальцы.

— У вас есть еще какие-нибудь подробности о ней: адрес, номер телефона?

— Здесь больше ничего нет. Простите. Только имя.

Джейк посмотрел на камеру над входом.

— Проверьте, пожалуйста, систему видеонаблюдения. Нам нужно знать, как она выглядела.

Андреа зашла за стол и начала возиться с жестким диском камеры. Адель — поняв, что Энни, из-за которой начался такой переполох, это, скорее всего, жена Уилла, — по рации попросила патруль проверить их домашний адрес. Камера включилась, и через несколько минут, показавшихся Уиллу часами, он увидел, как его жена, его Энни, вошла через двери в приёмное отделение.

Джейк тихо присвистнул.

— Какого черта она здесь делает?

Уилл посмотрел на него.

— Если бы знал, я бы тебе сказал. Она никогда не упоминала об этом. — Уилл вспомнил их ссору и то, как ей требовалось поговорить с ним, а он спешил на работу. Почему она пришла к Колину Листеру? Она даже не знала его и никогда не называла это имя в разговорах. Тут раздался вызов с неизвестного номера, и Уилл ответил на звонок, услышав на другом конце дрожащий голос Энни.

— Ох, Уилл, это ужасно. Я в больнице.

— Энни ты в порядке? Кто с тобой?

— Я прекрасно. Это Джон. У него случился сердечный приступ.

Уилл поднял большой палец вверх в сторону Джейка, который пробормотал:

— Господи, спасибо.

— Какая больница? Я скоро буду там. Энни, какого черта ты делала в «Мидоу Филд», навещая Колина Листера?

— Ах, ты все-таки узнал. Неужели они позвонили в полицию и сообщили обо мне?

— Почему?

— Из-за лжи, которую я придумала, чтобы попасть к нему. Я знала, что это плохая идея. Просто пыталась тебе помочь.

Уилл сел на стул.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Я здесь, потому что он пропал.

— Ох нет, правда? Он прекрасный человек. Послушай, мои деньги скоро закончатся, а

мобильный разрядился. Я в больнице Фернесс. Хочу вернуться домой. Сейчас я мало что могу сделать.

— Нет. Не смей уходить из больницы, пока я или Джейк не приедем за тобой. — Телефон отключился. — Энни, хоть раз в жизни сделай то, что тебе говорят.

Джейк уже выходил из дверей.

— Я ее заберу и привезу. Кэти может посидеть с ней. Пока Энни кормит ее, она будет в порядке.

Уилл обрадовался, что на этот раз Энни не в плену у серийного убийцы, желающего перерезать ей горло.

— Спасибо, я пока побуду здесь.

Адель посмотрела на Уилла.

— Господи, у меня сердце готово выскочить из груди. Слава Богу, она в порядке.

Уилл не смог подавить смех.

— Добро пожаловать в мой мир, Адель. Я люблю свою жену больше всего на свете, но у нее есть привычка впутываться в большее количество катастроф, чем можно себе представить.

— Вот уж правда. И почему ты не седой и не лысый?

Он пожал плечами.

Глава 25

Колин прошагал много миль. Он очень устал и присел на скамейку. Что за насыщенный день у него выдался. Он посмотрел на часы и почувствовал себя неловко, ведь пообещал милой администраторше вернуться до начала вечерней смены, но не успел. Но все же он взрослый мужчина. Он мог задерживаться, если хотел. Он не должен отчитываться перед персоналом дома престарелых. Он делал это только ради облегчения жизни всем.

У него не было одного из тех телефонов, что есть у всех детей. Колин их не любил, предпочитая нормальные телефоны. Он собирался позвонить в дом престарелых, но прошел много миль и не встретил ни одной телефонной будки. Просто безумие. Когда он был моложе, они стояли на каждом углу, и, конечно, наверняка есть еще люди, у которых нет ни одной из этих крошечных технологических коробочек.

Колин и не подозревал, насколько утомительным оказался сегодняшний день, пока не присел отдохнуть. Тот парень из аукционного дома солгал насчет старого костюма Горди. Колин еще тогда почувствовал, что с пареньком не все в порядке, когда разговаривал с ним после аукциона. То, как он вел себя, нельзя назвать нормальным — когда он что-то бормотал про себя.

Колин запаниковал, когда вошел в дом и увидел перед собой человека в старом костюме. Он развернулся и выскочил из квартиры, не потрудившись закрыть за собой дверь. Он выбежал на оживленную главную дорогу и пошел так быстро, как только мог, в поисках телефонной будки. Он искал так долго. Все, чего он хотел, это чтобы кто-нибудь из работников дома престарелых его подобрал и отвез обратно в скучную, но безопасную жизнь.

Энни вернулась в отделение интенсивной терапии, чтобы пожелать Джону спокойной ночи и убедиться, что у персонала есть ее номер телефона. Она попросила медсестру, которая ухаживала за пастором, позвонить ей, если он проснется или, если его состояние

изменится к худшему. Она ни за что не позволила бы ему остаться одному, если придет время. Наклонившись, Энни поцеловала Джона в щеку.

— Мне пора идти, но я буду здесь, когда понадобится тебе. У них есть мой номер. Я люблю тебя. — Из ее глаз скатилась слеза и потекла по его щеке. Она нежно ее вытерла.

Затем она заставила себя уйти. Она собиралась спросить Джейка, может ли остаться у него, пока Джон не окажется вне опасности. Она съездит домой, заберет Альфи и возьмет кое-какие вещи. Уже собираясь сесть в машину, Энни вспомнила, что сказал ей Уилл: она должна ждать, пока он или Джейк не приедут за ней. Что ж, это довольно глупая идея. Ее машина здесь. Она не могла просто ее бросить. Тут из-за угла появился полицейский фургон, и Энни увидела Джейка за рулем. Он остановился рядом с ней.

— Такси для миссис Эшворт.

— Я не знаю, что происходит, но должна забрать свою машину.

— Строгий приказ от твоего мужа — ты должна поехать со мной. С твоей машиной все будет в порядке. Парковщики уходят домой в четыре. Мы можем вернуться за ней после. Давай, я тороплюсь.

Энни закатила глаза, но открыла пассажирскую дверь фургона и забралась внутрь.

— Не хочешь рассказать все начистоту? Что ты делала в «Мидоу Филд»?

— Вы отыскиали Колина Листера? Я чувствую себя очень плохо. Я нашла статью в газете о клоуне-убийце в пятидесятых годах.

— Я видел. Ты оставила своему новому лучшему другу Колину копию.

— Ну, ты знаешь, мне снились ужасно яркие сны, что я присутствовала при убийствах жертв. И убийца был одет в жуткий костюм клоуна, точно такой же, как в статье. Я поискала в интернете Колина Листера, и его имя всплыло. Я подумала, что не помешает поехать и поговорить с ним. Я не хотела расстраивать его до такой степени, чтобы он сбежал.

— Не вини себя, малышка. С ним все будет в порядке. Уилл сейчас занят, потому что я нашел черно-белые фотографии человека, который, как мне кажется, моложе Колина Листера, в таком же костюме. Уилл недавно выезжал на место внезапной смерти, и жертва была одета в идентичный костюм.

Он передал ей свой планшет, чтобы показать фотографию мертвого парня. Энни взяла у него планшет и ахнула.

— О Боже, я на девяносто девять процентов уверена, что это тот самый парень из моего сна. Он покончил с собой?

— Понятия не имею; это должен выяснить Уилл. Мы запаниковали, когда увидели фотографию и статью в палате Колина, а медсестра сказала, что его навещала Энни Грэм. Знаешь, такими темпами ты убьешь Уилла, потому что он выглядел так, будто у него сейчас случится сердечный приступ. О Боже, Энни, мне так жаль. Как Джон? Я так увлекся и забыл обо всем.

— Сейчас он стабилен.

Джейк свернул от входа в больницу на Далтон-лейн и ехал по ней, пока не добрался до Эбби-роуд. Выехав на Эбби-роуд, он начал обратный путь в Грейндж. Они проехали мимо скамейки, на которой сидел пожилой мужчина. Энни обернулась, чтобы посмотреть на него.

— Джейк, останови фургон. Я думаю это Колин.

— Что?

— Возвращайся назад. Я уверена, что ты только что проехал мимо него на той скамейке. Джейк выругался под нос, затем резко повернул на перекрестке с круговым движением

и поехал обратно к скамейке. Когда он остановился, Энни открыла дверь.

— Энни, не выходи. — Его слова не долетели до нее, потому что она уже выскочила и переходила дорогу, чтобы добраться до старика.

— Черт, Уилл меня прибьет. — Джейк последовал за ней.

Пожилой мужчина на лавочке выглядел уставшим и растерянным.

— Колин, я — Энни, приходила к вам сегодня утром. Вы в порядке?

Он удивленно смотрел на нее, гадая, кто же она такая, но потом все вспомнил и улыбнулся.

— Ах, да, я помню тебя, моя дальняя родственница.

— Колин, это мой друг Джейк. Давайте мы отвезем вас обратно в «Мидоу Филд»?

Он задумался, затем кивнул.

— Если вы не против, это было бы замечательно. Я так устал, что не знаю, как вообще сюда попал.

Он собирался встать, но Энни наклонилась и взяла его под локоть, отчего Джейк вздрогнул. Он покачал головой, и она нахмурилась. Она помогла Колину перейти дорогу к фургону. Джейк открыл дверцы клетки, готовый посадить его внутрь.

— Джейк, возьми себя в руки, мы не станем сажать его в эту клетку на все время пути в Грейндж.

Джейк наклонился и прошептал ей на ухо:

— Энни, он подозреваемый в убийстве. Мы должны.

— Ты не посадишь восьмидесятилетнего старика в клетку. Я буду сидеть с ним сзади.

— Господи, ты не знаешь, на что он способен.

Энни посмотрела на хрупкого старика, стоящего перед ними.

— Судя по его виду, не на многое.

Она открыла раздвижную дверь и помогла Колину подняться на высокую ступеньку. Усадив его на сиденье, она застегнула ремень.

— Энни, сядь со мной впереди, иначе Уилл убьет нас обоих.

Она сделала, как ей велели, захлопнула раздвижную дверь и села вперед. Джейк по рации сообщил в управление, что пропавший мужчина у него и он везет его обратно. Рация Джейка запищала. Это был Уилл.

— Джейк, ты можешь отвезти его в участок и оформить? Нам нужно с ним поговорить.

— Хотелось бы, чтобы кто-нибудь определился, куда мне ехать. — Он посмотрел в зеркало заднего вида на бледного, сморщенного старика. — Вообще-то, я не знаю, хорошая ли это идея. Он выглядит измученным и не очень здоровым. Может быть, лучше привезти его обратно и получить все необходимые лекарства, иначе Смити отправит нас прямо в больницу, а ты знаешь, сколько времени это займет.

— Прости, ты возможно прав. Энни с тобой?

— Да.

— Она в безопасности?

— Да.

— Спасибо.

Обратно они ехали молча, Колин погружился в свои мысли, а Энни недоумевала, как этот почтенный старик оказался втянут во всю эту неразбериху. Пока Джейк ехал быстрее обычного, чтобы вернуть всех обратно, она пыталась собрать все воедино. Внезапно Энни почувствовала знакомый ледяной холод на шее и задрожала. Что этот парень делал здесь, в

полицейском фургоне? Она оглянулась назад, не увидела его, но почувствовала, что он рядом.

Господи, может ли сегодняшний день стать еще более странным? Ей уже все порядком надоело, и она хотела забрать Альфи из дома Лили и крепко его обнять. Джейк проскочил через пробки гораздо быстрее, чем обычная машина, и вскоре они уже подъехали к повороту на «Мидоу Филд». Воздух в фургоне за считанные секунды превратился из слишком теплого в ледяной. Энни обернулась. Колин заметно приободрился, ведь они уже почти вернулись, и от этого ей стало немного легче.

— Я так рад вернуться домой. Спасибо, офицер, что подвезли. Честно говоря, я понятия не имел, как буду добираться обратно. Вы успокоите вечернюю медсестру? Она немного похожа на дракона.

Энни повернула голову и улыбнулась ему.

— Не за что, Колин. — И тут почувствовала, как ледяные пальцы схватили ее руку, а хриплый голос прошептал на ухо: «Он не Колин». Путаница мыслей, туманивших ее разум всю обратную дорогу, рассеялась, и все прояснилось, стало настолько очевидным, что Энни не могла поверить, почему не поняла этого раньше.

Она повернулась, чтобы посмотреть на старика позади нее, который тоже почувствовал изменения в атмосфере. Они находились так близко. Энни увидела Уилла, Адель и Кэти, ожидавших их появления у входных дверей, а также двух медсестер — такое красивое зрелище, прекрасная встреча. Старик посмотрел на нее, и она прошептала:

— Вы ведь не Колин Листер? Ваше настоящее имя Горди Маршалл — или вы предпочитаете Тафти?

Он коротко рассмеялся.

— Сегодня утром после твоего ухода я сказал себе, что с тобой будут проблемы. Я не ошибся. Все эти годы я жил как бедный, несчастный Колин, жил счастливо до тех пор, пока ты не пришла и все не испортила.

Он встал, упираясь двумя ногами. Собрав все свои силы, он поднял стоявший у его ног красный железный таран, используемый для выбивания дверей. Размахнулся и обрушил его на голову Джейка, от хруста Энни взвизгнула. Удар пришелся в бок, вырубив его. Фургон отклонился влево, Джейк упал на руль, и кровь хлынула из глубокой раны на его голове.

Энни закричала от отчаяния, пытаясь схватиться за руль и повернуть его, но Джейк прижимался к нему всем весом. Машина неслась к огромной ели, которой она любовалась сегодня утром, и Энни ничего не могла сделать, чтобы остановить ее, кроме как приготовиться к удару.

Уилл, который с ужасом наблюдал за происходящим, понял, что произошло, и крикнул ей, чтобы она выпрыгивала из фургона, но Энни не слышала ничего, кроме стука своего сердца, когда ствол дерева появился в поле зрения. Свернувшись в клубок, она обхватила голову руками, молясь, чтобы сработала подушка безопасности и спасла ее и Джейка от удара.

Она задрожала, почувствовав внезапный холод, охвативший ее тело. Ощущение такое, как будто ее завернули в защитный пакет со льдом, а затем раздался ужасный звук хруста металла, когда фургон врезался в дерево, и ее отбросило вперед в черноту.

Уилл побежал за вышедшим из-под контроля фургоном, за ним следовали Кэти, Адель и

медсестры. Звук, с которым машина врезалась в дерево, ужасал, и он понял, что если кто-то из них выберется оттуда живым, это будет чудо. Он не хотел потерять Энни — вот так. После всего, через что они прошли, она не должна умереть в полицейском фургоне, оставив его вдовцом, а Альфи — без мамы.

Он добрался до фургона и с трудом открыл дверь; ее заклинило, и она поддавалась лишь слегка. Энни лежала на полу, повсюду была кровь, и Уиллу показалось, что его мир только что рухнул. Затем она застонала, и он начал действовать. Из передней части фургона шел пар и дым, но ему было все равно. Он открыл раздвижную дверь и увидел старика, застрывшего под откинутым сиденьем.

Уилл проигнорировал его и наклонился, чтобы отстегнуть ремень безопасности Энни. Он вырвал подголовник из сиденья, наклонился и схватил ее под мышки. Таща изо всех сил, он сумел вытащить ее, и они оба упали на землю. Адель взялась за одну руку, а он — за другую. Вдвоем они отнесли Энни на безопасное расстояние, а затем вернулись, чтобы помочь Джейку.

Кэти удалось открыть его дверь, но он лежал мертвым грузом, и она не могла его вытащить. Уилл изо всех сил тянул своего друга, пока тот не вывалился из двери на землю, упав кучей на траву. Кэти схватила его за ноги, а Уилл — за подмышки, и они наполовину несли, наполовину тащили его туда, где осталась Энни.

Медсестры пытались вытащить Колина, но тут раздался хлопок, когда взорвался бак, и сила взрыва отбросила их назад. Они закричали при виде старика в задней части фургона, который не мог освободиться и вот-вот сгорит заживо. Уилл и Адель схватили их, чтобы не дать вернуться к горящей машине. Теперь они уже ничего не могли для него сделать.

Адель вызвала по радиации скорую помощь и пожарных. Фургон эффектно вспыхнул и теперь ярко горел. Кэти сидела на земле, держа голову Джейка на коленях. Его загорелое лицо потеряло все краски, а рана на голове обильно кровоточила. Из дома выбежала медсестра с полотенцами и аптечкой. Она наклонилась и стала прижимать полотенце к ране Джейка, чтобы остановить кровотечение.

Энни застонала, и Уилл опустился рядом с ней на колени. Она была ранена и в синяках, с порезом над бровью, но жива. Он крепко обнял ее, осыпая поцелуями.

— Джейк?

— Он в порядке. Ну, он дышит, без сознания и у него сильное кровотечение, но он будет в порядке.

Она посмотрела на фургон.

— Это был не Колин Листер.

— Тогда кто это черт возьми?

— Горди Маршалл — клоун Тафти. Убийца из пятидесятых. Когда в цирке произошел несчастный случай, он видимо сказал всем, что Колин — это Горди. Тот был сильно ранен и не мог говорить. Бедный Колин не умел ни читать, ни писать, поэтому не смог рассказать, что произошло. Боже мой, они повесили невиновного человека, а Горди Маршалл получил возможность прожить остаток жизни на свободе. Он избежал наказания за убийства и подставил бедного Колина.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что Колин пытался показать мне, что произошло: сны, ощущение холода, тяжелое дыхание, ведь он не мог говорить. Колин пришел ко мне, чтобы я ему помогла.

Уилл изо всех сил старался не нервничать. Если бы такое ему рассказал кто-нибудь

другой, он бы списал это на сотрясение мозга. Но это была Энни, которая могла говорить с мертвыми, хотя ему это не очень нравилось, и он ей поверил.

— Колин помог мне. Он спас меня и Джейка.

Она подползла к Джейку и взяла его за ледяную руку; затем улыбнулась.

— Где ты Колин?

Кэти уставилась на Энни.

— Кто такой Колин? Это не тот мертвый тип в фургоне, напавший на Джейка?

Энни покачала головой.

— Нет, это не Колин; это Горди Маршалл. Колин был доброй, нежной душой, которая пострадала от самой ужасной судебной ошибки — и он только что спас жизнь Джейку и мне.

Она посмотрела в сторону фургона, который уже вовсю пылал, в воздухе витал запах горящего топлива, резины и плоти. Повернувшись в противоположную сторону, она увидела вдалеке очертания крупного, застенчивого молодого человека, который пришел к ней за помощью и в итоге ее спас. Он улыбнулся ей и поднял руку, чтобы помахать.

— Спасибо, Колин.

Он кивнул.

«Спасибо тебе, Энни».

Она начала плакать, рыдая навзрыд от облегчения и эмоций, потому что Колин снова мог говорить. Из разрыва в облаках на то место, где он стоял, упал луч яркого белого света. Он поднял голову и улыбнулся. Энни кивнула и улыбнулась в ответ, а затем он исчез — в гораздо лучшее место. Его душа обрела покой. Энни решила, что сделает все возможное, чтобы очистить его имя и сделать так, чтобы люди знали, что невинный молодой человек погиб из-за страшной ошибки. Джейк застонал и приоткрыл один глаз.

— Что это за вонь? Я умер? Мне кажется, что я умер. О Боже, у меня кровь.

Он поднял голову и увидел лицо Кэти.

— Ты все-таки съела мой торт. У тебя виноватое выражение лица.

Она рассмеялась.

— Ты тупица; нет, не съела. Ты, наверное, сжег его дотла. Слава Богу, ты жив.

Он попытался повернуть голову и посмотреть, где Энни. Увидев ее залитое слезами лицо, Джейк закрыл глаза.

— О, ты и правда плачешь по мне, Энни Грэм? Как мило.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Да, Джейк, я плачу по тебе.

— Хорошо, теперь ты знаешь, каково это.

Машина скорой помощи свернула на дорогу, и Уилл помахал им рукой. Энни наблюдала за тем, как Джейка переключают на носилки и заносят в заднюю часть машины. Кэти последовала за ними.

— Я пойду с ним.

Уилл улыбнулся, а Энни подняла большой палец вверх.

Адель повернулась к ним.

— Думаю, ты должен забрать Энни и отправиться следом. Было бы разумно пройти обследование. Я останусь и разберусь с этим беспорядком.

— Ты не возражаешь? Спасибо, я очень ценю это.

— Рада помочь. Энни, было приятно познакомиться с тобой. Может быть, в следующий

раз наша встреча произойдет при более благоприятных обстоятельствах.

Энни рассмеялась.

— Я очень на это надеюсь. Спасибо тебе.

— Не за что.

Адель смотрела, как уезжает машина скорой помощи, за которой следует «БМВ» Уилла, и вздохнула. Какой конец долгой недели. По крайней мере, все, кто имел значение, остались живы.

Глава 26

Энни постучала в дверь Джейка, и ее встретил Алекс. Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Джейк в гостинной, ведет себя как королева драмы. Если он попросит меня принести ему еще один стакан воды, я закричу.

Она засмеялась.

— Значит, он выжимает из тебя все, что может?

Алекс приподнял бровь, и она последовала за ним внутрь. Джейк сидел и читал Элис сказку. На голове у него красовалась большая повязка, и Энни с радостью заметила, что его щеки стали гораздо румянее, чем в ее прошлый визит. Когда он заметил ее, то притворился, что упал в обморок.

— Заканчивай. У меня нет для тебя запасных «Оскаров». Из-за тебя Алекс уже сходит с ума.

Он указал на свою грудь.

— Я свожу его с ума? Ему повезло, что я жив. Я чуть не умер, а он стонет от просьбы принести мне стакан воды.

Энни снова засмеялась.

— Поверь, Джейк, тебе пора уже успокоиться. Боюсь, ты перестал быть сенсацией, так что будь мужиком.

— Ох, вы двое такие злые.

— Да, это называется жесткая любовь.

Элис посмотрела на Джейка.

— Мужик, папочка.

Джейк, потрясенный тем, что она произнесла целых два слова, посмотрел на Энни.

— Первое предложение моей дочери, благодаря тебе.

Затем он начал смеяться, и Энни, пораженная, присоединилась к нему. Она поцеловала его в щеку.

— Прости, Джейк, и еще раз спасибо, что ты был рядом со мной. Я люблю тебя.

— Ты и правда меня любишь? Тогда у меня нет к тебе претензий. Ты выяснила, что делать с неправомерной казнью настоящего Колина Листера? Я не могу перестать думать о нем.

Она кивнула.

— Я тоже. Бедный мальчик, должно быть, так испугался. Я уже начала. Написала заявление на имя старшего министра юстиции, чтобы добиться для него королевской прерогативы милосердия.

— Что? Я никогда о таком не слышал.

— Я тоже не слышала; по крайней мере, не по официальному названию. Это посмертное королевское помилование за судебную ошибку, связанную с казнью через

повешение.

— Вау, я понял тебя. Энни, я впечатлен. Будем надеяться, что они это сделают.

— Уверена, что так и будет. Как они могут не сделать? Это может занять очень много времени, но, по крайней мере, мы знаем правду, и Колин теперь обрел покой. Я не могу долго оставаться. Я еду в больницу к Джону. Просто хотела убедиться, что ты справляешься.

Она подмигнула ему и поцеловала Элис в макушку.

— Пока, умница.

Элис помахала ей рукой.

— Пока, умника.

Энни отправилась в путь. Она не могла дождаться, когда Альфи начнет говорить. Дети росли так быстро. Когда она добралась до больницы, на этот раз ей удалось найти место для парковки и заплатить за талон. Энни надеялась, что сегодня Джона отпустят домой. Она уже позвонила миссис Браун, которая переехала в пасторский дом, чтобы присматривать за ним. Это было очень мило. Как бы он ни стонал по поводу своей экономки, она была хорошей женщиной. Войдя в его палату, Энни чуть не завизжала, увидев его полностью одетым и сидящим в кресле у кровати.

Он улыбнулся ей.

— Ну, неужели я вижу перед своими глазами прекрасную Энни Грэм?

— Вы выглядите намного лучше. Вам разрешили вернуться домой?

Над его лицом пронеслось облако, и выражение лица на секунду потемнело. Он кивнул.

— Да, я им надоел. Сестра сказала, что она счастлива, что я ухожу.

Энни засмеялась.

— Хорошо, давайте вернем вас домой, где вы и должны быть. Миссис Браун будет на седьмом небе от счастья.

Он закатил глаза.

— Она, может, и будет, но я, возможно, нет.

— Не вредничайте. Кто-то должен присматривать за вами.

Он встал, и Энни взяла его сумку, которую принесла для него пару дней назад. Она собрала в нее все, что могло понадобиться, включая верную, выцветшую футболку «*Rolling Stones*», в которую Джон облачился сейчас. Они медленно вышли из палаты, Энни обхватила его руку. Она не рассказала ему о Горди Маршалле — не хотела обременять лишними заботами, — а он повел себя очень вежливо и не спросил, откуда у нее фиолетовый синяк на щеке и порез над глазом

Когда они вышли на свежий воздух, он глубоко вдохнул.

— Я больше никогда не буду воспринимать солнце на лице или свежий воздух в легких как должное. Спасибо тебе за все, Энни.

— Не за что; это меньше, что я могу сделать.

Они подошли к ее машине, и она открыла перед ним дверь. Джон отмахнулся от ее руки, когда она наклонилась, чтобы пристегнуть его ремень безопасности.

— Я еще не инвалид.

Она усмехнулась и обошла его со стороны водителя.

— Давайте, отвезем вас домой, а потом мне необходимо съездить на работу.

Войдя в здание участка, Энни поклялась себе, что больше никогда не будет воспринимать своих друзей как нечто само собой разумеющееся. Она испытала шок, оказавшись по другую сторону разыгравшейся драмы. Наблюдать со стороны было страшно,

и это придало ей стопроцентную уверенность в том, что она поступает правильно. Она постучала в дверь кабинета Кэти.

— Заходи. Ты принесла еду?

Энни улыбнулась, толкнув дверь, и передала ей коробку с огромным куском свежего кремового торта внутри. Кэти кивнула в знак благодарности. Энни также передала ей хрустящий белый конверт.

Кэти подняла бровь.

— Это то, о чем я думаю?

Энни пожала плечами.

— Зависит от того, насколько сильно ты хочешь от меня избавиться.

— Нет ничего, чего бы я хотела больше. Не пойми меня неправильно, я люблю тебя, милая, но мой уровень стресса почти пришел в норму.

Кэти провела пальцем по внутренней стороне конверта и вытащила лист. Она прочитала рапорт, и Энни с удовольствием увидела, как в уголке глаза ее инспектора появилась маленькая слезинка. Энни смахнула свои собственные слезы, но они вызваны не печалью, а облегчением. У нее теперь появилось новое приключение, на котором следовало сосредоточиться. Она должна в ближайшее время получить ключи от магазина возле Лейксайда, где собиралась открыть кафе и книжный магазин. Уилл и Кав согласились заняться оформлением помещения, как только ключи будут у нее. Кэти встала и подошла к Энни. Она притянула ее к себе и крепко сжала.

— Я принимаю твою отставку. Ты чертовски хороший офицер, и мне грустно видеть, как ты уходишь. Но как друг ты еще лучше, и я предпочту, чтобы ты жила своей жизнью и не мучилась от страха. Ты поступаешь правильно, детка. Когда выйду на пенсию, я устроюсь к тебе на полставки.

Кэти подмигнула ей, и Энни обняла ее в ответ.

— Тебе и Каву всегда рады, ты же знаешь.

— Всегда?

— Да, всегда.

Энни повернулась и вышла, комок в горле мешал ей говорить. Как только она оказалась на свежем воздухе, то улыбнулась. Это прекрасное место для жизни, и она собиралась начать жить без сожалений, а главное — без страха.

Уилл поднял глаза от компьютера, когда Адель вошла в его кабинет с двумя кружками горячего кофе. Он отодвинул распечатки и папки, покрывавшие стол, чтобы освободить место.

— Я уверен, что результаты анализа ДНК подтвердят, что Уолтер Лейси виновен в смерти Полины Кук и Билли Маркса. А Уолтера Лейси, я считаю, убил именно Горди Маршалл. Надеюсь, что найдутся доказательства ДНК. Энни изучала множество материалов о Горди Маршалле, он же Колин Листер. Ему сошло с рук убийство его родителей, а также матери Колина и маленькой девочки, за которое Колина повесили. И все это время он мог доживать остаток жизни, не заботясь, что позволил умереть невинному человеку. Кто знает, сколько еще смертей могло произойти по его вине за эти годы?

Адель передала Уиллу кружку и села.

— У меня голова болит от одной только попытки разобраться во всем этом. Полагаю,

мы никогда не узнаем, скольких людей убил Горди Маршалл. В доме престарелых происходили какие-нибудь подозрительные смерти?

— Я поручил Шоне и Брэду разобраться в этом. Надеюсь, что нет. У нас и так много хлопот, не нужно к ним добавлять еще что-нибудь. — Уилл жестом указал на бумаги. — Хотя есть одна хорошая вещь. Угадай, что Энни собиралась сделать сегодня утром? — Он посмотрел на часы и улыбнулся. — На самом деле она уже должна закончить.

Адель пожала плечами.

— Не знаю. Тебе придется мне рассказать.

— Она собиралась встретиться с Кэти и подать рапорт об отставке.

— И правда, это прекрасная новость. Ты, должно быть, испытываешь огромное облегчение.

— Я уже чувствую себя на десять лет моложе. Может быть, теперь мы сможем жить относительно нормальной жизнью. Больше не надо оглядываться через плечо, не надо беспокоиться, что она делает и с кем может быть связана. Никогда не знаешь, кто скрывается за маской, сколько обычных на первый взгляд людей оказались садистами-убийцами. Теперь уже нет. Сегодня очень хороший день, Адель.

Дебс была единственным криминалистом в большом офисе. Натянув пару латексных перчаток, она открыла коричневый бумажный пакет для улик с костюмом клоуна внутри. Его предстояло полностью высушить, прежде чем отправлять в лабораторию судебной экспертизы в Уоррингтоне для тестирования. Она срезала зеленую бирку с дверцы сушильного шкафа и записала информацию в книгу учета вещественных доказательств. Затем достала костюм, чтобы повесить его внутри.

Положив пакеты с уликами рядом с ним для сохранности, она не могла перестать смотреть на костюм. В нем было что-то завораживающее. Она услышала, как ее зовут из коридора, и вышла из оцепенения. Отвращение заполнило ее разум, когда она выпустила окровавленный рукав, который держала. Дебс захлопнула дверь и снова запечатала ее, на этот раз с желтой биркой.

Сняв перчатки, она повернулась, чтобы выйти из кабинета. Когда она дошла до двери, то услышала голос: «Я буду ждать тебя». Повернувшись, чтобы посмотреть, кто это сказал, Дебс почувствовала, что ее сердце пропустило удар. Кроме нее, никого не было. Закрыв за собой дверь, она услышала тихий щелчок замка и вздрогнула.

Конец